

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2025 ■ $\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 44 ■ № 1

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2025

$\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 44

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

12+

Кантовский сборник. — 2025. — Т. 44, №1. — 146 с.

Kantian Journal, 2025, vol. 44, no. 1, 146 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by
Immanuel Kant Baltic Federal University
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia)

Адрес редакции:
236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial office address:
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя:
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Адрес типографии:
236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2025

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2025

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна*, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;
- Чалый Вадим Александрович*, доктор философских наук, доцент, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия) — заместитель главного редактора;
- Бажанов Валентин Александрович*, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);
- Байзер Фредерик С.*, доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);
- Белов Владимир Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия);
- Васильев Вадим Валерьевич*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
- Вуд Аллен*, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);
- Дёрфлингер Бернд*, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);
- Зильбер Андрей Сергеевич*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Калинников Леонард Александрович*, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
- Кляйнгельд Паулин*, доктор философии, профессор, Гронингенский университет, Гронинген (Нидерланды);
- Копцев Иван Демьянович*, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
- Круглов Алексей Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия);
- Мер Рудольф*, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);
- Пушкарский Анатолий Геннадьевич*, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Разев Данил Николаевич*, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
- Румянцев Татьяна Герардовна*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);
- Соболева Майя Евгеньевна*, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);
- Сорина Галина Вениаминовна*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия);
- Тиммерман Йенс*, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский Университет, Сент-Эндрюс (Великобритания);
- Тремблэй Фредерик*, доктор философии, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София (Болгария);
- Уоткинс Эрик*, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);
- Чернов Сергей Александрович*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);
- Штарк Вернер*, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia); Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
- Prof. Vadim A. Chaly*, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
- Prof. Valentin A. Bazhanov*, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);
- Prof. Frederick C. Beiser*, Syracuse University, Syracuse (USA);
- Prof. Vladimir N. Belov*, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia);
- Prof. Sergey A. Chernov*, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);
- Prof. Bernd Dörflinger*, University of Trier (Germany);
- Prof. Leonard A. Kalinnikov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
- Prof. Pauline Kleingeld*, University of Groningen (the Netherlands);
- Prof. Ivan D. Koptsev*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
- Prof. Alexey N. Krouglov*, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);
- Dr Rudolf Meer*, University of Graz (Austria);
- Anatoly G. Pushkarsky*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary;
- Prof. Danil N. Razeev*, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
- Prof. Tatiana G. Rumyantseva*, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
- Prof. Maja E. Soboleva*, University of Marburg (Germany);
- Prof. Galina V. Sorina*, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
- Prof. Werner Stark*, University of Marburg (Germany);
- Prof. Jens Timmermann*, University of St Andrews (UK);
- Dr Frederic Tremblay*, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia (Bulgaria);
- Prof. Vadim V. Vasilyev*, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
- Prof. Eric Watkins*, University of California, San Diego (USA);
- Prof. Allen W. Wood*, Indiana University Bloomington (USA);
- Dr Andrei S. Zilber*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

Сироткина Л.С. Блуждание в фигурах силлогизма: О возможной когнитивной силлогистике Канта	7
Штольценберг Ю. Кант об энтузиазме	40

Кант: pro et contra

Гутишмидт Х., Крюков А.Н. Перипетии опыта. «Опытное познание» у Канта и «явления» Гегеля	68
Румянцева Т.Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев	89

Архив

Рожин Д.О. Кант в русском полицейском праве: неизвестные страницы	107
Приложение. [Статья С.В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта] 30 января / 12 февраля 1904 г.	121

События

Старцева А. Наследие И. Канта и философия будущего. Обзор V Международной летней школы для исследователей, молодых ученых и студентов	132
---	-----

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

<i>Sirotkina L.S.</i> Wanderings in Syllogistic Figures: On Kant's Possible Cognitive Syllogistics	7
<i>Stolzenberg J.</i> Kant on Enthusiasm	40

Kant: pro et contra

<i>Gutschmidt H., Krioukov A.</i> Peripetien der Erfahrung. Kants „Erfahrungserkenntnis“ und Hegels „Erscheinungen“	68
<i>Rumyantseva T.G.</i> Plekhanov as “Defender” of Kant from Neo-Kantians	89

Archive

<i>Rozhin D.O.</i> Kant in Russian Police Law: Unknown Pages	107
<i>Supplement.</i> [Article by S.V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant's Death] 30 January / 12 February 1904	120

Events

<i>Startseva A.</i> Kant's Legacy and Philosophy of the Future. Report of the Fifth Immanuel Kant International Summer School for Young Scholars and Students.....	132
--	-----

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Sigla index see here: http://www.kant-gesellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

УДК 1(091):159.955.6

БЛУЖДЕНИЕ В ФИГУРАХ СИЛЛОГИЗМА: О ВОЗМОЖНОЙ КОГНИТИВНОЙ СИЛЛОГИСТИКЕ КАНТА

Л. С. Сироткина¹

В трактате И. Канта «Ложное мудрствование в четырех фигурах» просматриваются логический, гносеологический и когнитивно-психологический содержательные пласты. Три ракурса репрезентации умозаключений практически не дифференцированы. В первой части статьи обсуждается логическое и онтолого-гносеологическое содержание трактата с целью выявить предпосылки когнитивной интерпретации силлогизмов. Во второй части предпринимается попытка эксплицировать когнитивное содержание работы и дать системное представление когнитивных свойств силлогизмов в кантовском их видении. Кантовский силлогизм характеризуется как интеллектуальное действие, направленное на устранение возникшей в познании ситуации неотчетливости и состоящее из нескольких мыслительных процедур. Когнитивные свойства силлогизмов обнаруживаются в общей характеристике Кантом умозаключений и в частных признаках отдельных фигур. В третьей части статьи решается задача реконструкции возможной когнитивной силлогистики Канта в тех аспектах, которые просматриваются в его трактате, но им не обсуждаются. Основания реконструкции усматриваются в различении Кантом двух способов формулирования умозаключений, один из которых он обозначает термином «в форме суждений». Исходя из этого различаются формальный и «онтологический» силлогизмы по типу связей между частями посылок. Онтологический силлогизм характеризуется как соответствующий, в отличие от формального, высшим правилам по своему содержанию. На этом основании процедура построения вывода даже по совер-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 05.04.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-1

WANDERINGS IN SYLLOGISTIC FIGURES: ON KANT'S POSSIBLE COGNITIVE SYLLOGISTICS

L. S. Sirotkina¹

Kant's treatise "The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures" has logical, epistemological, and cognitive-psychological implications. These three perspectives on his conclusions are practically undifferentiated. The first part of this article discusses the logical and ontological-gnoseological content of the treatise in order to reveal the prerequisites for the cognitive interpretation of syllogisms. The second part is an attempt to explicate the treatise's cognitive content, i.e. a systemic representation of the cognitive properties of syllogisms, as understood by Kant. Kant's syllogism is characterised as an intellectual act aimed at eliminating opaqueness in cognition and consists of several mental procedures. The cognitive properties of syllogisms are discoverable in Kant's general characterisation of syllogisms, as well as in the characteristic marks of individual figures. The third part is an attempt to reconstruct Kant's cognitive syllogistics from angles which can be discerned, but are not explicitly discussed, in the treatise. This reconstruction is based on the distinction Kant draws between two modes of formulating conclusions, one of which is "in the form of judgements". Here, formal and "ontological" syllogisms are distinguished by the type of relation that obtains between parts of the premises. An ontological syllogism, unlike the formal kind, conforms to the most stringent rules in terms of content. The procedure of making an inference, even according to a perfect figure, is described as 'composite', involving, as it does, the transformation of a formal syllogism into an ontological one, or the supplementing of the formal

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 05.04.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-1

иенной фигуре описывается как составная – предполагающая трансформацию формального силлогизма в онтологический либо восполнение формального силлогизма промежуточным выводом, подводящим части силлогизма под категории, содержащиеся в высших правилах. Ошибки построения выводов в индивидуальной когнитивной связываются с использованием в ней «формы суждений», затемняющей связи, ясное представление которых необходимо для следования высшим правилам. В заключении статьи системно характеризуется когнитивное содержание трактата, а также намечаются когнитивистские исследовательские перспективы, порождаемые идеями трактата и связанные с изучением разворачивания силлогизмов в когнитивной реальности.

Ключевые слова: Кант, докритический период, «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», логическая процедура, силлогизм, когнитивная силлогистика

1. Введение

«Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» – небольшой по объему и интеллектуальным усилиям автора (по его собственному утверждению) докритический трактат И. Канта. Всякого, кто сколько-нибудь слышал о содержании традиционной логики, название обращает к логической проблематике и отсылает к аристотелевской силлогистике (с последующими ее дополнениями): в работе автор обсуждает целесообразность выделения и изучения четырех фигур силлогизма.

Идея Канта состоит в том, что различение и вообще конструирование силлогистических форм, определяемых разными положениями среднего термина в посылках, не только нецелесообразно, но вредно и не соответствует назначению логики вносить простоту и ясность в исследуемые объекты. Положения логики о второй – четвертой фигурах силлогизма, согласно позиции Канта, не могут давать «самое ясное понятие об умозаключениях». Поэтому они не могут быть предметом логического изложения, так как «цель логики – не запутывать, а

syllogism with an intermediate inference which brings the parts of the syllogism under the categories contained in the highest rules. Errors in inferences in individual cognition are attributed to the use of the “form of judgements”, which obscures the connections that must be clearly understood according to the highest rules. In conclusion, the author systematically presents the cognitive content of the treatise and outlines cognitive pathways that are generated by the ideas of “The False Subtlety” and connected with the study of the unfolding of syllogisms in cognitive reality.

Keywords: Kant, pre-critical period, “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures”, logical procedure, syllogism, cognitive syllogistics

1. Introduction

“The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures” is Kant’s relatively modest pre-critical piece, both in terms of its size, and the effort that went into writing it (according to Kant’s own admission). For anyone at all familiar with the subject of logic, the title conjures up Aristotelian syllogistics (and subsequent additions to it); the content addresses the practicability of isolating and studying the four syllogistic figures.

Kant argues that distinguishing and constructing syllogistic forms determined by different positions of the middle term in the premises is unhelpful, and even harmful because it is at odds with the mission of logic: to bring simplicity and clarity to the objects of investigation. Kant maintains that logic’s judgements on syllogistic figures II–IV cannot “represent the syllogism in clearest form” (DfS, AA 02, p. 56; Kant, 1992b, p. 99). Therefore, they cannot be the object of logical presentation since “the purpose of logic [...] is not to confuse but to clarify, its aim is not to obscure but clearly to reveal [...]” (*ibid.*). Kant describes the distinction of several figures and different modes in logical theory as “false subtlety”.

распутывать, не излагать что-то в скрытой форме, а достигать ясности...» (AA 02, S. 56; Кант, 1994б, с. 34). Разграничение в логической теории нескольких фигур и разных модусов Кант характеризует как «ложное мудрствование».

Причина столь категоричной оценки излагается в трактате явно. Модусы трех «не-нужных» фигур посредством процедур непосредственных выводов сводятся к модусам первой — совершенной, чистой — фигуры. Ее чистота обуславливается тем, что «одна только она содержит в себе всю силу вывода» (AA 02, S. 58; Там же, с. 37). Эта «сила», в свою очередь, определяется тем, что только по первой фигуре вывод непосредственно строится по «высшим правилам» всех умозаключений (*Nota notae*, далее — NN, и *Repugnans notae*, далее — RN). В остальных фигурах расположение терминов таково, что прямое применение высших правил оказывается невозможным.

Сводится ли содержание трактата к изложению идей, известных со времен Аристотеля (Луканин, 1984, с. 108)? Является ли оно исключительно логическим? Можно ли утверждать, что Кант, полагавший едва ли не бессмысленной случайностью возникновение в истории логической мысли учения о трех из четырех возможных фигур силлогизма и пустой тратой времени последующее изучение этих искусственных конструкторов, тратил собственные силы на обоснование манипуляций терминами посылок?

Полагаю, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Работа Канта, на мой взгляд, многослойна: в ней помимо собственно логического просматривается гносеологическое и когнитивно-психологическое содержание². Логические и гносеологические аспекты трактата проанализированы в работах А. Беслера, В. Н. Брюшинкина, А. Ванзо, М. Ватаву,

² Следуя идеям В. Н. Брюшинкина (Брюшинкин, 2004), в трактате можно усмотреть и проблематику философии логики, а именно обращение к проблеме соотношения логических процедур и естественного мышления в контексте поиска посылок для вывода и обоснования самого вывода (в современной терминологии — поиска вывода).

The reason for such a categorical assessment is explicitly stated in the treatise. Through procedures of immediate inference, the modes of the three “unnecessary” figures are reducible to the first, perfect and pure, figure. Its purity is due to the fact that it “has the power to generate the conclusion” (*DfS*, AA 02, p. 58; Kant, 1992b, p. 102). This “power”, in turn, is determined by the fact that it is only in the first figure that the conclusion is drawn according to the highest rules of all syllogisms (*Nota notae*, elsewhere NN, and *Repugnans notae*, elsewhere RN). The position of the terms in all the other figures precludes the direct use of the highest rules.

Does the content of the treatise boil down to a rendering of ideas known since Aristotle (Lukanin, 1984, p. 108)? Is it concerned solely with logic? Is it the case that Kant, who believed that the emergence of the doctrine of three out of four possible syllogistic figures was little short of an accident and that subsequent study of these artificial constructs was a waste of time, himself, expended effort on discussing manipulations of the terms of premises?

I think the answer to these questions must be negative. In my view, Kant’s work has multiple layers: in addition to the logical, it has also epistemological and cognitive-psychological content.² The logical and epistemological aspects of the treatise have been analysed in the works of Arman Besler, Vladimir N. Bryushinkin, Alberto Vanzo, Mihaela Vatavu, Konstantin V. Lemeshevsky, Huaping Lu-Adler, and Kirk D. Wilson.³

² Following Vladimir Bryushinkin (2004), one can discern in the treatise reference to problems in the philosophy of logic, viz., the problem of the relation between logical procedures and natural thinking, in view of the search for premises for deduction and grounding of the conclusion itself (deduction-search, in modern terminology).

³ The logical-epistemological aspects of the treatise have been discussed in the context of the study of Kant’s

К. В. Лемешевского, Х. Лу-Адлер, К. Уилсона³. Однако в когнитивном ракурсе кантовская работа не была самостоятельным предметом анализа. Некоторые несистематические замечания подобного рода обнаруживаются в статьях А. Беслера, А. Ванзо, М. Ватаву, Д. Далла Роса, Х. Лу-Адлер. Когнитивные ремарки сосредоточены в рамках трех контекстов. Контекст 1 — природа кантовского силлогизма. Лу-Адлер (Lu-Adler, 2015) и Далла Роса (Dalla Rosa, 2020) подчеркивают ее процессуальный характер для несовершенных модусов. Беслер, противопоставляя выводы по первой и прочим фигурам, усматривает вероятное различие в том, что вторые возможны только в когнитивной реальности (Besler, 2022). Контекст 2 — правила несовершенных модусов и их познавательный статус. Далла Роса рассматривает их применение как когнитивный акт, состоящий из трех операций, и отмечает дескриптивный (для когнитивной реальности) характер этих правил в отличие от нормативности правил первой фигуры (Dalla Rosa, 2020). Контекст 3 — кантовское видение возможности рассуждений по несовершенным модусам только через редукцию к модусам первой фигуры. Беслер выдвигает тезис о том, что подобный способ рассуждения не соответствует тому, что происходит в реальном познавательном процессе (Besler, 2022).

В свете когнитивного поворота современной науки соответствующее прочтение трактата Канта открывает определенные исследовательские перспективы. В этой связи в статье предпринимается попытка дифференцировать

³ Логико-гносеологические аспекты трактата проанализированы в контексте изучения кантовской оценки роли силлогизмов в познании (Vanzo, 2018), оценки высших правил силлогизмов (Брюшинкин, 1986; Vanzo, 2018), возможности редукции модусов несовершенных фигур (Лемешевский, 2009; Wilson, 1975), сущности суждения и умозаключения (Vatavu, 2019; Lu-Adler, 2015). Исследователи, указывая на наличие двух стратегий обоснования выводов по несовершенным фигурам (по правилам и через редукцию), отмечали, что Кант сделал выбор в пользу только редукции, и подчеркивали проблематичность (в частности, неполноту) предложенного им обоснования сведения модусов второй — четвертой фигур.

However, Kant's work has not been examined specifically from the cognitive point of view. Occasional unsystematic remarks of this kind can be found in the articles of A. Besler, A. Vanzo, M. Vatavu, H. Lu-Adler, and Davide Dalla Rosa. Such remarks are concentrated in three types of context. The first context regards the nature of the Kantian syllogism. Lu-Adler (2015) and Dalla Rosa (2020) stress its processual character for imperfect modes. Besler (2022), juxtaposing conclusions according to the first and other figures, discerns a possible difference in that the latter are possible only in cognitive reality. The second context concerns the rules of imperfect modes and their cognitive status. Dalla Rosa (2020) sees their use as a cognitive act comprising three operations and notes the descriptive character of these rules for cognitive reality, in contrast to the normativity of rules in the first figure. The third context is discussion of the Kantian view that reasoning according to imperfect modes is only possible through reduction to the modes of the first figure. Besler (2022) claims that this method of reasoning does not correspond to what happens in the real cognitive process.

In light of the cognitive turn of modern science, a corresponding reading of Kant's treatise opens up certain research perspectives. This article attempts to differentiate the semantic aspects of Kant's text (logical, epistemological, and cognitive-psychological), and reconstructs the cognitive aspect in

assessment of the role of syllogisms in cognition (Vanzo, 2018); of the highest rule of syllogisms (Bryushinkin, 1986; Vanzo, 2018); of the possibility of reduction of modes of imperfect figures (Lemeshevsky, 2009; Wilson, 1975); and of the essence of judgement and inference (Vatavu, 2019; Lu-Adler, 2015). Pointing to the existence of two strategies for grounding conclusions according to imperfect figures (by rules and through reduction), researchers noted that Kant had opted only for reduction, and questioned the grounds (and their completeness) for reducing modes of figures II–IV.

смысловые ракурсы кантовского текста (логический, гносеологический и когнитивно-психологический), реконструировать когнитивный в его связях с другими, а также наметить исследовательские перспективы, порождаемые идеями «Ложного мудрствования...».

2. Фигуры силлогизма: логико-гносеологический аспект

Различие первой и прочих фигур силлогизма подчеркивалось еще Аристотелем (Аристотель, 1952): первая фигура является совершенной, прочие посредством определенных процедур сводимы к ней. Это обстоятельство не умаляет значения разных фигур и не лишает их места в познании. В частности, Ламберт в «Новом Органоне» отмечал, что вторая фигура может использоваться для различения вещей, третья — для доказательства примеров и исключений, четвертая — для исключения отношений между видами и родами (Lambert, 1764, S. 140–141). Однако Кант выделение второй — четвертой фигур характеризует довольно жестко как «ложное мудрствование» и выражает сожаление по поводу неоправданных трат времени и сил умных людей на изучение объектов, не имеющих какой-либо познавательной ценности (AA 02, S. 56–57; Кант, 1994б, с. 34–35). Думается, что оба термина в этой нелестной характеристике содержат глубокие смыслы и нуждаются в пояснении.

Почему «мудрствование»? Существенное отличие совершенных и несовершенных силлогизмов Кант усматривает не в результативных, а в процессуальных характеристиках рассуждений по этим фигурам: силлогизм по первой фигуре включает те и только те умственные акты, которые необходимы и достаточны для умозаключения. В то же время силлогизмы по второй — четвертой фигурам характеризуются своего рода процедурной избыточностью (включают не менее четырех актов) и путем простейших преобразований сводятся к пер-

conjunction with the others, suggesting some avenues for research generated by notions of “The False Subtlety”.

2. Syllogism Figures: Logical-Epistemological Aspect

The difference of the first figure from the others was already stressed by Aristotle (2009): the first figure is perfect, while the others can be reduced to it through certain procedures. This does not mitigate the significance of various figures and does not deprive them of their place in cognition. Lambert (1764, pp. 140–141) in *Neues Organon* pointed out that the second figure can be used to distinguish things, the third to prove examples and exceptions, the fourth to exclude the relations between species and genus. Kant, however, characterises the distinction of the figures II–IV flatly as “false subtlety”, lamenting the fact that intelligent people waste their time and effort on the study of objects which have no cognitive value (*DfS*, AA 02, pp. 56–57; Kant, 1992b, pp. 99–100). I believe that both terms in this unflattering characterisation carry profound meanings and need to be explained.

Why “subtlety”? Kant sees an essential difference between perfect and imperfect syllogisms not in the resultative but processual characteristics of reasoning according to these figures: the first-figure syllogism includes those and only those mental acts which are necessary and sufficient for making an inference. Meanwhile, the second through fourth figures are marked by a procedural redundancy (including no less than four acts) and are reducible to the first figure through simple transformations, thereby needlessly complicating cognitive procedures.

Why “false”? Kant does not challenge the tradition which maintains that reasoning according to these figures leads to the truth

вой фигуре, представляя собой, таким образом, неоправданное усложнение познавательных процедур.

Почему «ложное»? Ведь Кант не спорит с традицией, утверждающей, что рассуждения по этим фигурам с такой же необходимостью приводят к истине, как и совершенная первая фигура, — с точки зрения результата они идентичны (AA 02, S. 55; Там же, с. 34). Значит, их можно оценить как неправильные (в силу процедурной избыточности), нецелесообразные, наконец, некрасивые, но не ложные⁴? В тексте содержится явный ответ Канта на этот вопрос: «...остальные три способа заключения в качестве правил умозаключения вообще истинны, но в качестве таких, которые содержали бы простые и чистые заключения, они ложны» (AA 02, S. 56; Там же, с. 35). Это высказывание истинно при условии, что «простота» и «чистота» являются значимыми качествами умозаключений. И для Канта это действительно так. Но по какой причине? Нельзя ли усмотреть более глубокие корни кантовского представления о «ложности» трех фигур? Полагаю, основание для утвердительного ответа на этот вопрос задано гносеологическим контекстом трактата Канта — его пониманием сущности познания (в том виде, в каком это понимание отражено в «Ложном мудрствовании...») и ее воплощения в логических формах мышления. Реконструируем возможные черты той гносеологии, которая просматривается в «Ложном мудрствовании...».

1. Простейшая онтолого-гносеологическая структура, обеспечивающая возможность отчетливого познания, представлена объектами двух типов: вещами (предметами) и выделяемыми у них признаками. Некоторые признаки непосредственно присущи вещам, другие являются признаками признаков и в силу этого также присущи предметам.

2. Отчетливое познание обеспечивается процедурами двух типов: непосредственным

⁴ Замечу, что в современной логике термин «ложный» не применяется к умозаключениям.

as surely as the perfect first figure; they are identical in terms of result (DfS, AA 02, p. 55; Kant, 1992b, p. 99). Hence, they can be said to be incorrect (procedurally superfluous), impracticable, even inelegant — but false?⁴ The text contains an explicit answer to this question: “the remaining three modes of inference, construed as syllogistic rules in general, correct, but construed as containing simple and pure inference, they are mistaken” (DfS, AA 02, p. 56; Kant, 1992b, pp. 99-100). This statement is valid on the condition that “simple” and “pure” are meaningful properties of inferences. For Kant, this is indeed the case. But why? Could Kant’s concept of the three figures’ being false have deeper roots? I believe that an affirmative answer to this question is dictated by the epistemological context of Kant’s treatise, including his comprehension of the essence of cognition (the way it is reflected in “The False Subtlety”) and its embodiment in logical forms of thinking. Let us reconstruct the possible features of the epistemology discernible in “The False Subtlety”.

The simplest ontological-epistemological structure that ensures the feasibility of distinct cognition is represented by two types of objects: things (objects) and their characteristic marks. Some characteristic marks are inherent in things, while others are characteristic marks of characteristic marks and are thus also inherent in objects.

Distinct cognition is ensured by two types of procedures: (a) immediate comparison of the object and a characteristic mark and (b) mediate comparison when the characteristic mark is cognised as (not) inherent in a thing because it is (un)inherent in another characteristic mark of the thing. The form of the process and result of immediate comparison is a *judgement*

⁴ Incidentally, in modern logic the term “false” is not used with regard to inferences.

сравнением предмета и признака и опосредованным сравнением — таким, при котором признак познается как (не)присущий вещи в силу того, что он (не)присущ другому признаку этой вещи. Формой процесса и результатом непосредственного сравнения является суждение (как акт и как предложение); формой процесса опосредованного сравнения — умозаключение (силлогизм), результатом — совокупность предложений, связанных опосредствующим термином (средним). Суждение и умозаключение, таким образом, — это сравнения предмета и признака. Они представляют собой познавательные процедуры, являются основными формами познания, обеспечивающими отчетливость и полноту понятий.

3. Основными конститутивными свойствами онтологии и, как следствие, принципами, определяющими опосредованное познание разумных существ, выступают следующие: признак признака вещи есть признак самой вещи (NN), и то, что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи (RN). Эти правила определяются самой структурой бытия и являются базовыми универсальными принципами познания⁵ (AA 02, S. 49; Там же, с. 26—27). По оценкам исследователей, эти правила были оригинальными утверждениями Канта, и их аналоги не обнаружены у его предшественников (Vanzo, 2018, p. 172).

4. Базовые правила опосредованного познания — это правила всякого утвердительного или отрицательного умозаключения. Умозаключение, построенное строго в соответствии с этими правилами, — совершенное именно в силу следования высшим правилам познания. Возможны умозаключения, построенные без явного отражения высших правил; они являются несовершенными.

⁵ Полагаю, что именно по этой причине эти правила являются высшими, не сводимыми ни к каким другим; напротив, традиционно считавшиеся первыми правилами умозаключений *Dictum de omni* и *Dictum de nullo* выводятся из них: правила *Dictum* относятся к понятиям (мыслям), правила *Nota* — к структуре бытия (AA 02, S. 49; Кант, 1994б, с. 26; см.: Брюшинкин, 1986, с. 35).

(as an act and as a sentence); the form of the process of mediate comparison is an *inference* (syllogism); and the result is a combination of sentences linked by a mediate (middle) term. Judgement and inference are thus comparisons of the object and the characteristic mark. They are cognitive procedures, and the main forms of cognition that ensure the distinctness and completeness of concepts.

The main constituting properties of ontology and, consequently, the principles that determine the mediated cognition of rational beings, are as follows: a characteristic mark of a characteristic mark of a thing is a mark of the thing itself (NN), such that what contradicts the mark of a thing contradicts the thing itself (RN). These rules are determined by the very structure of being and are basic universal principles of cognition⁵ (DfS, AA 02, p. 49; Kant, 1992, p. 91). Researchers attest that these rules were first formulated by Kant, since no analogues have been found in the work of his predecessors (Vanzo, 2018, p. 172).

The basic rules of mediate cognition are the rules of every affirmative or negative syllogism. A syllogism made in strict accordance with these rules is perfect precisely because it follows the highest rules of cognition. Syllogisms made without clear conformity to the highest rules are possible but they are imperfect.

Only the first figure corresponds to the highest rules. The remaining ones are imperfect, redundant, “obscuring” cognition. They make the concepts full but do not make them distinct.

⁵ I believe that this is why these rules are the highest and cannot be reduced to any other rules; on the contrary, the inference rules *Dictum de omni* and *Dictum de nullo*, traditionally thought to be the first rules of inference, are derived from them: *Dictum* refers to concepts (thoughts), and *Nota* rules refer to the structure of being (DfS, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91; see: Bryushinkin, 1986, p. 35).

5. Высшим правилам соответствует только первая фигура. Остальные — несовершенны, избыточны для познания, «затемняют» его. Обеспечивая полноту понятий, они не обеспечивают ясность познания.

Таким образом, вторая — четвертая фигуры нарушают сами фундаментальные принципы познания, цель которого — отчетливость и ясность. Они не только не имеют ценности для познания, но и вредны для него. Не поэтому ли, среди прочего, Кант характеризует их как ложные?

Определенным диссонансом гносеологической интерпретации суждений и умозаключений звучит, на первый взгляд, трактовка Кантом умозаключения как суждения (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25). Брюшинкин оценивает ее как предтечу сформировавшегося позднее высказывательного подхода к рассуждениям (Брюшинкин, 1986, с. 32). В этом случае умозаключение должно характеризоваться непроцессуально и в определенном смысле безотносительно к познанию как процессу — должно рассматриваться только как связь трех посылок по истинности. При таком подходе вопрос об основаниях вывода, очевидности / неочевидности его построения, сравнительных особенностях фигур и модусов не имеет значения — они все тождественны с точки зрения сохранения истины (при истинности посылок гарантируют истинное заключение). Однако подобная интерпретация, очевидно, не исчерпывает кантовское понимание умозаключения: будучи суждением, оно обладает признаками суждения, которое, в свою очередь, есть сравнение предмета с признаком; соответственно, и умозаключение представляет собой аналогичное действие, но совершаемое на основании опосредствующего признака.

В «Ложном мудрствовании...» Кант отвергает трактовку непосредственных заключений как умозаключений: непосредственные «вовсе не есть умозаключения», потому что «из одного суждения истинность другого познается непосредственно, без среднего термина» (AA 02, S. 50; Кант, 1994б, с. 27). Какой смысл имеет это

Thus, figures II—IV violate the fundamental principles of cognition, which seeks clarity and distinctness. They are not only useless, but harmful for cognition. Could this be one of the reasons why Kant characterises them as false?

Kant's interpretation of inference as judgement seems, at first glance, to be at odds with the epistemological interpretation of judgements and inferences (*DfS*, AA 02, p. 48; Kant, 1992, p. 90). Bryushinkin (1986, p. 32) considers it the forerunner of the proposition approach to reasoning. In this case, the inference should be characterised non-processually, and in a certain sense irrespective of cognition as a process, i.e. only as a link between three premises by the truth. Given this approach, the question of the grounds of the inference — its structure being obvious or not obvious, comparative properties of figures and modes — becomes irrelevant, since they are identical from the point of view of the truth (i.e., both guarantee a valid inference given true premises). However, this interpretation obviously does not exhaust the Kantian interpretation of syllogism: being a judgement, it has the properties of a judgement which, in turn, is a comparison of the object with its characteristic mark; accordingly, a syllogism is an analogous act, only it is performed on the basis of a mediate mark.

In "The False Subtlety", Kant rejects the interpretation of immediate inferences as syllogisms because "from one judgement the truth of another judgement is cognised immediately without an intermediate concept" (*DfS*, AA 02, p. 50; Kant, 1992b, p. 92). What is the meaning of this distinction? Constructions which have essentially identical logical characteristics have different epistemological characteristics, which Kant deems to be regulative. In this as in other cases, Kant consistently adheres to an approach which goes far beyond formal logic.

различие? Конструкции, тождественные в существенных логических характеристиках, имеют различные гносеологические признаки, и именно они для Канта являются регулятивными. В этом вопросе, как и в прочих, философ последовательно реализует подход, далеко выходящий за рамки формального логического.

Я не стану углубляться в анализ места и роли «Ложного мудрствования...» в развитии гносеологических идей Канта — это сделали другие исследователи (см., например: Vatavu, 2019). По их оценкам, в трактате намечаются контуры идей будущей трансцендентальной логики. Здесь же важно подчеркнуть неформальность подхода к интерпретации силлогизмов, выводящего их за рамки логического рассмотрения в широкое пространство гносеологической проблематики. В то же время важно отметить следующее: в «Ложном мудрствовании...» обнаруживаются только некоторые проблески будущей логики познания — до очищенного от психологии философского анализа познания Кантом было еще почти двадцать лет. Здесь же познавательные акты представляются не только в общефилософском, но и в логико-когнитивном ключе, рассматриваются, среди прочего, *in concreto*. Психологистский подход к репрезентации суждений и умозаключений как актов ума, органичный для логической мысли докантовского периода, в «Ложном мудрствовании...» обнаруживает себя со всей очевидностью (Besler, 2022, p. 202) и, с одной стороны, подчеркивает своего рода «этапный» характер работы (в ней еще нет ничего завершенного, кроме критики несовершенных фигур), с другой — задает для современного исследователя ориентиры когнитивного изучения логических процедур естественного мышления.

3. Силлогистические акты: когнитивный ракурс кантовского трактата

Можно ли рассматривать работу Канта в когнитивном ракурсе? Особенно если принять во

I will not go into a detailed analysis of the place and role of “The False Subtlety” in the development of Kant’s epistemological ideas. This has been done by other researchers (see, for example, Vatavu, 2019), who see in it the beginnings of the future transcendental logic. What needs to be stressed is the informal approach to the interpretation of syllogisms, which takes them outside the logical framework into the wide space of epistemology. At the same time, it is important to note that “The False Subtlety” has only the glimmerings of a future logic of cognition: Kant is almost twenty years away from a philosophical analysis of cognition cleansed of psychology. Here, cognitive acts are approached not only in the general, philosophical but also in the logical-cognitive way, and considered *in concreto*. The psychologistic approach to representing judgements and syllogism as acts of the mind, which was a feature of pre-Kantian logical thought, is very much in evidence in “The False Subtlety” (Besler, 2022, p. 202). On one hand, it highlights the “phased” character of his work (there is nothing final in it other than the critique of imperfect figures); and on the other hand, it offers benchmarks for scholars studying the logical procedures of natural thought.

3. Syllogistic Acts: The Cognitive Aspect of Kant’s Treatise

Can Kant’s work be legitimately analysed from the cognitive point of view? Especially considering that, in his later works, Kant denies the logic of natural reasoning or, as he calls it, “psychology” (*Log*, AA 09, p. 13; Kant, 1992a, p. 529), or “applied logic” (*Log*, AA 09, p. 18; Kant, 1992a, pp. 532-533), the status of a logical science, whereas “The False

внимание то, что логике естественных рассуждений, или, как называл нечто подобное сам Кант, «психологии» (АА 09, S. 13; Кант, 1994a, с. 269) или «прикладной логике» (АА 09, S. 19; Там же, с. 273), сам философ в более поздних работах отказывает в праве иметь статус логической науки, а «Ложное мудрствование...» по замыслу — логическая работа? Думается, что экспликация когнитивно ориентированных элементов содержания не будет «прегрешением» против замысла автора. Отмечу, что в «Ложном мудрствовании...» Кант не поднимает фундаментальных вопросов о сущности логики как науки, но рассматривает относительно узкую проблему, современное обращение к которой в контексте когнитивного поворота логики теоретически и практически значимо. Кроме того, историко-философский контекст, в котором был написан трактат, не проблематизирует, но, напротив, поддерживает валидность такого подхода. Мейнстримное направление репрезентации форм мысли на момент написания «Ложного мудрствования...» было психологистски ориентированным: логические формы характеризовались в их связи с феноменом естественного мышления (Круглов, 2021б, с. 16). В этом ключе написаны логические работы Томазия (Круглов, 2021a, с. 15), Вольфа (Вольф, 1765), Крузия (Crusius, 1762), Баумейстера (Баумейстер, 1823, с. 15) и др. Несмотря на то что кантовская трактовка умозаключений в «Ложном мудрствовании...» в определенном смысле не совпадает с вольфовской, в целом с точки зрения историко-философского контекста исследователи характеризуют «Ложное мудрствование...» как «кантианскую сноску к логике Вольфа» (Vatavu, 2019, S. 551), а собственный теоретико-философский подход Кант выстраивает позже, в работах критического периода. Наконец, некоторые признаки, приписываемые Кантом силлогизмам, дают основания говорить о том, что в «Ложном мудрствовании...» Кант не проводит «чистый» подход к умозаключениям, а характеризует их

Subtlety" is conceived as a logical work. I do not think that an explication of its cognitively oriented elements would "sin" against the author's intention. In this treatise, Kant does not grapple with fundamental questions concerning the essence of logic as a science, focusing on a relatively narrow problem which has acquired new theoretical and practical significance because of the cognitive turn in logic. Besides, the historical-philosophical context in which the treatise was written does not problematise but, on the contrary, bolsters the validity of such an approach. At the time "The False Subtlety" was written, mainstream cognitive studies were psychology-oriented: logical forms were characterised in conjunction with the phenomenon of natural thinking (Krouglov, 2021b, p. 16). The logical works of Christian Thomasius (*cf.* Krouglov, 2021a, p. 15), Christian Wolff (1770), Christian August Crusius (1762), Friedrich Christian Baumeister (1747, p. 13), and others were written in the same vein. Although the Kantian treatment of inferences in "The False Subtlety" diverges in some ways from that of Wolff, in terms of the history of philosophy, researchers describe "The False Subtlety" as "a Kantian footnote to Wolffian logic" (Vatavu, 2019, p. 551); Kant's own theoretical philosophical approach does not emerge until later, in the works of the critical period. Finally, some properties Kant ascribes to syllogisms suggest that "The False Subtlety" does not take a "pure" approach to syllogism, but characterises them as realities of natural thinking (Vanzo, 2018, p. 175). I will try to recreate the cognitive depiction of syllogisms in Kant's treatise.

First, we can look to the conditions that determine the unfolding of syllogistic acts. Syllogisms, according to Kant, are constructed like answers to intellectual situations involving a lack of clarity concerning the connection

как реалии естественного мышления (Vanzo, 2018, p. 175). Попробую воссоздать когнитивный абрис силлогизмов в том виде, в каком их представляет в своем трактате Кант.

Во-первых, это касается условий, детерминирующих разворачивание силлогистических актов. Силлогизмы, по мысли Канта, строятся как ответ на интеллектуальную ситуацию неясности связей между вещью и признаком для познающего — умозаключение «проливает свет» на эту связь: «...именно потому, что противоречие между предикатом и субъектом я не всегда усматриваю с достаточной ясностью, мне, насколько это возможно, приходится прибегать к вспомогательному средству, чтобы облегчить себе понимание через промежуточный признак» (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25). Примечательно, что далее Кант подчеркивает значение непосредственной представимости признака. Умозаключения, таким образом, выступают не только как инструмент образования суждений, но и как когнитивный механизм прояснения связей познаваемых объектов, достижения отчетливости понятий.

Во-вторых, это касается когнитивных факторов, обеспечивающих образование логических форм мысли. Применительно к суждениям эта характеристика имеет вполне когнитивное звучание: Кант ставит вопрос о «таинственной силе, которая делает возможными суждения», и, отвечая на него, характеризует ее «как способность внутреннего чувства, т.е. способность делать свои собственные представления предметом своих мыслей» (AA 02, S. 60; Там же, с. 40; Ватаву называет эту способность сознанием: Vatavu, 2019, S. 531). В «Ложном мудрствовании...» Кант не задается вопросом о той «силе», которая позволяет строить умозаключения, делая очевидной силу вывода, в связи, вероятно, с тем, что усматривает этот механизм в осознанном следовании мышления высшим правилам. Однако можно предположить, что, развивая мысль в соответствующем направлении, философ мог бы задаться вопросом о том, как именно (посредством каких процессов) обеспечивается следо-

between a thing and its characteristic mark for the cognising subject: the syllogism “sheds light” on this connection: “[...] it is equally obvious that, since I do not always recognise the conflict of a predicate and a subject with sufficient clarity, I must, whenever possible, employ something to help me to facilitate my understanding by means of an intermediate characteristic mark” (DfS, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90). Significantly, Kant further emphasises the importance of immediate representation of the characteristic mark. Thus, syllogisms are not only tools for forming judgements, but cognitive mechanisms for clarifying the relations of objects being cognised, and for achieving distinctness of concepts.

Second, there are cognitive factors that make possible logical forms of thought. “Judgement”, for example, has a cognitive meaning: Kant raises a question about “the mysterious power which makes judging possible” which he answers by pointing to the “faculty of making one’s own representations the object of one’s thought” (DfS, AA 02, p. 60; Kant, 1992b, p. 104; Vatavu (2019, p. 531) calls this faculty consciousness). In “The False Subtlety”, Kant does not ask about the “power” that enables one to form a syllogism, making the power of inference evident, apparently because he sees it as the mechanism for the conscious subordination of thinking to the higher rules. However, it is possible to imagine that, pursuing this line of reasoning, Kant might have raised the question of how (i.e. through what processes) the subordination to higher rules of inference is ensured, or even what mechanism coerces thought into generating the inference. However, Kant did not set this task in “The False Subtlety”.

Third, the thesis is supported by Kant’s description of the cognitive mechanisms

вание высшим правилам умозаклучений или, наконец, какой механизм обеспечивает принудительное воздействие на мысль, порождающее вывод. Однако подобная задача в «Ложном мудрствовании...» перед автором не стояла.

В-третьих, тезис поддерживается соображениями Канта, связанными с описанием познавательных механизмов получения заключений по всем фигурам. Основания вывода трактуются автором как общие правила, по которым в ходе умозаклучающей деятельности получают заключения по всем «законным» и «незаконным» фигурам. Это обстоятельство позволяет некоторым исследователям трактовать высшие правила силлогизма (для утвердительных и отрицательных умозаклучений) как эвристики (Лемешевский, 2009, с. 44).

Итак, умозаклучение (силлогизм) предстает как: а) процессуальное образование, б) представляющее собой акт сравнения, в) имеющее мотивационную предпосылку в форме стремления сделать отчетливым неясное знание, г) состоящее из нескольких актов, д) некоторые из которых осуществляются в имплицитной форме, — иными словами, как некоторое интеллектуальное действие, направленное на устранение возникшей в индивидуальном познании ситуации неясности, неотчетливости.

Таким образом, в *общей* характеристике силлогизмов (умозаклучений) интегрированы общепhilosophические и когнитивно-психологические компоненты. Дополнительную информацию когнитивного характера дает *частное* описание Кантом силлогизмов по разным фигурам.

Силлогизмы по первой фигуре стоят особняком от всех прочих силлогистических конструкций. Их противопоставление имеет три основания. О гносеологическом речь шла выше. Второе — традиционное логическое, определяемое положением терминов в посылках. Третье — когнитивное. Оно просматривается, с одной стороны, в процессуальной характеристике фигур, с другой — в описании некоторых частных признаков несовершенных

for obtaining inferences according to all the figures. He interprets the grounds of inference as general rules according to which inferences are made for all, “legitimate” and “illegitimate”, figures. This circumstance prompts some researchers to treat the highest rules of syllogism (for affirmative and negative inferences) as heuristics (Lemeshevsky, 2009, p. 44).

Thus, an inference (syllogism) is: a) a processual entity; b) represents an act of comparison; c) has a motivational prerequisite, in the form of the wish to clarify opaque knowledge; and d) consists of several acts, e) some of which are effected implicitly. In short, it is an intellectual act intended to eliminate a lack of clarity in individual cognition.

Thus, the *general* characteristic of syllogisms (inferences) integrates general philosophical and cognitive-psychological components. Kant’s *particular* description of the various figures provides additional information about the cognitive nature of syllogisms.

Syllogisms according to the first figure stand apart from all other syllogistic structures. There are three grounds for opposing them. The epistemological ground has already been mentioned above. The second is the traditional, logical ground, determined by the position of terms in the premises. The third is cognitive, which is visible, first, in the processual characteristic of the figures; second, in the description of some particular properties of imperfect figures; and, finally, in “the power of inference” concept which Kant uses to describe a pure figure.

From the processual point of view, Kant describes the first figure in two ways. On one hand, it is atomistic: its structure does not have “inserted” procedures, but immediate inferences, so that the inference is made immediately from two premises (AA 02,

фигур и, наконец, в понятии «сила вывода», используемом Кантом для описания чистой фигуры.

С процессуальной точки зрения Кант характеризует первую фигуру двояко. С одной стороны, она атомарна: в ее структуре нет «вставочных» процедур — непосредственных заключений, в силу чего вывод совершается непосредственно из двух посылок (AA 02, S. 50; Кант, 1994б, с. 27). На современном языке подобную процедуру следовало бы назвать логической операцией (Сироткина, 2021, с. 21). С другой стороны, умозаключения по первой фигуре имеют трехчленную структуру: два акта — суждения, третий — собственно вывод, то есть переход от посылок к заключению. В этом смысле вся процедура является сложной — не операцией, а действием. Какой же статус тогда имеет подобный силлогизм? Думается, что Кант в «Ложном мудрствовании...» не дифференцирует логические и внелогические характеристики силлогистических умозаключений — именно в этом коренится некоторая неопределенность процессуального статуса первой фигуры. Отмежевав их друг от друга, силлогизм по совершенной фигуре с логической точки зрения можно было бы квалифицировать как логическую операцию, то есть неделимый на составляющие акт мышления; с эпистемологической — как составную процедуру, части которой имеют разную природу.

Структура несовершенных силлогизмов более сложная. Помимо перечисленных для первой фигуры актов, они включают другие действия, в частности промежуточные заключения (они подробно описаны в: Wilson, 1975, S. 406–415). Кант подчеркивает, что сила вывода в них «основывается на молчаливом присовокуплении этого непосредственного заключения, которое здесь необходимо хотя бы подразумевать» (AA 02, S. 51; Кант, 1994б, с. 28). С логической точки зрения они являются действиями (содержат не менее двух актов), как и с внелогической. Помимо этого, Кант наделяет несовершенные силлогистические акты част-

п. 50; Кант, 1992b, p. 92). In the contemporary idiom, this procedure should be called a logical operation (*cf.* Sirotkina, 2021, p. 21). On the other hand, inferences under the first figure have a three-member structure: two acts are judgements, and the third is inference proper — that is, transition from the premises to the conclusion. In that sense, the whole procedure is composite: not an operation, but an act. What, then, is the status of such a syllogism? It seems to me that Kant in “The False Subtlety” does not distinguish logical and non-logical characteristics of syllogistic inferences, and herein lies a certain ambiguity of the processual status of the first figure. By separating them from one another, a perfect-figure syllogism can be characterised, from the logical point of view, as a logical operation, an indivisible thought-act; and, from the epistemological point of view, as a composite procedure whose parts have different natures.

The structure of imperfect syllogisms is more complex. In addition to the first-figure acts mentioned above, they include other acts, notably intermediate conclusions (described in detail in Wilson, 1975, pp. 406-415). Kant stresses that the power of the conclusion in them “depends upon the tacit addition of this immediate inference, which has to be present if only in thought” (*DfS*, AA 02, p. 51; Kant, 1992b, p. 93). From both the logical standpoint and non-logical standpoints, they are actions (consisting of at least two acts). Besides this, Kant attributes to imperfect syllogistic acts particular properties directly linked with individual cognition. These include, among other things, the “unnaturalness” of inferences according to the fourth figure.

I would like to single out the special role of the notion of “power of inference” among the characteristics of inference Kant uses to describe the perfection of a figure: only “the

ными признаками, непосредственно отсылающими к индивидуальной когниции. К ним относится, в частности, «неестественность» выводов по четвертой фигуре.

Особую роль, на мой взгляд, в характеристике умозаключений по разным фигурам играет понятие «сила вывода», которое Кант использует, описывая совершенство фигуры: «только первая фигура... содержит в себе всю силу вывода» (AA 02, S. 58; Там же, с. 37). Что представляет собой эта «сила» и что значит «обладать всей силой»? В «Ложном мудрствовании...» Кант использует это понятие без семантических уточнений, однако оно нуждается в пояснении. Вывод сам по себе — «сильная» процедура: в корректно построенных дедуктивных рассуждениях действует «принудительная сила наших речей», индуцирующая построение из имеющихся посылок нового высказывания совершенно определенным образом. Можно было бы считать соответствующее выражение не более чем метафорой, но оно встречается в трактате несколько раз применительно как к силлогизмам по разным фигурам, так и к суждениям (AA 02, S. 58, 60; Там же, с. 37, 40). Силу вывода, имеющую, судя по кантовскому тексту, разные степени полноты проявления, нужно понимать как некую когнитивную характеристику процесса вывода. Вероятно, речь идет об очевидности — отчетливости — *процесса* вывода для рассуждающего, обеспечиваемой сознанием связей между терминами посылок: чем очевиднее для рассуждающего связь между субъектом и предикатом будущего заключения представлена в посылках, тем большей силой обладает вывод. Поскольку в первой фигуре вывод усматривается непосредственно, он обладает всей полнотой силы. В остальных фигурах вывод когнитивно слабее (при той же логической «силе»).

Так, применительно, с одной стороны, к умозаключениям в целом и, с другой — к разным фигурам силлогизмов, выстраивается когнитивное содержание «Ложного мудрствования...». Подчеркнем: поднимая в этой работе

first figure [...] has the power to generate the conclusion" (DfS, AA 02, p. 58; Kant, 1992b, p. 102). What is this "power" and what does it mean to "have" this power? In "The False Subtlety", Kant does not explain this concept semantically; yet a clarification is in order. Inference, in itself, is a "strong" procedure: correctly structured deductive argumentation involves the "compelling power of our words" which induces the formation of a new judgement from available premises in a strictly definite way. One might dismiss this as a mere metaphor, but it occurs in the treatise several times in connection with syllogisms according to different figures, as well as with judgements (DfS, AA 02, pp. 51, 58, 60; Kant, 1992b, pp. 93, 102, 104). The power of inference which, judging from Kant's text, may manifest itself more or less fully, should be understood as a cognitive characteristic of the inference process. Plausibly, this refers to the obviousness, i.e. distinctness, of the *process* of inference for the speaker, which stems from an awareness of the links between the terms of the premises: the more obvious the link between the subject and predicate of the would-be inference in the premises is to the speaker, the greater the power of the conclusion. Because the inference is seen directly in the first figure, it has the full power. The inference is cognitively weaker in the other figures (given the same logical "power").

Thus, the cognitive content of "The False Subtlety" is formed, on one hand, with regard to syllogism in general and, on the other, with regard to different figures of syllogisms. Let us stress that in raising in this work what is a logical problem, Kant goes beyond it, into the sphere not only of epistemology, but arguably of cognitive studies as well. The three angles of representation of inference in "The False

собственно логическую проблему, Кант выходит за ее пределы в сферу не только гносеологии, но и, можно сказать, когнитивистики. Три ракурса репрезентации умозаключений в «Ложном мудрствовании...» (логический, гносеологический и когнитивный) практически не дифференцированы. Можно было бы ожидать, что в последующих работах Кант разовьет и гносеологическое, и когнитивно-психологическое направление. Однако мысль философа сконцентрировалась вокруг фундаментальных вопросов познания. Тем не менее «многослойность» кантовского подхода к умозаключениям в «Ложном мудрствовании...» дает основания сформулировать некоторые положения, акцентирующие когнитивные характеристики умозаключений.

4. Реконструкция возможной когнитивной силлогистики

Пусть силлогизм действительно является⁶ инструментом разумного познания, рассматриваемого *in concreto*. Ориентируясь на онтолого-гносеологические основания умозаключений и руководствуясь тем обстоятельством, что наличие некоторых процедур в составе силлогизма выступает, по Канту, его конститутивным признаком, попытаюсь реконструировать не сформулированные в «Ложном мудрствовании...» их возможные когнитивные характеристики. В этом контексте возникает несколько вопросов: как именно разворачиваются умозаключающие акты в естественном мышлении; как осуществляется акт перехода от посылок к заключению (какой механизм обеспечивает принудительное воздействие на мысль, порождающее вывод); если имеет место следование правилам, то как обеспечивается действие этих высших правил умозаключения; есть ли некая универсальная (законосообразная) модель про-

⁶ Реальность разворачивания естественных рассуждений в соответствии с силлогистическими схемами сама требует подтверждения.

Subtlety" (the logical, epistemological, and cognitive) are practically undifferentiated. One might have expected Kant to develop the epistemological and cognitive-psychological strands in subsequent works. But the philosopher's thought focused instead on fundamental questions of cognition. Even so, the "multi-layered" Kantian approach to inferences in "The False Subtlety" offers indices of some cognitive characteristics of syllogisms.

4. Reconstruction of Possible Cognitive Syllogistics

Let syllogism indeed be⁶ an instrument of reasonable cognition considered *in concreto*. Proceeding from the ontological-epistemological foundations of inference, and from the fact that the presence of some procedures in the syllogism is, according to Kant, its constituting characteristic mark, I will try to reconstruct their possible cognitive characteristics, not formulated in "The False Subtlety". Several questions suggest themselves: how do syllogistic acts unfold in natural thinking? How is the transition from premises to conclusion effected (what mechanism ensures the coercive influence on thought to generate the inference)? If rules are followed, how are these highest rules enforced? Is there a universal (law-like) model of the procedure of syllogism and, if so, are there differences between the model and the real, unfolding syllogistic acts? What is the "power of inference", and how do the inference rules form its basis? What are the cognitive differences between the four figures? I will try to reconstruct possible answers to these questions.

⁶ That natural reasoning proceeds in accordance with syllogistic schemes is a proposition that has yet to be confirmed.

цедуры умозаключения и, если да, имеются ли различия между моделью и реально разворачивающимися силлогистическими актами; что представляет собой «сила вывода», как именно правила умозаключений служат ее основанием; каковы когнитивные различия четырех фигур? Предприму попытку сконструировать возможные ответы на поставленные вопросы.

4.1. Как разворачиваются умозаключающие акты в естественном мышлении?

Характеризуя силлогизм как акт, Кант не включает его явно в контекст познавательной ситуации. Однако любая система высказываний есть результат некоторых производимых разумным существом умственных актов (акта). Как разворачиваются эти акты? Возможны два пути образования умозаключений как систем высказываний:

а) «восходящий» — суждение (заключение будущего силлогизма) имеется, требуется его обоснование через опосредование, по Канту — внесение ясности в связь субъекта и предиката;

б) «нисходящий» — посылки заданы, задача заключается в построении вывода.

В «Ложном мудрствовании...» Кант не дифференцирует явно эти пути, однако в трактате обращается и к восходящему (AA 02, S. 49; Кант, 1994б, с. 26), и к нисходящему (AA 02, S. 51; Там же, с. 28). Категоризировал ли бы Кант столь разные акты именно как умозаключения, если бы подверг их анализу? Рассмотрим внимательнее эти пути.

В первом случае конструирование посылок, из которых выводится заданное суждение (заключение), основывается на поиске опосредующего признака. Введение такого признака обеспечивает сравнение через него. Сравнение через опосредующий признак есть умозаключение. Таким образом, процедура, исходящая из наличного результирующего суждения

⁷ Далла Роза усматривает когнитивный механизм умозаключений по несовершенным фигурам только в производстве непосредственного вывода (Dalla Rosa, 2020, p. 95).

4.1. How Do Syllogistic Acts Unfold in Natural Thinking?

In characterising syllogism as an act, Kant does not explicitly include it in the cognitive situation. However, any system of judgements is the result of some mental acts (or act) of a thinking being. How do these acts unfold? There are two ways of forming syllogisms as systems of judgements:

“the ascending”: a judgement (the conclusion of a future syllogism) is there; what is needed is its grounding through mediation, what Kant describes as clarifying the links between the subject and the predicate;

“the descending”: the premises are there; the task is to draw the conclusion.

Kant in “The False Subtlety” does not explicitly differentiate these pathways, but he does employ both the ascending (DfS, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91) descending forms (DfS, AA 02, p. 51; Kant, 1992b, p. 93). Would Kant have categorised these different acts as inferences if he had analysed them? Let us take a closer look at these pathways.

In the first case, the premises from which the judgement (conclusion) is deduced are constructed from the mediate characteristic mark. The introduction of such a characteristic mark makes possible a comparison through it. Comparison through a mediate characteristic mark is an inference. Thus, the procedure derived from the resulting judgement and consisting in the search for mediation is to be recognised as a syllogism⁸.

In the second case, the mediate characteristic mark is already given; there is no need to search for it. The relations between concepts

⁷ Dalla Rosa (2020, p. 95) discerns the cognitive mechanism of syllogisms only in the generation of the unmediated conclusion.

⁸ In “The False Subtlety” Kant practically identifies inferences (deductive) with syllogisms.

и состоящая в поиске опосредования, должна быть признана силлогизмом⁸.

Во втором случае опосредующий признак уже задан — его поиск не требуется. Экспликация отношений между понятиями из разных посылок происходит, с формальной точки зрения, через исключение среднего термина. Отсутствие результирующего суждения свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии ситуации неясности отношений предмета и признака, с другой, если заключение из имеющихся посылок будет построено — о том, что ситуация неясности и не возникнет. Если рассматривать умозаключение как когнитивный акт прояснения отношений между субъектом и предикатом (AA 02, S. 49; Там же, с. 26), то конструкцию, традиционно квалифицируемую как умозаключение, признавать таковым нет оснований. Однако, определяя умозаключение как форму познания, Кант подчеркивает универсальность опосредования как необходимого и, видимо, достаточного свойства умозаключения: «*Всякое суждение через опосредствованный признак есть умозаключение*» (AA 02, S. 48; Там же, с. 25). Таким образом, при нисходящем пути образуется именно умозаключение, но установление связи между предметом и признаком признака происходит сразу в ясной и отчетливой форме.

Нисходящий и восходящий акты идентичны по результату и существенно различны по процедурным характеристикам. Вместе с тем, следуя мысли Канта, их необходимо отнести к одному типу — умозаключениям (силлогизмам) благодаря наличию опосредования⁹. В связи с этим в возможной когнитивной силлогистике процедура опосредования выступала бы, вероятно, одним из базовых познавательных актов. Какова его природа и как он разворачивается в задачах восходящего и нисходящего типов¹⁰?

⁸ Кант в «Ложном мудрствовании...» фактически отождествляет умозаключения (дедуктивные) с силлогизмами.

⁹ Именно отсутствие опосредования не позволяет раннему Канту отнести непосредственные выводы к умозаключениям.

¹⁰ Некоторые сведения об этом мы получаем непосредственно из кантовского текста.

in different premises are explicated, from the formal point of view, through the exclusion of the middle term. The absence of the resulting judgement, on one hand, attests to the absence of indistinctness in the relations between the object and the characteristic mark; and on the other hand, if an inference is made from available premises, it shows that a situation of uncertainty does not even arise. If we view inference as the cognitive act of clarifying the relations between a subject and predicate (DfS, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91), there are no grounds for considering the structure traditionally qualified as inference as such. However, in defining an inference as a form of cognition, Kant stresses the universality of mediation as a necessary and apparently sufficient characteristic of the inference: “[...] *every judgement which is made by means of a mediate characteristic mark is a syllogism*” (DfS, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90). Thus, an inference is precisely what is produced in the descending pathway; but the connection between the object and the characteristic mark is clear from the start.

The descending and ascending acts are identical in terms of their result, but essentially differ in terms of procedure. At the same time, following Kant, they should both be considered inferences (syllogisms) because of the presence of mediation.⁹ Therefore, in a possible cognitive syllogistics, the mediation procedure would probably be one of basic cognitive acts. What is its nature, and how does it unfold in ascending and descending acts?¹⁰

In the ascending syllogism, mediation is achieved through the search for a “mediate” characteristic mark: an unknown which, being a characteristic mark of the subject of the

⁹ It is the absence of mediation that prevents the early Kant from referring to immediate conclusions as inferences.

¹⁰ We learn something about this directly from the Kantian text.

В восходящем силлогизме опосредование достигается путем поиска «промежуточного» признака — неизвестного, которое, будучи признаком субъекта заключения, само обладает признаком, зафиксированным в предикате. В «Ложном мудрствовании...» Кант не поясняет умственный механизм такого поиска¹¹. Это эвристическая и, вероятно, неформальная процедура, которая производится в плоскости «бытийного» мышления — мышления об объектах бытия, а не оперирования терминами. В качестве основания она может, вероятно, иметь представление, так как ее результатом являются суждения (посылки). Если весь силлогистический акт в целом есть акт разума, то само опосредование в восходящих силлогизмах в этом случае включает акт представления. С когнитивной точки зрения построение восходящего силлогизма оказывается составным актом, который, будучи описанным некоторым набором правил, может рассматриваться как эвристика¹².

В нисходящем силлогизме опосредование зафиксировано в посылках — механизм его

resulting judgement, itself has a characteristic mark fixed in the predicate. In “The False Subtlety”, Kant does not clarify the mental mechanism of such searching.¹¹ This is a heuristic and apparently informal procedure that takes place at the level of thinking on being: thinking about the objects of being, but not operating with terms. It is likely based on representation since its result is judgements (premises). If the whole syllogistic act is an act of reason, the mediation in ascending syllogisms includes the act of representation. From the cognitive point of view, the building of an ascending syllogism turns out to be a composite act which, being described by a set of rules, may be seen as heuristics¹².

In the descending syllogism, where mediation is fixed in the premises, the mechanism is fundamentally different. How is the connection between the object and the characteristic mark established? Let us examine the case of the first, perfect figure.

¹¹ Как не делает этого, например, и Вольф. Несмотря на то что он рассматривает умозаключения в контексте проблемы открытия, вопрос о том, как образуются промежуточные высказывания (меньшие посылки), остается у него без ответа (Круглов, 2021b, с. 42).

¹² Брюшинкин, основываясь на рассуждениях Канта в «Критике чистого разума», рассматривает ее как процедуру поиска вывода, осуществляемую в естественном языке и связанную с построением системы посылок, из которых на основании правил логического следования может быть получено исходное высказывание (Брюшинкин, 2004, с. 71). Однако при такой интерпретации процедуры остается открытым вопрос о механизме поиска посылок. В качестве него могут выступить:

1. Поиск суждений, уже имеющих в индивидуальном умственном опыте. Возможно, именно это имеет в виду Кант, когда пишет: «Если... вывод задан как суждение, чтобы посмотреть, не вытекает ли он из уже данных суждений... то я ищу в рассудке утверждение этого вывода, а именно не находится ли оно в рассудке при определенных условиях согласно общему правилу» (В 361; Кант, 2006, с. 467 — 469).

2. Поиск опосредующего признака для решения уравнения «S есть X и X есть P». При отсутствии в рассудке «уже данных суждений» поиск признака стоит признать единственно возможным инструментом образования посылок искомого силлогизма.

¹¹ Nor does Wolff, for example. Although he examines inferences in the context of the problem of discovery, the question of how mediate judgement (lesser premises) are formed remains unanswered (Krouglov, 2021c, p. 42).

¹² Bryushinkin (2004, p. 71), proceeding from Kant's train of thought in the Critique of Pure Reason, considers it to be a procedure of deduction search in natural language involving the construction of a system of premises from which the initial utterance can be derived, on the basis of the rules of deduction. However, that interpretation leaves unanswered the question of the mechanism of the search for premises. Such a mechanism may be:

1. The search for judgements that are already part of the individual mental experience. This may be what Kant means when he writes: “If [...] the conclusion is a judgement given as the problem, in order to see whether it flows from already given judgements, [...] then I seek whether the assertion of this conclusion is not to be found in understanding under certain conditions according to a universal rule” (KrV, B 361; Kant, 1998, p. 390);

2. The search for a mediate characteristic mark to solve the equation “S is X and X is P”. In the absence of “given judgements” in the understanding, the search for a characteristic mark must be recognised as the solely possible instrument for forming the premises of the syllogism.

функционирования принципиально иной. Как устанавливается связь между предметом и признаком признака? Рассмотрим механизм на примере первой, совершенной фигуры.

4.2. Как осуществляется переход от посылок к заключению (вывод)? Когнитивная модель умозаключения

Ключевым структурным элементом нисходящего силлогизма является собственно переход от посылок к заключению. По Канту, этот переход осуществляется на основании правил NN или RN. Как именно актуализируются правила NN и RN и возникает очевидность, позволяющая рассуждающему связать крайние термины в одном суждении? Происходит ли их срабатывание «автоматически» или «сила вывода» действует как акт осознания связей терминов и оперирования ими? Кант не анализирует явно эту проблему в «Ложном мудрствовании...», однако с опорой на его текст можно сформулировать некоторые предположения о механизме опосредования через действие высших правил.

Принципиально возможны несколько вариантов этого механизма:

- действие представления: оно укоренено во внерассудочной деятельности и предполагает построение (неявное или намеренное) образов, репрезентирующих отношения между объектами, мыслимыми в посылках, то есть предполагает переход от суждений к соответствующим им представлениям;
- действие разума: оно основано на явном или неявном процессуально развернутом применении или некоем внепроцессуальном функционировании высшего правила.

Есть весомый спекулятивный аргумент для отказа от идеи представления как механизма связывания крайних терминов посылок. Представление есть низший уровень познания, суждение — надстраивающийся над ним и преодолевающий проблемы, связанные

4.2. How is the Transition from Premises to Conclusion Effected? The Cognitive Model of Inference

The key structural element of the descending syllogism is the transition from the premises to the conclusion. According to Kant, this transition is governed by the rules NN or RN. How are rules NN and RN actualised in order to make it possible to connect the major and minor terms in one judgement? Does it happen “automatically” or does “the power of inference” function as an act of becoming aware of the relations between terms, and operating on them? Kant does not explicitly address this problem in “The False Subtlety”, but the text contains some indications of the mechanism of mediation through the application of the highest rules.

In principle, several versions of this mechanism are possible:

- The action of representation: it is rooted in activities outside of understanding, and involves the construction (implicit or deliberate) of images representing the relations between objects that are thinkable in premises, i.e. envisaging the transition from judgements to corresponding representations;
- The action of reason: it is based on explicit or implicit processually unfolded use, or some extra-processual functioning, of the highest rule.

There is a weighty speculative argument against representation as a mechanism linking the major and minor endmost terms of premises. Representation is the lowest level of cognition; judgement is superimposed on it and overcomes problems connected with the possibilities of representation, namely, indistinctness of what is cognised. The inference ensures full cognition of the concept against the background of clarity achieved through judgement. Let us imagine that the

с возможностями представления, а именно неотчетливость познаваемого. Умозаключение обеспечивает полноту познания понятия на фоне ясности, достигаемой посредством суждения. Предположим, что промежуточным звеном между посылками и заключением являлось бы вторичное представление связи вещи и признака ее признака. Тогда ясность репрезентации предметов и признаков была бы вновь утрачена. Кроме того, фактически умозаключение возникало бы только по видимости (языковой форме), но не по существу, так как результирующее суждение было бы исключительно результатом представления, индуцированного другими суждениями. Мог ли Кант допустить возможность подобного «разрыва», приводящего к деструкции силлогизма? Полагаю, что нет. Сильным, хотя и не совсем прозрачным аргументом в поддержку этого тезиса является наделение Кантом силлогизма «силой вывода»: в случае повторного представления умозаключение утратило бы ее, следовательно, и собственную природу.

Вывод, очевидно, строится на действии разума — следовании высшему правилу умозаключения. Каков в таком случае механизм действия правила? Рассмотрю кантовский пример силлогистического рассуждения (для ясности изложения приведу его полностью).

Кант различает и приводит две формулировки силлогизма: «в форме суждений» (A) и не имеющую такой формы (B) (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25):

А. Все разумное есть дух. Человеческая душа разумна. Человеческая душа есть дух.	В. Быть духом есть признак разумного. Разумное есть признак человеческой души. Быть духом есть признак человеческой души.
---	--

По сути, Кант фиксирует некий дуализм силлогизма в «форме суждений» (A) и второго умозаключения (B), не имеющего такой формы. Что представляет собой B и какое отношение оно имеет к A? Рассмотрим форму B внимательнее.

intermediate link between the premises and the conclusion is a second representation of the link between the thing and the characteristic mark of its characteristic mark. This would again rob the representation of objects and their characteristic marks of clarity. Moreover, in effect the inference would arise only in appearance (in language form) but not in essence since the resulting judgement would stem exclusively from representation induced by other judgements. Could Kant have allowed the possibility of such a “rupture”, which would destroy the syllogism? I think not. A strong though not entirely transparent argument in support of this view is the fact that Kant attributes to the syllogism “the power of inference”: in the event of a repeat representation the inference would have lost this power and hence its own nature.

The conclusion obviously flows from the effect of reason, following the highest rule of inference. What, then, is the mechanism of the operation of the rule? I will analyse Kant’s example of syllogistic thinking (for the sake of clarity I will reproduce it in full).

Kant distinguishes and cites two formulations of syllogism: “in the form of judgements” (A) and without such shape (B) (DfS, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90):

A. [A]ll that is rational is a mind; the soul of man is rational; therefore, the soul of man is a mind.	B. Being a mind is a characteristic mark of that which is rational; Rational is a characteristic mark of the human soul; Being a mind is a characteristic mark of the human soul.
---	---

In effect, Kant records a kind of dualism of the syllogism: “in the form of judgements” (A), and the second inference (B), which does not have such form. What is B, and how does it relate to A? Let us take a closer look at form B.

• Обращает на себя внимание порядок следования суждений — он нетипичен для первой фигуры и напоминает четвертую. Строго говоря, рассуждение *B* вообще не задает фигуру силлогизма, поскольку содержит четыре термина, а не три. С формальной точки зрения возникает разрыв на местах среднего термина: формальное опосредование отсутствует, силлогизм не образуется и из двух полученных посылок формально вообще ничего не следует. Являет ли собой эта конструкция умозаключение? Текст «Ложного мудрствования...» дает достаточно оснований для очевидно утвердительного кантовского ответа. Значит, для Канта опосредование в *B* есть. Что оно собой представляет? Ответ на этот вопрос обнаруживается при анализе различий «формы суждения» и той, которая, по Канту, таковой не является.

• В посылках обоих рассуждений связки формально носят предикцирующий характер («есть»). Однако в форме *B* появляется термин «признак». Каков его формальный статус в суждениях? Можно предположить, что он является частью термина «есть признак», семантически эквивалентного термину «присущ» («является признаком предмета» значит «присущ ему»). Если предположение верно, то посылки носят реляционный (не атрибутивный) характер, термин «есть признак» выражает отношение между двумя субъектами суждения. В чем специфика этого отношения? Оно неформально — это отношение между объектами, мыслимыми в суждении, но не между объемами понятий¹³. Посылки формы *A* содержат предикцирующие связи между понятиями, подчиняющиеся правилу *Dictum* (формальные связи (AA 02, S. 49; Там же, с. 26)), а посылки формы *B* — неформальные связи между объектами, репрезентируемыми терминами. Эти связи носят онтологический характер, и все суждение есть мысль об объектах реальности и бытийных связях между ними¹⁴.

¹³ Признак «быть духом» присущ человеческой душе, но не понятию души.

¹⁴ В отличие от «формы суждений», в которой предикцирующая связка фиксирует формальное отношение между понятиями.

• One is struck by the sequence of judgements, which is atypical of the first figure and is reminiscent of the fourth figure. Strictly speaking, argument *B* does not have the syllogism form because it contains four and not three terms. From the formal point of view, a rupture occurs in the places of the middle term: formal mediation is absent, the syllogism is not formed, and formally nothing can be deduced from the two premises. Is this construction an inference? The text of “The False Subtlety” gives adequate grounds for a patently affirmative Kantian answer. So, for Kant, there is mediation in *B*. What exactly is it? The answer comes out in the analysis of the differences between “the form of judgement” and that which, according to Kant, is not.

• In the premises of both arguments the links have the predicative form (“is”). But in *B* the term “characteristic mark” crops up. What is its formal status in judgements? It may be a part of the term “is a characteristic mark” which is semantically equivalent to the term “is inherent in.” If this supposition is valid, the premises have a relational (not attributive) character, and the term “is a characteristic mark” expresses the relation between two subjects of the judgement. What makes this relation special? It is informal, being a relationship between objects thought in the judgement, but not between the volumes of the concepts.¹³ The premises in form *A* contain predicating links between concepts which conform to the *Dictum* rule (formal links: *DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91), and the premises in form *B* contain informal links between objects represented by the terms. These links have an ontological character and the whole judgement is about the objects of reality and the being links between them.¹⁴

¹³ The characteristic mark “being a mind” refers to the human soul and not to the concept of soul.

¹⁴ As distinct from “the form of judgement”, in which the predicating link fixes the formal relation between concepts.

- Теперь несложно решить вопрос о наличии опосредования в форме *B*. В качестве среднего термина выступает «разумное», однако не как понятие, но как объект соответствующей онтологии. В данном случае это признак. Опосредование в *B* носит не формальный (логический), а онтологический характер. Существуют, видимо, два типа опосредования в умозаклучениях: формальное и неформальное — онтологическое.

- Здесь, однако, возникает еще одна проблема. Если связи в посылках носят неформальный характер, то истинное заключение может быть гарантировано только при некоторых онтологических допущениях, задающих параметры реальности, в границах которой подобные связи будут отражать существующее и неизменно воспроизводящееся положение дел (при обобщении подобная форма умозаклучения может оказаться дающей ложное заключение из истинных посылок¹⁵). Что это за допущения? Видимо, такой онтологической пресуппозицией является положение, зафиксированное в правилах NN и RN: если в онтологии положение дел таково, что признак признака вещи есть признак вещи или то, что противоречит признаку (несовместимо с ним), противоречит и самой вещи (несовместимо с ней), то «онтологический силлогизм» гарантирует истинность заключения при истинности посылок. Именно в силу онтологического характера умозаклучений по форме *B* работают правила NN и RN.

Таким образом, форма *B* конститутивна для умозаклучения. По сути, Кант показывает, что построение вывода основывается на онтологических отношениях объектов и оперировании этими отношениями в мышлении — именно на этом пути высвобождается сила вывода. Остается открытым вопрос о механизме ее действия. Этот механизм, как представляется, может разворачиваться одним из двух способов:

¹⁵ Так, если на место термина «есть признак» подставить другое отношение, например «любит», то получим умозаклучение с проблематично истинным заключением (А любит В, В любит С, значит, А любит С).

- We can now readily answer the question as to whether there is mediation in form *B*. The middle term is “reasonable”, not as a concept, but as the object of corresponding ontology. In this case, it is a characteristic mark. The mediation in *B* is not formal (logical) but ontological. There seem to be two types of mediation in inferences: the formal and the informal, or ontological.

- Here, however, another problem crops up. If the links in the premises have an informal character, a true conclusion can be guaranteed only if certain ontological allowances are made which fix the parameters of reality within which such links would reflect the existing and invariably reproduced state of affairs (in generalisation, this form of inference may end up delivering a false conclusion from true premises¹⁵). What are these allowances? Such an ontological presupposition is the situation recorded in rules NN and RN: while in ontology, the situation is that a characteristic mark of a characteristic mark of a thing is a characteristic mark of the thing, or that which contradicts the characteristic mark (is incompatible with it) contradicts the thing itself (is incompatible with it), the “ontological syllogism” guarantees a valid conclusion if the premises are true. Rules NN and RN work owing to the ontological character of inferences in form *B*.

Thus, form *B* is constitutive for an inference. In fact, Kant shows that a conclusion can proceed from the ontological relations between objects and the handling of these relations in thinking, which unlocks the power of inference. The question of the mechanism of its action remains open. The mechanism may unfold in one of two ways:

¹⁵ Thus, if in place of the term “is a characteristic mark of” a different relation is substituted — for example “loves” — we get an inference of dubious validity (A loves B, B loves C, hence A loves C).

1. В виде произвольного (намеренного) применения высшего правила мыслящим существом. В этом случае должен, очевидно, развернуться следующий формальный силлогизм: признак признака есть признак вещи, *A* есть признак признака, значит, *A* есть признак вещи. В этом случае онтологический силлогизм включает в себя формальный и оказывается несовершенным (включает промежуточное заключение¹⁶).

2. Высшее правило есть некая априорная форма мышления¹⁷, обеспечивающая принципиальную возможность получения опосредованного знания, она действует как любой врожденный механизм — вне произвольной активности рассуждающего. Перефразируя самого Канта, можно отметить, что, по подобию категорий рассудка и форм пространства и времени, высшее правило «суть не более как *формы мышления*, содержащие в себе лишь логическую способность *a priori* объединять в одно сознание многообразное», данное в посылках (В 306; Кант, 2006, с. 403—405). Если высшее правило действует как априорная форма, то онтологический силлогизм по первой фигуре является совершенным.

Нет достаточных оснований полагать, что априоризм (Ойзерман, 2001) у докритического Канта предполагал действие высших правил умозаключений. Однако в равной мере нет оснований и для признания неаприорного характера этих правил. Кроме того, универсальность

¹⁶Посылка 1: *A* есть признак *B*.

Посылка 2: *B* есть признак *C*.

Заключение 1: Значит, *A* — это признак признака предмета *C*.

Посылка 3: Признак признака есть признак предмета. Заключение 2: Значит, *A* есть признак *C*.

¹⁷ Высшие правила выступают не как регулятивные нормы, но как естественные законы, по которым функционирует мышление разумных существ постольку, поскольку оно является мышлением об объектах бытия. Вероятно, поэтому в самой процедуре умозаключения субпроцедуры применения высшего правила в кантовском описании нет и, очевидно, не может быть. В этом смысле нельзя согласиться с К. В. Лемешевским: высшее правило эвристикой не является (Лемешевский, 2009, с. 44).

1. As the deliberate application of the highest rule by a thinking being. This would take the form of the following formal syllogism: the characteristic mark of a characteristic mark is a characteristic mark of a thing, *A* is a characteristic mark of a characteristic mark, hence, *A* is a characteristic mark of a thing. In this case, the ontological syllogism includes a formal one, and turns out to be imperfect (includes an immediate inference¹⁶).

2. The highest rule is an *a priori* form of thinking¹⁷ which makes it possible in principle to obtain mediated knowledge; it functions as an inborn mechanism outside the arbitrary activity of the thinking subject. Paraphrasing Kant, it can be said that, like the categories of understanding and the forms of space and time, the highest rule is “nothing other than *forms of thought*, which contain merely the logical capacity for unifying the manifold [...] *a priori*” given in the premises (*KrV*, B 305-306; Kant, 1998, p. 360). If the highest rule acts as an *a priori* form, the ontological syllogism according to the first figure is perfect.

There are no sufficient grounds for believing that apriorism for pre-critical Kant implied the use of the highest rules of inferences (Oizerman, 2001). Likewise, there are no grounds for claiming that these rules are not *a priori*. Furthermore, their universality in inference thinking and the effect of “the power of inference” seem to suggest their inborn

¹⁶Premise 1: *A* is a characteristic mark of *B*.

Premise 2: *B* is a characteristic mark of *C*.

Conclusion 1: Hence, *A* is a characteristic mark of object *C*. Premise 3: A mark of a mark is a characteristic mark of an object.

Conclusion 2: Hence, *A* is a characteristic mark of *C*.

¹⁷The highest rules are not regulative norms, but natural laws according to which rational creatures think insofar as they think about the objects of being. This may be why, in the procedure of inference, Kant does not describe the sub-procedures of the application of the highest rule. Therefore, I cannot go along with Lemeshevsky (2009, p. 44): the highest rule is not heuristics.

их для умозаключающего мышления и действие «силы вывода» говорят скорее в пользу их врожденного, доопытного характера¹⁸. Косвенный аргумент, поддерживающий данный тезис, находим в статье К. Толли. Автор, основываясь на анализе более поздних, чем «Ложное мудрствование...», работ Канта, утверждает, что законы мышления у Канта носят не нормативный (предписывающий), а конститутивный характер: правила типа NN определяют, что такое вывод, и обеспечивают канон для различения вывода и не-вывода; если нечто не соответствует законам логики, то оно умозаключением не является (Tolley, 2006, p. 391).

Таким образом, когнитивная модель нисходящего умозаключения, отражающая его конститутивные признаки, может быть описана следующим образом: опосредование в силлогизме носит онтологический (неформальный) характер, выражающийся в фиксировании (не)присущности некоторого признака предмету и другого признака — этому признаку (посредником выступает признак как объект онтологии); в силу этого актуализируется (целенаправленно или непроизвольно) высшее правило умозаключения об отношении предмета и признака признака, делающее очевидным для рассуждающего способ связи частей посылок в заключении, высвобождается «сила вывода»; происходит осознанное связывание признака признака и предмета, конструируется новое суждение.

4.3. Осуществляются ли силлогистические акты естественного мышления в соответствии с моделью?

Кант оценивает первую фигуру как совершенную, поскольку в процедуру умозаключения по ней не примешиваются, с его точки

¹⁸ Возможно, именно такой характер действия правил NN и RN лежит в основании представлений Канта о том, что умозаключения по несовершенным фигурам совершаются на основе их редукции к силлогизмам по первой фигуре.

and pre-experience character.¹⁸ Clinton Tolley makes an indirect argument in favour of this thesis. Proceeding from the analysis of Kant's works written after "The False Subtlety", he claims that, for Kant, the laws of thinking are not normative (prescriptive) but constitutive: rules of the NN type define what inference is and provide a canon for distinguishing a conclusion from a non-conclusion; if something does not correspond to the laws of logic, it is not an inference (Tolley, 2006, p. 391).

Thus, the cognitive model of descending inference, in terms of its constitutive features, can be described in the following way: mediation in a syllogism has an ontological (non-formal) character expressed in the fixing of the (non-)presence of a characteristic mark in the object and another characteristic mark of that characteristic mark — the mediator is a characteristic mark as an object of ontology; this actualises (wittingly or unwittingly) the highest rule of inference with respect to the object and the characteristic mark of a characteristic mark, which makes evident to the speaker the mode of the link between parts of premises in the conclusion, such that the "power of inference" is released; the characteristic mark of a characteristic mark is consciously linked with the object (a new judgement is constituted).

4.3. Do Syllogistic Acts of Natural Thinking Follow a Model?

Kant considers the first figure to be perfect because no external procedures interfere with the inference procedure. In other words, in thinking according to the first figure, the highest rules function obviously and immediately, ensuring a direct transition

¹⁸ Perhaps this character of the action of rules NN and RN is the basis of Kant's view that inferences according to imperfect figures are made on the basis of their reduction to first-figure syllogisms.

зрения, никакие иные процедуры. Иными словами, в рассуждениях по первой фигуре высшие правила функционируют явно и непосредственно, обеспечивая прямой переход от одного крайнего члена триады терминов посылок к другому (в форме интеллектуальной операции — одноактной процедуры).

Однако, как представляется, есть существенное препятствие для столь тривиальной трактовки процедуры перехода: «формы суждений», фиксирующие формальные отношения понятий, маскируют онтологические отношения соответствующих объектов и — следует предположить — ослабляют непосредственное действие высших правил для рассуждающего, если не исключают его полностью. Применительно к естественным умозаклучениям возникает своего рода дуализм формы и сущности умозаклучений. Означает ли это, что «сила вывода» перестает быть действующей силой, самопорождающей заключение? Работают ли высшие правила, когда посылки сформулированы в «форме суждений»? В рамках когнитивного подхода к анализу идей «Ложного мудрствования...» центральный вопрос состоит в следующем: если посылки и заключения естественных умозаклучений выражаются в «форме суждений», которая отличается от конститутивной (онтологической) формы силлогизма как формы познания, то как разворачиваются реальные умозакключающие процедуры?

Для нисходящих силлогизмов видятся возможными несколько механизмов:

1. Естественные умозаклучения могут основываться непосредственно на оперировании формальными отношениями терминов по правилам *Dictum*, производным от NN и RN. Учитывая, что языковая форма естественной мысли экстенциональна, можно предположить, что при встрече с когнитивной задачей индуцируется именно этот механизм. Ориентация на формальные связи понятий в определенном смысле «уводит» мысль от отражаемой в них реальности, мышление приобретает характер

from one extreme member of the triad of terms to another (in the form of an intellectual operation, which is a one-act procedure).

However, there is a serious obstacle in the way of such a trivial depiction of the transition procedure: the “forms of judgements”, which fix the formal relations between concepts, mask the ontological relations between corresponding objects and thus weaken, if not nullify, the immediate effect of the highest rules for the thinker. This creates a kind of dualism of form and essence for natural inferences. Does it mean that the “power of inference” ceases to be an active power which generates the conclusion? Do the highest rules work when the premises have the “form of judgements”? From the perspective of the cognitive approach to “The False Subtlety”, the central issue is as follows: if the premises and conclusions of natural inferences are expressed in “the form of judgements”, which differs from the constitutive (ontological) form of the syllogism as a form of cognition, how do real inference procedures unfold?

For descending syllogisms, I see several possible mechanisms:

1. Natural inferences can be based directly on operations with the formal relations of terms according to *Dictum* rules derived from NN and RN. Considering that the language form of natural thought is extensional, it is fair to assume that an encounter with this cognitive task triggers precisely this mechanism. Orientation toward formal links between concepts, in a certain sense, “diverts” thought from the reality they reflect, such that thought acquires the character of manipulations of terms. In this case, the resulting judgement is unlikely to express new knowledge since it is detached from “perceptions”. What comes to the fore is the logic of formal relations of whose cognitive potential Kant was rather skeptical

манипуляций терминами. В этом случае получаемое суждение едва ли выражает новое знание, так как оторвано от «созерцаний». Здесь выступает на первый план логика формальных отношений, возможности которой в познании Кант оценивал весьма скупно (см.: Mosser, 2004, p. 3). Совершенство первой фигуры при этом сохраняется (вставочные процедуры не возникают), так как связь крайних терминов устанавливается, по существу, на основании свойства транзитивности логической связи. Именно этот путь кажется соответствующим реалиям естественного мышления. Однако Кант скорее усматривает иной механизм — тот, который обеспечивает актуализацию высших правил: в противном случае он едва ли утверждал бы невозможность вывода по утвердительным модусам четвертой фигуры (AA 02, S. 54; Кант, 1994б, с. 32). Назову этот путь опосредованным.

2. Опосредованный путь — через своего рода онтологический «перевод» посылки. Мыслящий агент осуществляет интерпретацию посылок и получает форму, в которой могут прямо действовать правила NN и RN: «Душа человека разумна» переводится как «Душа человека имеет признак “быть разумной”»¹⁹. Однако онтологические отношения в «формах суждений» имплицитны, и их экспликация — самостоятельная когнитивная задача. Как она решается, если онтологическое обращение действительно является механизмом естественных рассуждений?

А. Учитывая, что суждение является результатом чувственного познания, можно предположить, что обращение происходит «автоматически»: языковые конструкции актуализируют отлитые в них созерцания — применительно к каждой посылке наблюдается своего рода повторное представление, выступающее своеобразным «онтологическим переводчиком»

¹⁹ В «Ложном мудрствовании...» Кант приводит два различных варианта онтологических формулировок посылок (AA 02, S. 48, 51; Кант, 1994б, с. 25, 29): (а) «А есть признак В» и (б) «В имеет признак А». Прямому разворачиванию правил NN и RN соответствует форма (а). Именно ее Кант противопоставляет «форме суждений»; форма (б), напротив, в тексте предлагается как некая параллель «форме суждений».

(cf. Mosser, 2004, p. 3). The first figure remains perfect (no extra procedures are inserted) since the link between the major and the minor terms is established basically on the grounds of the transitivity of logical connection. This path appears to correspond to the realities of natural thinking. But Kant seems to see a different mechanism, one that actualises the highest rules: otherwise, he would hardly maintain that it is impossible to draw a conclusion from affirmative modes of the fourth figure (*DfS*, AA 02, p. 54; Kant, 1992b, p. 97). I will call this a mediated path.

2. The mediated path is a kind of ontological “translation” of premises. The thinking agent interprets the premises to get a form in which rules NN and RN apply directly: “The soul of man is rational” translates as “The soul of man has the characteristic of “being rational””.¹⁹ However, ontological relations in “the forms of judgement” are implicit, such that their explication is a cognitive task in its own right. How is it tackled if ontological conversion is indeed the mechanism of natural reasoning?

A. Keeping in mind that a judgement is the result of sensible cognition, it is fair to assume that the conversion takes place automatically: language structures actualise those perceptions cast in them. For each premise, there is a kind of repeat representation which is an “ontological translator” of formal objects (descriptive and logical terms in the premises). It is possible that Kant would have allowed such a cognitive “seesaw” for natural processes.

¹⁹ In “The False Subtlety”, Kant cites two variants of the ontological formulation of premises (*DfS*, AA 02, p. 48, 51; Kant, 1992, p. 90, 94): (a) “A is the characteristic mark of B” and (b) “B has the characteristic mark of A”. Direct use of rules NN and RN is matched by the form a). Kant opposes it to “the form of judgements”; form (b), on the contrary is offered in the text as a parallel to “the form of judgements”.

формальных объектов (дескриптивных и логических терминов в посылках). Есть некоторая вероятность того, что Кант допускал бы возможность таких познавательных «качелей» для естественных процессов.

Б. Иной вариант развертывания опосредованной процедуры предполагает произвольность рассуждающего в осуществлении онтологического преобразования посылок: каждая посылка направленно преобразуется в онтологическую форму для последующего произвольного же применения высшего правила. Такого рода схоластические упражнения ума выглядят чрезвычайно искусственными — сложно допустить их возможность для естественного мышления вне некоторых образовательных инициатив. Вместе с тем подобный способ, заданный алгоритмически и описанный необходимым сводом правил, может служить хорошей эвристикой при освоении навыков построения силлогистических выводов²⁰.

В возможной когнитивной силлогистике рабочим в оценке развертывания естественных умозаключающих процедур является, очевидно, вариант 2-А: Кант фактически прямо демонстрирует его (АА 02, S. 51; Там же, с. 29), используя вторую форму онтологического силлогизма²¹. Косвенно это подтверждается суждением о невозможности выводов по утвердительным модусам четвертой фигуры: если бы действовало правило *Dictum*, выводы следовало бы признать возможными. В первой фигуре степень маскировки конститутивной структуры силлогизма минимальна — формальная

В. Another variant of a mediated procedure implies the arbitrariness of the thinker in the ontological transformation of the premises: each premise is purposefully converted into ontological form for arbitrary use of the highest rule. Such scholastic mind exercises look highly artificial: natural thinking is hardly capable of them without educational initiatives. At the same time, this method, provided with an algorithm and described in a code of rules, may be good heuristics in learning the skill of making syllogistic inferences.²⁰

Variant 2-A may work in a possible cognitive syllogistics assessing natural inference procedures: Kant practically demonstrates this (*DfS*, AA 02, S. 51; Kant, 1992b, p. 94) using the second form of ontological syllogism.²¹ It is indirectly confirmed by the claim that it is impossible to derive conclusions using the affirmative modes of the fourth figure: if the *Dictum* rule applied, conclusions would have to be recognised as possible. In the first figure, the degree of masking of the constitutive structure of the syllogism is minimal; the formal and ontological (second variant) forms are closest to each other and sufficiently indistinguishable to enable the use of the highest rule without introducing intermediate judgements into the procedure.

At the same time, the expression of an inference in “the form of judgements” as a possible important consequence has the

²⁰ Замечу, что подобное дидактическое средство не используется при обучении традиционной логике.

²¹ Стоит отметить, что в случае, если бы Кант был последователен в представлении онтологической формы силлогизма, то есть признавал бы в качестве таковой только ту, которая точно воспроизводит сформулированные им правила NN и RN (АА 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25), вариант 2-А был бы не менее проблемным, чем заключения по несовершенным фигурам, так как предполагал бы обращение — не формальное, а онтологическое — посылок при переводе их из «формы суждения» в конститутивную силлогистическую форму: Душа человека разумна → Душа человека имеет признак разумности → Разумность есть признак души. Аналогично и с меньшей посылкой.

²⁰ Parenthetically, such a didactic tool is not used in the teaching of traditional logic.

²¹ It is worth noting that if Kant were consistent in presenting the ontological form of syllogism, i.e. recognised only the form exactly reproducing his rules NN and RN (*DfS*, AA 02, p. 48; Kant, 1992, p. 90), variant 2-A would have been no less problematic than inferences according to imperfect figures since it would presuppose the conversion — not formal but ontological — of premises from “the form of judgement” into a constitutive syllogistic form: The soul of man is rational → The soul of man has the characteristic mark of rationality → Rationality is the characteristic mark of the soul. Ditto the lesser premise.

и онтологическая (второй ее вариант) формы наиболее близки друг другу, и мера их неразличимости достаточна для индуцирования высшего правила без внесения в процедуру промежуточных суждений.

Вместе с тем выражение умозаключения в «форме суждений» в качестве вероятного важного следствия имеет возможность манипулирования терминами посылок и умножение числа способов репрезентации умозаключений в естественных рассуждениях — рассуждения по различным фигурам силлогизмов. Они в этой связи приобретают особый когнитивный статус.

Каков когнитивный статус второй — четвертой фигур и правила *Dictum*? Необходимыми признаками «незаконных» фигур, очевидно, являются следующие:

- их источник коренится в формулировании естественных умозаключений в форме суждений, эксплицирующей формальные отношения терминов посылок и порождающей возможность перестановки этих терминов;

- они не допускают прямого действия высших правил: актуализация NN и RN возможна только путем преобразований через включение промежуточных процедур (в частности, непосредственных выводов);

- в силу вышесказанного в структурном отношении они представляют собой составные процедуры;

- они имеют место в естественных рассуждениях, но по этим «фигурам можно получать правильный вывод... только окольным путем» (AA 02, S. 55; Там же, с. 34).

- выводы по ним возможны только при условии процессуальной возможности их редукции к совершенной фигуре; если нельзя редуцировать к первой фигуре, то «суждения мои не приведут к выводу» (AA 02, S. 52; Там же, с. 30); поэтому в утвердительных модусах четвертой фигуры «совершенно ясно бросается в глаза, что суждение, содержащее вывод, в том его виде, в каком оно перед нами, вообще не может вытекать из посылок» (AA 02, S. 54; Там же, с. 32).

Обсуждая умозаключения по незаконным фигурам, Кант подчеркивает, что рассуждения по ним строятся посредством преобразова-

possible result that the terms of premises are manipulated, and the number of ways of representing inference in natural discourse — reasoning according to the various figures of syllogisms — is multiplied. In this respect, the syllogism figures receive a special cognitive status.

What is the cognitive status of figures II–IV and the *Dictum* rule? The following are the clearly necessary features of “illegitimate” figures:

- they are rooted in the formulation of natural inferences in the form of judgements explicating the formal relations between terms of premises and making possible the permutation of these terms;

- they do not permit of direct action of the highest rules: actualisation of NN and RN is only possible through transformations that include intermediate procedures (in particular, immediate inferences);

- on the strength of the above, structurally they are composite procedures;

- they occur in natural reasoning, but for these figures “valid inferences may be drawn [...] only indirectly” (*DfS*, AA 02, p. 55; Kant, 1992b, p. 99).

- Inferences according to them are possible only if there is a processual possibility to reduce them to a perfect figure; if they cannot be reduced to the first figure “my propositions do not form a valid inference” (*DfS*, AA 02, p. 52; Kant, 1992b, p. 95); this is why, in the affirmative modes of the fourth figure, “it is obvious that the conclusion, as it is presented here, cannot follow from the premises at all” (*DfS*, AA 02, p. 54; Kant, 1992b, p. 97).

Discussing inferences according to illegitimate figures, Kant stresses that discourse according to them involves transforming them through certain mental acts into the first figure, and drawing a conclusion on the basis of rules

ния их путем некоторых мыслительных актов к первой фигуре и построения вывода на основании правил NN и RN. В этом случае правила *Dictum*, основанные на экстенциональных связях терминов посылок, становятся некими фантомами, не существующими в естественном мышлении. С другой стороны, Кант, обобщая в «Ложном мудрствовании...» правила *Dictum* в контексте отношений этих правил с NN и RN, подчеркивает, что *Dictum* обосновывается через высшие правила, то есть является производным от них. Значит, *Dictum* функционирует в качестве правила умозаключений.

5. Заключение

Возникает вполне очевидная коллизия. Причину ее можно усмотреть в неразличении Кантом модельной и фактической (естественной) форм умозаключений²². По-видимому, попытка реконструировать когнитивные следствия идей «Ложного мудрствования...» приводит к обнаружению двух самостоятельных «пластов» проблемы умозакрывающих актов: конститутивно-гносеологического и собственно когнитивно-психологического. Если рассматривать умозаключение как универсальный для разумных существ инструмент познания, то оно должно строиться на основании высших правил, опосредования признаков и, следовательно, по первой фигуре; выводы по остальным фигурам возможны только в силу их редуцируемости к первой (кроме невозможных, по Канту, модусов *Baroco* и *Bocardo*). Если же рассматривать силлогизм как феномен мыслительной деятельности разумного, но несовершенного индивида, то заключения могут быть получены на основании правил *Dictum* в связи с тем, что умозаключения представлены в форме суждений. Дифференциация конститутивного и феноменального ракурсов дает следующую картину признаков умозакрывающей деятельности:

²² По-видимому, схожая мысль есть у Беслера, который подчеркивает, что «представление модели силлогического вывода, не являющейся первой фигурой... не соответствует тому, что происходит на самом деле в “когнитивной реальности”» (Besler, 2022, p. 200).

NN and RN. In this case, *Dictum* rules based on extensional links between the terms of premises turn into phantoms which do not exist in natural thinking. On the other hand, in “The False Subtlety”, discussing *Dictum* rules in the context of the relations of these rules with NN and RN, Kant stresses that *Dictum* is grounded through the highest rules, i.e. is derived from them. Hence, *Dictum* functions as a rule of inference.

5. Conclusion

An obvious contradiction arises. The reason may be Kant’s failure to distinguish model and actual (natural) forms of inference.²² Evidently, the attempt to reconstruct the cognitive consequences of ideas in “The False Subtlety” uncovers two independent “layers” of the problem of inference acts: the constitutive-epistemological and cognitive-psychological proper. If we consider the inference to be a universal tool of cognition used by intelligent creatures, it should be based on the highest rule, mediation of characteristic marks, and, consequently, according to the first figure; conclusions according to other figures are possible only because they can be reduced to the first figure (except the *Baroco* and *Bocardo* modes, which Kant considers impossible). If we consider the syllogism as a phenomenon of thinking of a rational but imperfect individual, inferences can be obtained on the basis of *Dictum* rules because conclusions may be represented in the form of judgements. Differentiation of the constitutive and phenomenal approaches yields the following picture of the characteristic marks of inference activity:

²² Besler (2022, p. 200) is thinking on the same lines when he writes that “the representation of a non-first-figure pattern of syllogistic inference [...] fails to correspond to what actually happens in ‘cognitive reality’”.

Конститутивные признаки акта умозаключения	Феноменальные (когнитивные) признаки акта умозаключения
• Основания укоренены в структуре бытия, отраженной в категориях «предмет» и «признак». • Посылки и заключение фиксируют неформальные отношения между предметом и признаком, признаком и отдаленным признаком и составляют онтологический силлогизм. • Вывод в онтологическом силлогизме осуществляется посредством действия законов мышления (NN и RN), отражающих бытийные связи предметов и признаков. • Только рассуждения по первой фигуре являются сообразными законам мышления. Все прочие фигуры избыточны и незаконны и обеспечивают возможность вывода только через редукцию к первой фигуре. • «Форма суждения» — проблемное место в этой модели, не анализируемое Кантом. Она может быть истолкована как феномен, служащий «мостом» между мышлением как универсальным свойством всякого разумного существа и индивидуальными актами естественных умозаключений.	• «Форма суждения» — способ формулирования умозаключения в естественном мышлении. • Эта форма допускает манипуляции терминами и ведет к вариациям способов рассуждения — фигурам силлогизма. • Конститутивные признаки умозаключения в них не эксплицированы, включая первую фигуру. • В первой фигуре «форма суждения» максимально близка к онтологическому силлогизму; в остальных она маскирует отношения между предметами и признаками. • «Форма суждения» индуцирует рассуждения по правилам <i>Dictum</i> на основе экстенциональных отношений терминов посылок. • Рассуждения по <i>Dictum</i> лишают естественное мышление его конститутивного свойства быть актом познания. • Процедура рассуждения по <i>Dictum</i> основывается либо на редукции несовершенных модусов к первой фигуре, либо на прямых выводах из заданных посылок. • В этом случае рассуждения по <i>Dictum</i> могут вести к ошибкам — неправильным умозаключениям, или логическим паралогизмам, как позже, в «Критике чистого разума», их называет Кант (B 399; Кант, 2006, с. 511).

Constitutive marks of the inference act:	Phenomenal (cognitive) marks of the inference act:
• Grounded in the structure of being reflected in the categories “object” and “characteristic mark”. • The premises and the conclusion fix informal relations between the object and the characteristic mark, the characteristic mark and the remote characteristic mark, and constitute an ontological syllogism. • The conclusion in the ontological syllogism is achieved through the action of the laws of thinking (NN and RN), which reflect the relations of being between objects and their characteristic marks. • Only reasoning according to the first figure is congruent with the laws of thinking. All other figures are redundant and illegitimate, and make inference possible only through reduction to the first figure. • The “form of judgement” is a problematic element in this model, which Kant does not analyse. It can be interpreted as a phenomenon that provides a “bridge” between thinking as a universal characteristic mark of every intelligent creature and individual acts of natural inference.	• The “form of judgement” is the way of formulating an inference in natural thinking. • This form permits of manipulations with terms and leads to various modes of reasoning, i.e. the figures of syllogism. • The constitutive characteristic marks of the inference in them are not explicated, including the first figure. • In the first figure, the “form of judgement” is the closest approximation to the ontological syllogism; in the other figures, it masks the relations between objects and characteristic marks. • The “form of judgement” induces reasoning according to <i>Dictum</i> rules on the basis of extensional relations between the terms of premises. • <i>Dictum</i> reasoning deprives natural thinking of its constitutive characteristic mark of being a cognitive act. • Reasoning according to <i>Dictum</i> is based either on the reduction of imperfect modes to the first figure, or on direct inferences from the given premises. • In this case, reasoning according to <i>Dictum</i> may lead to errors, i.e. wrong conclusions or “paralogisms”, as Kant would call them later in the <i>Critique of Pure Reason</i> (KrV, B 399; Kant, 1998, p. 411).

Завершая анализ «периферийных» идей трактата «Ложное мудрствование...» подчеркну: в определенном смысле Кант в «Ложном мудрствовании...» задает когнитивные ориентиры изучения силлогистических умозаключений. Соображения, изложенные в трактате, побуждают сформулировать несколько исследовательских проблем, уходящих в плоскость экспериментальной логики и когнитивистики. Строит ли естественное мышление формальные выводы (на основании логических отношений терминов) или скорее оперирует элементами картины мира? Если строит, то применительно ко всем ли четырем фигурам? «Работают» ли в естественном мышлении, и если да, то как именно, на каких основаниях, высшие правила силлогизмов? Является ли рассуждение по первой фигуре своего рода врожденным механизмом умозаключений? Каковы естественные механизмы рассуждений по несовершенным фигурам; имеет ли место редукция к первой фигуре? Являются ли эти механизмы устойчивыми моделями естественных рассуждений или модель индуцируется единичными условиями конкретной мыслительной задачи? Существует ли зависимость между вероятностью ошибочного «вывода» и степенью несходства «формы суждения» модуля с онтологическим силлогизмом? Эти и многие другие вопросы порождаются мыслями, изложенными Кантом в маленьком трактате о фигурах силлогизма и природе умозаключений, и могут стать проблемами когнитивных исследований логических процедур.

Список литературы

- Аристотель. Аналитики первая и вторая / пер. Б. А. Фохта. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Баумейстер Ф. Х. Логика / пер. Я. Толмачева. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1823.
- Брюшинкин В. Н. Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма» // Кантовский сборник. 1986. Вып. 11. С. 29–38.

Completing the analysis of “peripheral” ideas in “The False Subtlety”, it must be stressed that, in a certain sense, Kant in “The False Subtlety” sets cognitive benchmarks for the study of syllogistic inferences. The ideas set forth in the treatise stimulate the formulation of several research problems which move into the sphere of experimental logic and cognitive studies. Does natural thinking build formal conclusions (on the basis of logical relations between terms), or rather operate elements of the image of the world? If it does, does it do so with respect to all the four figures? Do the highest rules of syllogisms “work” in natural thinking, and if yes, how, exactly, and on what grounds? Is reasoning according to the first figure an inborn mechanism of inference? What are the natural mechanisms of reasoning according to imperfect figures – does reduction to the first figure take place? Are these mechanisms stable models of natural reasoning, or is the model induced by the one-off conditions of a concrete thought task? Is there a dependence between the probability of a mistaken “conclusion” and the degree to which “the form of judgement” deviates from the model with ontological syllogism? These are only some of the questions generated by the ideas Kant sets forth in this short treatise on the figures of syllogism and the nature of inference, which can inform cognitive research on logical procedures.

References

- Aristotle, 2009. *Prior Analytics. Book I*. Translated by Gisela Striker. Oxford: Clarendon Press.
- Baumeister, F.Ch., 1747. *Elementa philosophiae recentioris usibus inventutis scholasticae accommodata*. Leipzig: Gleditsch.
- Bryushinkin, V.N., 1986. Kant and Syllogistics. Some thoughts about “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures”. *Kantian Journal*, 11, pp. 29-38. (In Rus.)
- Bryushinkin, V.N., 2004. Kant’s Metapsychologism. *Kantian Journal*, 24, pp. 65-73. (In Rus.)

Брюшинкин В. Н. Метапсихологизм Канта // Кантовский сборник. 2004. Вып. 24. С. 65–73.

Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды / пер. М. Б[егичева]. СПб. : Типография Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, 1765.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 23–40.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Круглов А. Н. Учение разума Христиана Томазия // «Венская логика» И. Канта / общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон-Плюс, 2021а. С. 12–30.

Круглов А. Н. Фронтисписы в учебниках логики периода немецкого Просвещения как программные визуальные средства // Логико-философские штудии. 2021б. Т. 19, № 1. С. 12–90.

Круглов А. Н. Логика Христиана Вольфа // «Венская логика» И. Канта / общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон-Плюс, 2021в. С. 30–49.

Лемешевский К. В. Правило Nota Notae в силлогистике Канта // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 6. С. 39–45.

Луканин Р. К. Органон Аристотеля. М. : Наука, 1984.

Ойзерман Т. И. Учение И. Канта об априорном познании // Кантовский сборник. 2001. Вып. 22. С. 3–29.

Сироткина Л. С. Эпистемологический статус логической процедуры: логическое vs когнитивное? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2021. № 60. С. 15–24.

Besler A. Pre-Critical Kant on Traditional Logic: What is the Mistake in Syllogistic Theory? // Temasa Erciyes Üniversitesi Felsefe Bölümü Dergisi. 2022. № 17. P. 192–204. <https://doi.org/10.55256/temasa.1112423>.

Crusius Ch. A. Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß. Leipzig : Gleditsch, 1762.

Dalla Rosa D. On Rules of Inference in Kant's Logic // Estudos Kantianos. 2020. Vol. 8, № 1. P. 85–100. <https://doi.org/10.36311/2318-0501.2020.v8n1.07.p85>.

Lambert J. H. Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein. Leipzig : Johann Wendler, 1764. Vol. 1.

Besler, A., 2022. Pre-Critical Kant on Traditional Logic: What is the Mistake in Syllogistic Theory? *Temasa Erciyes Üniversitesi Felsefe Bölümü Dergisi*, 17, pp. 192-204. <https://doi.org/10.55256/temasa.1112423>

Crusius, Ch.A., 1762. *Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig: Gleditsch.

Dalla Rosa, D., 2020. On Rules of Inference in Kant's Logic. *Estudos Kantianos*, 8(1), pp. 85-100. <https://doi.org/10.36311/2318-0501.2020.v8n1.07.p85>

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1992a. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I. 1992b. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755–1790*. Translated and edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85-106.

Krouglov A.N., 2021a. The Teaching of Reason by Christian Thomasius. In: A.N. Krouglov, ed. 2021. *“Venskaya logika” I. Kanta [“The Vienna Logic” by I. Kant]*. Moscow: Kanon+, pp. 12-30. (In Rus.)

Krouglov, A.N., 2021b. Frontispieces in German Enlightenment Logic Textbooks as Programmatic Visual Aids. *Logiko-filosofskie shstudii* [Logico-Philosophical Studies], 19(1), pp. 12-90. <https://doi.org/10.52119/LPHS.2021.54.16.002> (In Rus.)

Krouglov A.N., 2021c. Christian Wolff's Logic. In: A.N. Krouglov, ed. 2021. *“Venskaya logika” I. Kanta [“The Vienna Logic” by I. Kant]*. Moscow: Kanon+, pp. 12-30. (In Rus.)

Lambert, J.H., 1764. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein*. Leipzig: Johann Bendler.

Lemeshevsky, K.V., 2009. The Nota Notae Rule in Kant's Syllogistic. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences*, 6, pp. 39-45. (In Rus.)

Lu-Adler, H., 2015. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant. In: J. Wuerth, 2015. *The Cambridge Kant Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 543-545.

Lukanin, R.K., 1984. *Organon Aristotelya* [Aristotle's *Organon*]. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Mosser, K., 2004. Kant and the Logic of Aristotle. In: *Proceedings of the 2nd Hawaii International Conference on the Arts and Humanities (Conference Paper)*. University of Dayton. [online] Available at: <https://ecommons.udayton.edu/phl_fac_pub/22/> [Accessed 02 April 2024].

Lu-Adler H. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant // The Cambridge Kant Lexicon / ed. by J. Wuerth. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 543–544.

Mosser K. Kant and the Logic of Aristotle // Proceedings of the 2nd Hawaii International Conference on the Arts and Humanities. University of Dayton eCommons. 2004. URL: https://ecommons.udayton.edu/phl_fac_pub/22 (дата обращения: 19.10.2023).

Tolley C. Kant on the Nature of Logical Laws // Philosophical Topics. 2006. Vol. 34, № 1–2. P. 371–407.

Vanzo A. Kant's False Subtlety of the Four Syllogistic Figures in its Intellectual Context // The Aftermath of Syllogism / ed. by L. Gili, M. Sgarbi. L. : Bloomsbury Press, 2018. P. 157–190.

Vatavu M. Kant's Innovative Theory of Judgment and Cognition in the False Subtlety of Syllogistic Figures // Kant-Studien. 2019. Bd. 110, H. 4. S. 527–553. <https://doi.org/10.1515/kant-2019-4001>.

Wilson K. D. The Mistaken Simplicity of Kant's Enthymematic Treatment of the Second and Third Figures // Kant-Studien. 1975. Bd. 66, H. 4. S. 404–417. <https://doi.org/10.1515/kant-1975-0171>.

Об авторе

Людмила Сергеевна **Сироткина** — кандидат философских наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: LSirotkina-Primak@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4394-1516>

Для цитирования:

Сироткина Л.С. Блуждание в фигурах силлогизма: О возможной когнитивной силлогистике Канта // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 7–39.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-1>

Oizerman, T.I., 2001. Kant's Doctrine of a Priori Knowledge. *Kantian Journal*, 1(22), pp. 3-29. (In Rus.)

Sirotkina, L.S., 2021. Epistemological Status of a Logical Procedure: Logical vs Cognitive? *Tomsk State University Journal*, 60, pp. 15-24. (In Rus.)

Tolley, Cl., 2006. Kant on the Nature of Logical Laws. *Philosophical Topics*, 34 (1-2), pp. 371-407. <https://doi.org/10.5840/philtopics2006341/214>

Vanzo, A. 2018. Kant's False Subtlety of the Four Syllogistic Figures in Its Intellectual Context. In: M. Sgarbi and M. Cosci, 2018. *The Aftermath of Syllogism. Aristotelian Logical Argument from Avicenna to Hegel*. London: Bloomsbury, pp. 157-190.

Vatavu, M., 2019. Kant's Innovative Theory of Judgment and Cognition in the False Subtlety of Syllogistic Figures. *Kant-Studien*, 110(4), pp. 527-553. <https://doi.org/10.1515/kant-2019-4001>

Wolff, Ch., 1770. *Logic, or Reasonable Thoughts on the Powers of the Human Understanding and Their Use and Application in the Knowledge and Search of the Truth*. Translated from the German of Baron Wolfius. London: Printed for L. Hawes, W. Clarke, and R. Collins.

Wilson, K.D., 1975. The Mistaken Simplicity of Kant's Enthymematic Treatment of the Second and Third Figures. *Kant-Studien*, 66(4), pp. 404-417. <https://doi.org/10.1515/kant-1975-0171>

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Lyudmila S. **Sirotkina**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LSirotkina-Primak@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4394-1516>

To cite this article:

Sirotkina, L.S., 2025. Wanderings in Syllogistic Figures: On Kant's Possible Cognitive Syllogistics. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 7-39.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-1>

© Sirotkina L.S., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КАНТ ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ

Ю. Штольценберг¹

Кантовской теории энтузиазма уделено относительно мало внимания в кантоведении. Это удивительно, учитывая тот факт, что Кант был озабочен проблемой энтузиазма на протяжении всей своей жизни. Одна из причин может заключаться в том, что для Канта энтузиазм — это аффект. Следовательно, его нельзя использовать для обоснования этики. Однако при ближайшем рассмотрении вырисовывается более дифференцированная картина. Наряду с патологическим энтузиазмом Кант признает эстетически возвышенный энтузиазм, а в своих размышлениях о реакции на события Французской революции вводит понятие истинного энтузиазма, связанного с идеями свободы и справедливости. И наконец, Кант предлагает понятие энтузиазма доброго намерения. В нравственном воспитании такой энтузиазм представляет собой предварительную стадию чувства уважения к моральному закону и рассматривается уже не как аффект, а как то, что находится под руководством разума. Эти частично несовместимые концепции энтузиазма я обсуждаю в первой части статьи, а во второй исследую интерпретацию и критику Жаном-Франсуа Лиотаром философско-исторической теории энтузиазма Канта. Перед лицом разрушительных катастроф XX в. Лиотар не видит причин для энтузиазма, который Кант выявил в восприятии публикой Французской революции и истолковал как прогностический знак будущей истории. На смену ему пришла общая усталость от мира. Однако критика Канта со стороны Лиотара основана на исторцистском заблуждении. Ссылка на исторические катастрофы не является аргументом ни против априорной обоснованности идей свободы и справедливости, ни против стремления к их реализации.

Ключевые слова: Кант, энтузиазм, аффект, благо, добродетель, мотивация, практический разум, Лиотар

¹ Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера (MLU). Германия, 06108 Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальден-штрассе, д. 26–27.
Получено: 04.11.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-2

KANT ON ENTHUSIASM

J. Stolzenberg¹

Kant's theory of enthusiasm has received relatively little attention in Kant studies. This is surprising in view of the fact that Kant was preoccupied with the theme of enthusiasm throughout his life. One of the reasons may be that for Kant enthusiasm is an affect. Therefore, it cannot be used to justify ethics. On closer examination, however, a more differentiated picture emerges. In addition to pathological enthusiasm, Kant recognises an aesthetically sublime enthusiasm, and in his reflections on the reaction to the events of the French Revolution, Kant coined the concept of a true enthusiasm, related to the ideas of freedom and justice. Finally, Kant introduces the concept of the enthusiasm of good resolution. It is a preliminary stage of the feeling of respect for the moral law in moral education. It is no longer regarded as an affect, but is under the guidance of reason. The first part discusses the partly incompatible conceptions of enthusiasm. The second part examines Jean-François Lyotard's interpretation and critique of Kant's philosophical-historical theory of enthusiasm. In the face of the devastating catastrophes of the twentieth century, Lyotard sees no reason for the enthusiasm that Kant perceived in the people's reaction to the French Revolution and interpreted as a prognostic sign of future history. It has been replaced by a general world-weariness. However, Lyotard's critique of Kant is based on a historicist fallacy. The reference to historical catastrophes is not an argument against the a priori validity of the ideas of freedom and justice and against the endeavour for their realisation.

Keywords: Kant, enthusiasm, affect, the good, virtue, motivation, practical reason, Lyotard

¹ Martin Luther University Halle-Wittenberg (MLU). 26-27 Emil-Abderhalden-Str., 06108 Halle (Saale), Germany.
Received: 04.11.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-2

Энтузиазм — многомерное понятие. Оно включает в себя мифический, религиозно-ритуальный, поэтологический и, наконец, моральный и политический смыслы. Мифическое, религиозно-ритуальное и поэтологическое значения этого понятия хорошо известны еще со времен Древней Греции. *Энтузиазм* здесь означает необыкновенное, сверхъестественно-божественное вдохновение, которое переживается в эйфорическом, эмоциональном состоянии. Морально-практический и политический смыслы всё больше доминируют в течение XVIII в. Кульминацией этого сложного и многоступенчатого развития стало понятие *энтузиазма* в смысле положительной эмоциональной энергии, которая решительно отличалась от религиозного и политического фанатизма или восторга и в качестве благородного, или рационального, энтузиазма превратилась в психологическую движущую силу для реализации практических идей, таких как свобода, равенство, справедливость и человечность. Развитие понятия энтузиазма в XVIII в. довольно хорошо изучено², поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе. В мою задачу также не входит категоризация позиции Канта в современном ему дискурсе об энтузиазме. Вместо этого я сосредоточусь на концептуальном анализе позиции Канта и ее различных версий³. В заключительном разделе я рассмотрю постмодернистскую интерпретацию Жаном-Франсуа Лиотаром кантовской теории энтузиазма.

Патологический энтузиазм

Центральное определение понятия энтузиазма у Канта звучит следующим образом: «Идея доброго, [соединенная] с аффектом, на-

² Здесь следует особо упомянуть Шефтсбери и Юма в Англии, Дидро, Руссо и Кондорсе во Франции, Шубарта и Гердера в Германии. О развитии концепции энтузиазма в XVIII в. см. подробнее: (Schramke, 2018; Heyd, 1995; Stolzenberg, 2023).

³ Наиболее подробное изложение и обсуждение теории энтузиазма Канта на сегодняшний день представлено в работе Роберта Р. Кьюиса (Clewis, 2018).

Enthusiasm is a multidimensional concept. It encompasses a mythical, a religious-ritualistic, a poetological and, finally, a moral and a political meaning. The mythical, religious-ritualistic and poetological meanings were well known from ancient Greece and had been passed down to modern times. *Enthusiasm* here means an extraordinary, supernatural-divine inspiration that is experienced in a euphoric, emotional state. The moral-practical and political senses become increasingly dominant in the course of the eighteenth century. The complex and multi-stage development culminated in the concept of *enthusiasm* in the sense of a positive emotional energy. This was decisively distinguished from religious and political fanaticism or rapture and, as noble or rational enthusiasm, became the psychological driving force for the realisation of practical ideas such as freedom, equality, justice and humanity. The development of the concept of enthusiasm in the eighteenth century is fairly well studied,² so I will not pursue this issue. Nor is it my task to categorise Kant's position in the discourse on enthusiasm in his century. Instead, I will concentrate on a conceptual analysis of Kant's position and its different versions.³ In a final section I will discuss Jean-François Lyotard's postmodern interpretation of Kant's theory of enthusiasm.

Pathological Enthusiasm

Kant's central definition of the concept of enthusiasm runs as follows: "The idea of the good with affect is called *enthusiasm*" (KU, AA

² Shaftesbury and Hume in England, Diderot, Rousseau and Condorcet in France, Schubart and Herder in Germany should be mentioned here in particular. As to the development of the concept of enthusiasm in the eighteenth century see in detail Schramke (2018); see also Heyd (1995) and Stolzenberg (2023).

³ The most detailed presentation and discussion of Kant's theory of enthusiasm until today has been provided by Robert R. Clewis (2018).

зывается *энтузиазмом*» (AA 05, S. 271–272; Кант, 2001, с. 321). Отсюда можно сделать вывод, что *энтузиазм* — это аффект, вызванный воображаемой идеей доброго в субъекте. Другие фрагменты указывают на то, что Кант имеет в виду добро в моральном или политико-правовом смысле. Согласно Канту, аффект — это «чувство удовольствия или неудовольствия в настоящем состоянии, которое не позволяет возникнуть в субъекте *размышлению* (разумному представлению о том, следует ли предаться ему или уклониться от него)» (AA 07, S. 251; Кант, 2024a, с. 306; см. также: AA 06, S. 407; Кант, 2019, с. 83). Поскольку энтузиазм как чувство «всегда относится к чувственности» (AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 87), то, когда дело доходит до действия, он, согласно Канту, «слеп или в выборе своей цели, или, если эта цель также дана разумом, в ее осуществлении» и неспособен «свободно размышлять об основоположениях, чтобы согласно им определять себя» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Кант подчеркивает, что аффект препятствует любым намерениям и является саморазрушительным, заявляя: «...вообще-то аффект, рассматриваемый сам по себе, во всякое время бывает неблагоприятен; он сам делает себя неспособным к преследованию своей собственной цели» (AA 07, S. 253; Кант, 2024a, с. 308). Энтузиазм, утверждает Кант, даже если он руководствуется «максимой патриотической добродетели или дружбы», всегда будет разогрет «выше должного градуса» (AA 02, S. 251 Anm.; Кант, 2024b, с. 80, примеч.). Поэтому, утверждает Кант, «он никоим образом не может вызвать благорасположения разума» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). А значит, энтузиазм не может быть компонентом истинной морали и, следовательно, движущей силой нравственного поведения. Вердикт против морального качества энтузиазма, таким образом, однозначен: «Только мнимая сила больного лихорадкой доводит до аффекта живое участие даже к *добру* или, вернее, дает ему выродиться в аффект. Такого рода аффект называют *энтузиазмом*» (AA

05, pp. 271-272; Kant, 2000, p. 154). It can be inferred from this that *enthusiasm* is an affect caused by the imagined idea of the good in a subject. Other passages indicate that Kant means the good in a moral or political-legal sense. According to Kant, an affect is “the feeling of a pleasure or displeasure in the subject’s present state that does not let him rise to *reflection* (the representation by means of reason as to whether he should give himself up to it or refuse it)” (*Anth*, AA 07, p. 251; Kant, 2007a, pp. 353-354; see also *MS TL*, AA 06, p. 407; Kant, 1999a, p. 535). Since enthusiasm as a feeling “always belongs to sensibility” (*MS TL*, AA 06, p. 409; Kant, 1999a, p. 536), when it comes to action, according to Kant, it is “blind, either in the choice of its end, or, even if this is given by reason, in its implementation” and “incapable of engaging in free consideration of principles, in order to determine itself in accordance with them” (*KU*, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). Kant emphasises that affect prevents any intention and is self-destructive with the statement: “By the way, affect, considered by itself alone, is always imprudent; it makes itself incapable of pursuing its own end” (*Anth*, AA 07, p. 253; Kant, 2007a, pp. 355-356). Enthusiasm, Kant further argues, even when it is guided “by the maxim of patriotic virtue, or of friendship”, will always be “inflamed beyond the appropriate degree” (*GSE*, AA 02, p. 251n; Kant, 2007b, p. 58n). Therefore, Kant affirms, “it cannot in any way merit a satisfaction of reason” (*KU*, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). And therefore enthusiasm cannot be a component of true morality, and thus also not a driving force for moral behaviour. The verdict against the moral quality of enthusiasm is also unequivocal: “Only the apparent strength of someone feverish lets a lively sympathy even for *what is good* rise into an affect or rather degenerate into it. An affect of this kind is called

06, S. 408–409; Кант, 2019, с. 85–87). Как аффект, он также лишь «сверкающее один миг явление, оставляющее после себя расслабление» (AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 87). И поэтому Кант видит в аффекте «единственно то доброе, что эта буря быстро утихает» (AA 06, S. 408; Кант, 2019, с. 85).

Эстетически возвышенный энтузиазм

В своем раннем «Опыте о болезнях головы» Кант проявил больше симпатии к энтузиазму и его движущей силе. Здесь он признал за энтузиазмом, несмотря на то что тот предполагает «двойную видимость фантазерства в самих по себе хороших, моральных чувствах», предикат возвышенного, поскольку «без него в мире никогда не получалось ничего великого» (AA 02, S. 267; Кант, 2024в, с. 94). Такой энтузиазм можно назвать *возвышенным* в той мере, в какой его носитель стремится достичь своей великой цели с уверенностью в силе, преодолевающей любое сопротивление, и получает от этого повышенное чувство удовольствия. Но здесь возникает концептуальная проблема. Очевидно, что Кант не может иметь в виду только что описанный патологический, опьяняющий энтузиазм, который неспособен преследовать даже среднесрочные цели с помощью рационально обоснованного намерения. Если предполагается, что энтузиазм привел к чему-то великому в мире, то это, несомненно, должен быть «благородный» энтузиазм, который направляет свою энергию на службу рациональным идеям в долгосрочной перспективе и тем самым предоставляет разуму «удерживать поводья» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). Следовательно, не аффект, а разум управляет поступками, что, однако, несовместимо с патологической концепцией энтузиазма. Далее я вернусь к этому вопросу.

В более поздние годы Кант отдалился от своей ранней оценки такого возвышенного энтузиазма. Об этом свидетельствует одно замечание в его теории возвышенного в «Критике способности суждения». Здесь Кант ссылается

enthusiasm” (MS TL, AA 06, p. 408-409; Kant, 1999a, p. 536). As an affect, it is also only “a momentary, sparkling phenomenon that leaves one exhausted” (MS TL, AA 06, p. 409; Kant, 1999a, p. 536). And so Kant only sees “one good thing” about affect, “that this tempest quickly subsides” (MS TL, AA 06, p. 408; Kant, 1999a, p. 535).

The Aesthetically Sublime Enthusiasm

In his early *Essay on the Maladies of the Head*, Kant had shown more sympathy for enthusiasm and its motivating power. Here he had conceded to enthusiasm — although it involves a “two-sided appearance of fantasy in moral sensations that are in themselves good” — the predicate of the sublime because “nothing great has ever been accomplished in the world without it” (VKK, AA 02, p. 267; Kant, 2007c, p. 73). Such enthusiasm can be called *sublime* insofar as its bearer endeavours to achieve its great goal with confidence in a power that overcomes all resistance and gains a heightened sense of pleasure from this. But there is a conceptual problem. It is obvious that Kant cannot be referring here to the pathological and intoxicating enthusiasm just described, which is incapable of pursuing even medium-term goals through a rationally justified intention. If enthusiasm is supposed to have brought about something great in the world, then it must surely be a ‘noble’ enthusiasm that places its energies in the service of rational ideas in the long term and also thus leaves reason to “handle the reins” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). And this means that it is not affect but reason that governs actions. This, however, is not compatible with the pathological concept of enthusiasm. I will return to this point.

In later years, Kant distanced himself from his early appreciation of such sublime enthusiasm. This is shown by a remark in

на свое раннее мнение о том, что «без него [энтузиазма] не может быть достигнуто ничего великого» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 321–323), как на общее мнение, которое ошибочно приписывает энтузиазму предикат возвышенного. В качестве обоснования Кант снова обращается к процитированному в начале статьи определению об аффективном по своей сути характере энтузиазма, который делает его слепым и в выборе целей, и в их реализации, а также к тому факту, что в силу его аффективной природы преодоление препятствий чувственности не достигается свободным учетом принципов разума. Именно поэтому «отсутствие аффектов», стоическая *apatheia* (Там же; см. также: AA 07, S. 254; Кант, 2024a, с. 309) в смысле привычной ориентации на практические принципы разума, которая вообще не позволяет аффектам стать практически действенными, «возвышенно, и притом в превосходной степени» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Оно одно заслуживает предиката благородства, и на его стороне аплодисменты чистого разума.

Однако смущает последующее объяснение Канта, что энтузиазм, рассматриваемый «эстетически», «тем не менее... возвышен» (Там же). Причина в том, что «он есть напряжение сил через идеи, вызывающие такой порыв души, который действует гораздо сильнее и длительнее, чем побуждение, получаемое от чувственных представлений» (Там же). Это смущение рассеивается, если мы принимаем во внимание пояснение Канта в начале «Аналитики прекрасного», что термин «эстетическое» относится исключительно к перспективе субъекта и к тому, что связано с чувством удовольствия и касается всего «жизненного чувства» (AA 05, S. 204; Кант, 2001, с. 153). Отсюда ясно, что увеличение психической энергии, вызванное энтузиазмом, связано с увеличением этого жизненного чувства и, как следствие, усиленным чувством удовольствия. Эти усиления чувств вызваны видением возможности счастливой

his theory of the sublime in the *Critique of Judgement*. Here Kant cites his early view that “without it [i.e. enthusiasm] nothing great can be accomplished” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154) as a general view that wrongly attributed the predicate of the sublime to enthusiasm. By way of justification, Kant refers back to the definition quoted at the beginning to the essentially affective character of enthusiasm, which makes it blind either in the choice of its purposes or in their realisation, and to the fact that due to its affect nature, the overcoming of obstacles of sensibility is not achieved by the free consideration of principles of reason. And therefore “affectlessness”, the Stoic *apatheia* (*ibid.*; see also *Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), in the sense of a habitual orientation towards practical principles of reason, which does not allow affects to become practically effective at all, is “sublime, and indeed in a far superior way” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). It alone deserves the predicate of nobility and has the applause of pure reason on its side.

What is irritating, however, is Kant’s subsequent explanation that enthusiasm, viewed “aesthetically”, is “[n]evertheless [...] sublime” (*ibid.*). The reason given is that “it is a stretching of the powers through ideas, which give the mind a momentum that acts far more powerfully and persistently than the impetus given by sensory representations” (*ibid.*). The irritation dissolves when one considers Kant’s explanation at the beginning of the “Analytic of the Beautiful” that the term *aesthetic* refers solely to the perspective of the subject and to that which is connected with the feeling of pleasure and concerns the entire “feeling of life” (KU, AA 05, p. 204; Kant, 2000, p. 90). It is then clear that the increase in psychic energies brought about by enthusiasm is connected with an increase in that feeling of life and a heightened feeling of

реализации определенных практических идей, связанных с идеей блага и превосходящих все содержание опыта. Они возникают сами собой, благодаря «напряжению сил», и успешно преодолевают всякое внутреннее и внешнее сопротивление, которое может возникнуть в процессе. Стойкость перед лицом грозящих испытаний — признак чувства возвышенного. Поэтому *из перспективы субъекта* энтузиазм можно назвать *эстетически возвышенным*.

Однако есть еще кое-что, что обращает на себя внимание и смущает. Речь идет о цитируемом тезисе Канта, что энтузиазм, вдохновленный идеями, обладает более мощной и более продолжительной мотивирующей силой, чем «побуждение, получаемое от чувственных представлений» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Впечатляющим примером тому является рассказ Руссо о его вдохновленном опыте по дороге из Парижа в Венсен, куда она направилась, чтобы навестить заключенного в тюрьму Дидро после того, как прочитал конкурсный вопрос Дижонской академии, — Кант наверняка знал этот рассказ. В крайнем волнении Руссо осознает свое призвание как критика культуры; и это, как пишет Руссо в «Исповеди», вызвано «энтузиазмом истины, свободы и добродетели», то есть идеями, которые являются идеями истины, свободы и добродетели, и Руссо подчеркивает, что этот энтузиазм длился более четырех или пяти лет, что для него в высшей степени удивительно (Руссо, 1961, с. 306; см.: Schramke, 2018, S. 80).

Что касается определения энтузиазма у Канта, то концептуальные проблемы очевидны: акцент Канта (и Руссо) на длительности этого состояния несовместим с характеристикой быстро проходящей экзальтации энтузиазма. По той же причине нельзя предположить, что энтузиазм, который действует постоянно, — это что-то вроде непрерывного горячего бреда. Постоянно действующий энтузиазм не может всегда быть слепым и безудержным в выборе и достижении целей, без практических принци-

pleasure brought about by it. These increases are initiated by the vision of being able to happily realise certain practical ideas, which are related to the idea of the good and which surpass all the contents of experience. These occur of their own accord through “a stretching of the powers” and successfully overcome all inner and outer resistance that may arise in the process. Standing firm in the face of threatening obstacles is the sign of the feeling of the sublime. Therefore, *from the perspective of the subject*, enthusiasm can be called *aesthetically sublime*.

However, something else is remarkable and irritating. This is Kant’s cited thesis that enthusiasm inspired by ideas has a motivating force that is greater and more enduring “than the impetus given by sensory representations” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). An impressive example of this, which Kant must have been aware of, is Rousseau’s account of his inspirational experience on the way from Paris to Vincennes to visit the imprisoned Diderot. Here he read the prize question of the Academy in Dijon. In extreme excitement, Rousseau recognises his vocation as a writer of cultural criticism; and it is, as Rousseau writes in the *Confessions*, borne by an “enthusiasm for truth, for liberty, for virtue”, i.e. by ideas, which are the ideas of truth, liberty and virtue, and Rousseau emphasises that this enthusiasm lasted for more than four or five years — something highly astonishing for him (Rousseau, 1995, p. 295; cf. Schramke, 2018, p. 80).

With regard to Kant’s definition of enthusiasm, the conceptual problems are clear: Kant’s (and Rousseau’s) emphasis on duration is not compatible with the characteristic of the quickly passing exaltation of enthusiasm. For the same reason it cannot be assumed that an enthusiasm that is permanently effective is something like a permanently feverishly

пов и суждений, позволяя своему носителю увлекаться своими действиями, имея в виду только идею блага и не задумываясь о том, как это благо может быть реализовано. Действуя таким образом, он скорее потерпит неудачу, чем достигнет благой цели. Такой иррациональный, бесцельный, слепо-безумный сценарий явно не то, что подразумевается, когда мы говорим о длительном импульсе, который энтузиазм придает уму. Если энтузиазм, направленный на реализацию идеи добра, должен быть сильным и постоянно действующим, то он должен быть способен принимать долгосрочные намерения и действовать в соответствии с общими принципами разума и под руководством практической силы суждения, что, однако, невозможно примирить с неразумным аффективным характером энтузиазма. Неясно, как можно разрешить наблюдаемое здесь несоответствие между двумя противоречащими друг другу описаниями энтузиазма — как патологического и как благородного. Представляется, что в более поздних высказываниях Канта содержится перспектива, которая может способствовать решению этой проблемы.

Истинный энтузиазм

Здесь интересны два контекста: с одной стороны, комментарий Канта к Французской революции в его работе 1798 г. «Спор факультетов» (AA 07, S. 79–94; Кант, 2024г, с. 324–340)⁴, а с другой — размышления об энтузиазме в «Антропологии в прагматическом отношении», который Кант теперь называет *энтузиазмом доброго намерения* (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). В «Споре факультетов» под впечатлением от событий Французской революции и восторженного отклика на них в Европе

⁴ Я не буду углубляться в спор между юридическим и философским факультетами и в проблему их отношения к правящей власти в государстве, что обсуждает Кант на этих страницах (см.: Scheerlinck, 2017, S. 442–449).

overheated delirium. Therefore, enthusiasm that is permanently effective cannot always be blind and unbridled in its choice of purpose or execution, without practical principles and judgement, having only the idea of the good in one's mind, allowing oneself to be carried away in action, as it were, without reflecting on how the good one is striving for can be achieved. In doing so, the good end is more likely to be missed than achieved. Such an irrational, aimless, blindly frenzied scenario is obviously not what is meant when we talk about the lasting *impetus* that enthusiasm gives to the mind. If enthusiasm for the realisation of the idea of the good is to be strong and permanently effective, then it must be able to adopt long-term intentions and act according to general principles of reason and under the guidance of a practical power of judgement. However, this cannot be reconciled with the unreasonable affect character of enthusiasm. It is not clear how the inconsistency observed here between two conflicting descriptions of enthusiasm, the pathological and the noble enthusiasm, can be resolved. It seems that Kant's later remarks contain a perspective that can contribute to solving this problem.

True Enthusiasm

Two contexts are of interest here: on the one hand, Kant's commentary on the French Revolution in his 1798 writing *The Contest of the Faculties* (SF, AA 07, pp. 79-94; Kant, 2006a)⁴ and, on the other hand, a reflection on enthusiasm in the *Anthropology from a Pragmatic Point of View*, which Kant now calls an *enthusiasm of good resolution* (*Enthusiasmus des guten Vorsatzes*) (Anth, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). In *The Contest of the Faculties*

⁴ I will not go into the dispute between the Faculty of Law and the Faculty of Philosophy and their relationship to the ruling power of the state, which Kant negotiated (see Scheerlinck, 2017, pp. 442–449).

Кант обнаруживает удивительно позитивное отношение к энтузиазму. Здесь он с нескрываемой симпатией признает всеобщее одобрение, проявившееся в солидарности народов Европы с целями революции во Франции (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330). В публичном выражении поддержки ведущим идеям революции Кант видит «в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) граничащее с энтузиазмом *сочувствие* ее чаяниям» (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330–331), которое, поскольку зрители не уклоняются от риска опасности и преследования при публичном выражении своей симпатии, не может быть истолковано иначе, чем как признак прогресса в формировании общего морального характера (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330). Очевидно, что вердикт философа в отношении морального качества энтузиазма здесь заметно смягчен — даже если Кант признает, что он «не заслуживает полного одобрения, ибо аффект как таковой достоин порицания» (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 331). Причина в том, что общая симпатия к благим моральным и правовым целям революции остается созерцательной — это лишь «сочувствие чаяниям» — и не входит в область действия (AA 07, S. 87; Кант, 2024г, с. 333).

И еще один значимый аспект. Ранняя формула Канта об энтузиазме как соединенном с аффектом *сочувствии* доброду, которая вновь используется здесь (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 331), теперь обретает новый смысл и оценку под названием «истинный энтузиазм» (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 332). «Истинный энтузиазм» и проявляющееся в нем «душевное величие» (Там же) заключаются в том, что не определяются материальными благами, но вдохновляются *априорными* рациональными идеями права и принципами морали. Это и есть характеристика истинного энтузиазма: «...истинный энтузиазм всегда тяготеет к *идеальному*, причем чисто моральному, к такому, как поня-

under the impression of the events of the French Revolution and their inspired response in Europe, Kant reveals a remarkably positive attitude towards enthusiasm. Here he acknowledges with undisguised sympathy the general applause shown in the solidarity of the peoples of Europe towards the goals of revolution in France (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155). In the public expression of support for the leading ideas of the revolution, Kant sees “in the hearts of all its spectators (who themselves are not involved in the show) [...] a degree of *sympathy* in wish that borders on enthusiasm” (*ibid.*), and which, since the spectators do not shy away from the risk of danger and persecution in the public expression of their sympathy, cannot be interpreted in any other way than as a sign of progress in the formation of a general “moral character” (*ibid.*). It is clear that Kant’s verdict on the moral quality of enthusiasm is noticeably toned down here — even if Kant admits that “it is not to be approved of, since all affect as such is deserving of rebuke” (SF, AA 07, p. 86; Kant, 2006a, p. 156). The reason for this is that the general sympathy for the good moral and legal goals of the revolution remains contemplative — it is only a ‘sympathy in wish’ —, and does not enter the field of action (SF, AA 07, p. 87; Kant, 2006a, p. 157).

And yet another point is significant. Kant’s early formula of enthusiasm as participation in the good with affect, which is taken up again here (SF, AA 07, p. 86; Kant, 2006a, p. 156), is now given a new meaning and appreciation under the title of “true enthusiasm” (*ibid.*). The “true enthusiasm” and the “greatness of spirit” (*ibid.*) that is manifested in it consist in the fact that they are not determined by material goods, but are inspired by the *a priori* rational ideas of right and principles of morality. This is the characteristic of true enthusiasm: “true enthusiasm is aimed solely at the *ideal* and,

тие права» (Там же)⁵. Чисто моральной причиной такого рода эмоциональной партийности является идея суверенитета народа. Она выражается в утверждении права народа дать себе республиканскую конституцию. Законность и моральное качество принципов этой конституции должны обеспечиваться недопущением агрессивных войн, и таким образом, несмотря на «всю... слабость» «человеческого рода», препятствия для «движения к лучшему... по крайней мере, устранены» (Там же). Таковы причины сочувствия публики, а также мотивы революционеров (Там же)⁶.

Энтузиазм как исторический знак

Однако вышесказанное не выражает решающего систематического значения этого истинного энтузиазма. С идеей свободы и ее реализацией в республиканской конституции, что вызвало энтузиазм по всей Европе, и сопутствующим изменением общественного мнения в мире появилось нечто, что, как утверждает Кант, «не может быть забыто, потому что оно вскрыло в человеческой природе задаток и способность к лучшему» (AA 07, S. 88; Кант, 2024г, с. 334; пер. уточнен. — Пер.) и потому что «данное событие слишком велико, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на мир во всех его частях» (Там же). Поэтому всеобщий горячий энтузиазм по отношению к идее свободы и усилиям по ее конституционной институционализации в то же время есть символ оправданной надежды на постепенное, хотя и часто затрудненное, осуществление и распространение свободы «на все наро-

⁵ Согласно Канту, право — это *априорный* порядок свободы действий. «Принцип права» гласит: «Правым является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» (AA 06, S. 230; Кант, 2014, с. 89).

⁶ Об отношении Канта к Французской революции см.: (Pleger, 1989; Seeböhm, 1993).

indeed, at the purely moral, to which the concept of right belongs" (*ibid.*).⁵ The purely moral cause for this kind of emotional partiality is the idea of the sovereignty of the people. It is expressed in the assertion of the right of a people to give itself a republican constitution. The legality and moral quality of the principles of this constitution are to be ensured by avoiding wars of aggression and thus, despite "all [...] frailty" of the "human race", the "progress toward the better" is "at least not [...] disturbed" (*ibid.*). These are the reasons for the public's sympathy as well as the motives of the revolutionaries (*ibid.*).⁶

Enthusiasm as a Historical Sign

However, this does not express the decisive systematic significance of this true enthusiasm. With the Europe-wide enthusiastic response to the idea of freedom and its realisation in a republican constitution and the accompanying change in public opinion, something has come into the world, as Kant states, that "*will not be forgotten*", because "it has uncovered a predisposition and power toward the better in human nature" (SF, AA 07, p. 88; Kant, 2006a, p. 158; translation corrected — J.S.), and because "that event is too great, too bound up with the interest of humanity, and too widespread in its influence throughout the world" (*ibid.*). Therefore, the general sympathetic enthusiasm for the idea of freedom and the efforts for its constitutional institutionalisation is at the same time a symbol of the justified hope for a gradual, albeit often impeded, realisation and spread of freedom

⁵ According to Kant, right is an *a priori* order of freedom of action. The "Principle of Right" is: "Any action is right if it can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law, or if on its maxim the freedom of choice of each can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law" (MS RL, AA 06, p. 230; Kant, 1999a, p. 387).

⁶ As to Kant on the French Revolution see Pleger (1989) and Seeböhm (1993).

ды Земли» (AA 07, S. 89; Кант, 2024г, с. 334). Не событие революции во Франции как таковое, а «образ мыслей зрителей» (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330) и их энтузиазм в отношении идеи свободы и реализации гражданской конституции становятся универсально-историческим и в то же время космополитическим, памятным и прогностическим «историческим знаком» (AA 07, S. 84; Кант, 2024г, с. 330)⁷. Задача правительства — понять этот исторический знак и ответить на него реформами. Эта задача соответствует тезису Канта о том, что запрет на свободу мнений и публикаций, а также на информирование общества о несправедливости существующих законов препятствует прогрессу к лучшему (AA 07, S. 89; Кант, 2024г, с. 335; см.: Muglioni, 2024).

Следует отметить еще один аспект. Кантовская оценка относится не только к энтузиазму зрителей, проникнутых сочувствием и ярким желанием активного участия, но и к самим революционерам, под которыми он, вероятно, имел в виду безымянных граждан-солдат, а не партийных функционеров. Здесь Кант говорит об «энтузиазме правоутверждения человеческого рода» (AA 07, S. 86 Anm.**; Кант, 2024г, с. 332, примеч.). И он без колебаний сравнивает жестокость оружия тех, кто взялся защищать право народа и положил его в основу республиканской конституции, с жестокостью оружия античного бога Вулкана, цитируя строку из «Энеиды» Вергилия: «...смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась»⁸. Однако оценка Канта неоднозначна. Ведь то, о чем он, пусть и не в данном контексте, не забывает упомянуть, — это другая, негативная сто-

“among all the peoples of the earth” (SF, AA 07, p. 89; Kant, 2006a, p. 158). It is not the event of the Revolution in France as such, but rather “the spectators’ mind-set” (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155) and their enthusiasm for the idea of freedom and for the realisation of a civil constitution that thus become a universal-historical and at the same time cosmopolitan, commemorative and prognostic “Historical Sign” (SF, AA 07, p. 84; Kant, 2006a, p. 154).⁷ It is up to the government to understand this historical sign and to respond to it through reforms. This corresponds to Kant’s thesis that the prohibition of freedom of opinion and publication and of public information about the injustice of existing laws prevents progress for the better (SF, AA 07, p. 89; Kant, 2006a, p. 159; cf. Muglioni, 2024).

There is yet another aspect to be mentioned. Kant’s appreciation applies not only to the enthusiasm of the spectators, borne by sympathy and the vivid desire for active participation, but also to the revolutionaries themselves, by whom he probably meant the anonymous citizen-soldiers rather than the party functionaries. Here Kant speaks of an “enthusiasm for the assertion of right for the human race” (SF, AA 07, p. 86n**; Kant, 2006a, p. 156n**). And he does not hesitate to compare the violence of the weapons of those who undertook to defend the right of the people and made it the basis of a republican constitution with the violence of the weapons of the ancient god *Vulcanus*, quoting a line from Virgil’s *Aeneid*, “the mortal sword broke like brittle ice”.⁸ However, Kant’s

⁷ Кант добавляет в скобках: «*signum rememorativum, demonstrativum, prognostikon*».

⁸ У Канта: «*Postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*». Буквально цитата читается: «*Postquam arma dei ad Volcania ventum est, mortalis mucro...*» (Virgil. *Aeneid*. 12: 739–741). Ср.: «...Только лишь он скрестился с железом Вулкана, / Тотчас же смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась» (Вергилий, 1979, с. 397). См.: (Schramke, 2018, S. 315–317).

⁷ Kant adds in brackets: “*signum rememorativum, demonstrativum, prognostikon*”.

⁸ “*Postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*.” Cf. “When it came up against the weapons of Vulcan, the mortal sword broke like brittle ice” (Kant, 2006, p. 156n**). Literally the quotation reads: “*Postquam arma dei ad Volcania ventum est, mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*” (Virgil, *Aeneid*, 12:739-741). See Schramke (2018, pp. 315-317).

рона медали, объясняющая вышеупомянутое, довольно случайное замечание о порицании и неодобрении всякого аффекта. Речь идет об иррациональном, аффективно-экзальтированном характере энтузиазма, который проявляется в революционных *действиях*, таких как террор, и который сам подрывает благое намерение, выбирая неверные средства. Кант напоминает нам об этом в своей «Антропологии...»: «Обратная сторона медали — это *живость*, недостаточно сдерживаемая обдуман-ными принципами... и заразительный *дух свободы*, увлекающий в свою игру даже и сам разум и производящий в отношениях народа к государству сотрясающий все энтузиазм, доходящий до крайности...» (AA 07, S. 313–314; Кант, 2024а, с. 373). Последняя формулировка, вероятно, относится к публичной казни Людовика XVI, для Канта — одному из величайших преступлений его времени (см.: AA 06, S. 321 Anm.; Кант, 2014, с. 331). Таким образом, оценка Кантом этого истинного энтузиазма остается двойственной. Несмотря на его сочувствие восторженному отклику народа на цели революции, которую он интерпретирует как «исторический знак», аффективный характер энтузиазма допускает злоупотребления, когда дело доходит до действий, поскольку он может привести к совершению аморальных или несправедливых поступков. Поэтому энтузиазм не может быть признан в качестве морального принципа. Но это не последнее слово Канта.

Энтузиазм доброго намерения

В «Антропологии...» Кант вновь обращается к теме энтузиазма, и снова в контексте размышлений о моральном качестве апатии. В связи с учениями Стои он превозносит требование безразличия к аффектам как «совершенно правильное и возвышенное моральное основоположение», поскольку аффект — здесь Кант просто повторяет свое прежнее высказывание — «слеп»

appreciation is ambivalent. For what Kant, even if not in the present context, does not fail to mention is the other negative side of the coin. It explains the above-mentioned, rather casual remark of censure and disapproval of all affect. This is the irrational, affectively exalted character of enthusiasm which comes across in revolutionary *actions* such as the *Terreur* and which self-destructively destroys good intention by choosing the wrong means. Kant reminds us of this in his *Anthropology*: “The other side of the coin is a *vivacity* that is not sufficiently kept in check by considered principles, and [...] an infectious *spirit of freedom*, which probably also pulls reason itself into its play, and, in the relations of the people to the state, causes an enthusiasm that shakes everything and goes beyond all bounds” (*Anth*, AA 07, pp. 313-314; Kant, 2007a, p. 409). The last formulation probably refers to the public execution of Louis XVI, for Kant one of the greatest crimes of his time (see *MS RL*, AA 06, p. 321n; Kant, 1999a, p. 464n). Thus, Kant’s assessment of that true enthusiasm remains ambivalent. Despite his sympathy for the people’s enthusiastic reaction to the goals of the revolution which he interpreted as a “Historical Sign”, the affective character of enthusiasm is open to abuse when it comes to action insofar as it may lead to commit immoral or unjust actions. Therefore enthusiasm cannot be recognised as a moral principle. But that is not Kant’s final word.

Enthusiasm of Good Resolution

In *Anthropology from a Pragmatic Point of View*, Kant once again addresses enthusiasm. This again takes place in the context of reflections on the moral quality of apathy. With regard to the doctrines of the Stoa, Kant praises the requirement of indifference to affects as “an entirely correct and sublime moral principle”, since affect — here Kant merely

к принципам и мешает достижению собственных целей (AA 07, S. 253; Кант, 2024а, с. 308). Последующий, антропологически ориентированный аргумент опять вводит новое понятие энтузиазма. Это понятие *энтузиазма доброго намерения* (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). Оно трактуется как естественная предрасположенность к аффекту, который, пока разум не развился в достаточно мощную силу, позволяющую ему «держат поводья» (AA 07, S. 253; Кант, 2024а, с. 308), берет на себя функцию «предварительного суррогата разума» (Там же). При этом «моральные мотивы к добру» должны быть дополнены «мотивом патологического (чувственного) побуждения» «для оживления» (Там же).

В следующем рассуждении объясняется, как это можно понять и как может произойти такое оживление. Примечательно, что здесь *разум* выступает в качестве причины в согласии с воображением, поскольку воображение обеспечивает подходящие разумные представления в виде конкретных примеров для идеи блага — Кант упоминает «духовные или... политические речи к народу» или «в одиночестве к самому себе» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309), что можно дополнить обращением к литературным или музыкальным произведениям, например к драмам Шиллера (вспомним «Заговор Фиеско в Генуе», «Дон Карлос» или «Вильгельм Телль»), «Волшебной флейте» Моцарта или «Фиде лио» Бетховена, — достаточно назвать лишь несколько произведений эпохи Канта. Таким образом, обращаясь к чувственно-конкретным представлениям, которые определяются идеей блага и его реализацией, разум может, в согласии с воображением, быть косвенной причиной аффекта, который «оживляет душу» «в отношении к добру» (Там же). К этому добавляется уже знакомое объяснение, что «разум все еще удерживает поводья» (Там же). Эта метафора подразумевает, что не только содержание взглядов определяется разумом, но и предполагаемые действия управ-

repeats his earlier statement — is “blind” to principles and thwarts the pursuit of one’s own ends (*Anth*, AA 07, pp. 253; Kant, 2007a, p. 355). The subsequent, anthropologically orientated argument once again introduces a new concept of enthusiasm. This is the concept of an *enthusiasm of good resolution* (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). It is interpreted as a natural disposition to an affect that, before reason has developed into a sufficiently strong force which enables it to “handle the reins” (*Anth*, AA 07, p. 253; Kant, 2007a, p. 355), takes on the function of “a temporary surrogate of reason” (*ibid.*). With this “the moral incentives for the good” are to be supplemented by “the incentive of pathological (sensible) impulse” “for the purpose of enlivening us” (*ibid.*).

The following consideration explains how this may be understood and how such a revitalisation can take place. It is remarkable that here *reason* is the cause in concordance with the imagination, in that the imagination provides suitable sensible views in the form of concrete examples for the idea of the good — Kant mentions “spiritual or political speeches to the people” or their “solitary speeches to oneself” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), to be supplemented by appealing to literary or musical works of art, e.g. Schiller’s dramas (one may think of *The Conspiracy of Fiesco in Genoa*, *Don Carlos* or *Wilhelm Tell*), Mozart’s “Magic Flute” or Beethoven’s “Fidelio”, to name just a few works from Kant’s time. In this way, by referring to sensible-concrete views that are determined by the idea of the good and its realisation, reason can, in agreement with the imagination, be the indirect cause of an affect that is ‘soul-enlivening’ “in respect to the good” (*ibid.*). To this is now added the already familiar explanation that “reason still always handles the reins” (*ibid.*). What is meant by this metaphor is that not only the content of the views is determined

ляются принципами разума. Таким образом сформулированы основные характеристики понятия «энтузиазм доброго намерения». Они дополняются следующим пояснением, которое не следует упускать из виду: Кант подчеркивает, что энтузиазм доброго намерения — это не «аффект», который является «более сильным физическим *чувством*», превосходящим действие разума и препятствующим спокойному обдумыванию, а скорее он относится к «*способности желания*» (Там же)⁹.

Этими объяснениями Кант, очевидно, внес новый будоражающий сдвиг в значение термина «энтузиазм». Самое серьезное изменение состоит в том, что энтузиазм теперь вообще не рассматривается как аффект и приписывается скорее способности желания, чем чувственности. С отрицанием этих двух существенных характеристик само понятие как бы аннулируется. Следующее, не менее серьезное изменение можно увидеть в том, что теперь разум определяет не только объект, идею блага, которую следует живейшим образом конкретизировать

⁹ Р. Кьюис видит в этом двусмысленность и пытается разрешить ее, предполагая, что Кант склоняется к тому, что это «аффект, который может привести к страсти» (Clewis, 2018, p. 193). Кьюис ссылается на примечание Канта из ранних «Заметок к “Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного”»: «Страсть к возвышенному — это энтузиазм» (AA 20, S. 43). Однако более позднее описание страсти у Канта вряд ли совместимо со значением и функцией энтузиазма доброго намерения: согласно Канту, страстная личность определяется склонностью, поэтому она не свободна и не доступна моральным принципам (AA 07, S. 266; Кант, 2024а, с. 232). Подверженность страстям — это всегда «*болезнь души*», которая «исключает господство разума» (AA 07, S. 251; Кант, 2024а, с. 306). Поэтому Кант рассматривает страсти как неизлечимые «*раковые язвы для чистого практического разума*» (AA 07, S. 266; Кант, 2024а, с. 232). Это, очевидно, противоположно тому, что Кант называет энтузиазмом доброго намерения. И мы также не можем предположить, что Кант мог бы всерьез говорить о страсти к добру (см.: AA 09, S. 486–487; Кант, 1994, с. 448). Поэтому приписывать Канту здесь в тенденции переход от аффекта к страсти представляется неубедительным. Более уместно предположить новое значение энтузиазма. Ниже это станет яснее. О кантовских учениях об эмоциях и страстях см.: (Sorensen, 2002; Newmark, 2008).

by reason, but also the intended actions are governed by principles of reason. The essential characteristics of the concept of an enthusiasm of good resolution are thus stated. They are supplemented by the following explanation which should not be overlooked: Here Kant emphasises that the enthusiasm of good resolution is not actually “an affect”, which is a “stronger sensible *feeling*” that surpasses the effects of reason and prevents calm deliberation, but rather belongs to “the *faculty of desire*” (*ibid.*).⁹

With these explanations, Kant has evidently made a new and irritating shift in the meaning of the term *enthusiasm*. The most serious change consists in the fact that this enthusiasm is now no longer considered an affect at all and is attributed to the faculty of desire rather than sensibility. With the negation of these two essential characteristics, the concept itself seems to be cancelled. A further, no less serious change can be seen in the fact that reason not only determines the object, the idea of the good,

⁹ Clewis (2018, p. 193) sees an ambiguity in this point and attempts to resolve it by assuming a tendency on Kant's part that this is “an affect that can lead to a passion”. Clewis refers to a note by Kant from the early “Remarks on the Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime”: “The passion of the sublime is enthusiasm” (BGSE, AA 20, p. 43; Kant, 2011, p. 95). However, Kant's later description of passion seems hardly to be compatible with the meaning and function of the enthusiasm of good resolution: Following Kant, the passionate person is determined by an inclination, therefore, it is not free and not accessible to moral principles (*Anth*, AA 07, p. 266; Kant, 2007a, p. 368). Being subject to passions is always an “illness of the mind” that “shut[s] out the sovereignty of reason” (*Anth*, AA 07, p. 251; Kant, 2007a, p. 354). So Kant sees passions as incurable “cancerous sores for pure practical reason” (*Anth*, AA 07, p. 266; Kant, 2007a, p. 367). This is obviously the opposite of what Kant calls the enthusiasm of good resolution. And we can also not assume that Kant would be able to speak seriously of a passion for the good (see *Päd*, AA 09, pp. 486–487; Kant, 2007d, p. 474). Therefore, it seems to be not convincing to attribute to Kant a tendency from affect to passion here. It seems more appropriate to assume a new meaning of enthusiasm. This will become clearer below. As to Kant's theories of emotion und passion, see Sorensen (2002) and Newmark (2008).

примерами, но и принципы, лежащие в основе выполнения действий, через которые реализуется благо. Используя метафору разума, удерживающего поводья, Кант применяет здесь ту же формулировку, которую ранее *исключил* из определения энтузиазма, принимая по внимания действия, инициируемые последним. Таким образом, и в этом отношении энтузиазм лишается иррациональной аффективности. Если действия определяются принципами разума, то свой сугубо преходящий характер он в конечном счете также утрачивает. В связи с этим еще более остро встает вопрос о том, по какому праву и в каком смысле понятие энтузиазма вообще может получить позитивную интерпретацию.

Пример в «Учении о методе чистого практического разума»

Этот вопрос имеет самостоятельное систематическое значение. Он занимает свое место в «Учении о методе чистого практического разума», второй части «Критики практического разума». В «Учении о методе...» обсуждается «способ, каким можно было бы содействовать *проникновению* законов чистого практического разума в человеческую душу и *влиянию* на его максимы...» (AA 05, S. 151; Кант, 1997, с. 697) и тем самым, можно добавить, противостоять вышеупомянутым катастрофическим вырождениям энтузиазма. Это можно понимать как систематически обоснованное уточнение для использования примеров, предложенных Кантом в «Антропологии...». «Оживление воли» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309), которому способствуют примеры, — это способ, с помощью которого благо, как выражается Кант, «следует донести до человеческого сердца» (AA 05, S. 152; Кант, 1997, с. 701). Поэтому мы можем ожидать, что размышления Канта о методе чистого практического разума прольют свет на поставленный вопрос.

which is to be demonstratively concretised through examples, but also the principles behind the execution of the actions through which the good is realised. With the metaphor of reason guiding the reins, Kant uses the same formulation here that he had formerly *excluded* from the definition of enthusiasm in view of actions initiated by the latter. In this respect, too, the character of an irrational affect is thus cancelled. If the actions are determined by principles of reason, the merely transitory character of enthusiasm is ultimately also cancelled. This raises the question all the more urgently with what right and in what sense the concept of enthusiasm can be given a positive interpretation at all.

The Example in the “Doctrine of the Method of Pure Practical Reason”

This question has an independent systematic significance. It has its place in the “Doctrine of the Method of Pure Practical Reason”, the second part of the *Critique of Practical Reason*. The “Doctrine of the Method” discusses “the way in which one can provide the laws of pure practical reason with *access* to the human mind and *influence* on its maxims [...]” (*KpV*, AA 05, p. 151; Kant, 1999b, p. 261) — and thus, it could be added, counteract those catastrophic degenerations of enthusiasm. It can be understood as a systematically grounded precision of the use of examples proposed by Kant in the *Anthropology*. The “enlivening of the will” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), promoted by examples, is the way in which the good, as Kant expresses it here, is “brought to bear on the human heart” (*KpV*, AA 05, p. 152; Kant, 1999b, p. 262). We can therefore expect Kant’s reflections on the method of pure practical reason to shed light on the above question.

Ожидание оказывается оправданным, поскольку Кант сам приводит и обсуждает пример, демонстрирующий моральные качества добродетельного характера. Это «история честного человека», которого заставляют «участвовать в клевете на невинного... человека» (AA 05, S. 155; Кант, 1997, с. 709) несколькими, все более серьезными угрозами, затрагивающими его личность, его семью и в конечном итоге все его счастье в жизни, но который твердо придерживается своего «намерения быть честным» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 711). Для нашего контекста важен в этом примере и его драматургии комментарий Канта к прогнозируемой реакции вымышленного, по случайности юного, слушателя или читателя. Она варьируется от простого одобрения к удивлению и восхищению до «величайшего благоговения» и «сильного желания» «быть таким же человеком» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 711). Эти эмоциональные реакции и «сильное желание» быть похожим на него или, как выражается Кант, «удивление и даже стремление подражать такому характеру» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 713), в основе которого в конечном счете — его идентификация с непоколебимой добродетелью этого человека, можно рассматривать как интерпретацию не упомянутого здесь энтузиазма доброго намерения.

Однако аффекта в определенном смысле здесь нет, о чем говорит выражение «сильное желание». Желание не возникает как аффект и быстро исчезает. Его сила здесь скорее означает качество интенсивно переживаемого, твердого намерения реализовать моральное благо, то есть доброе намерение. То, что чистый практический разум будет «удерживать поводья» в воображаемой реализации идентифицирующего желания добродетельного образа жизни, можно заключить из морального содержания повествования, которое ярко изображает постоянное утверждение «чистоты нравственного принципа» (Там же), преодолевающего все препятствия.

The expectation proves to be justified insofar as Kant himself presents and discusses an example that demonstrates the moral quality of a virtuous character. It is the “story of an honest man” who is forced to “join the calumniators of an innocent [...] person” (*KpV*, AA 05, pp. 155; Kant, 1999b, p. 264) by several, increasingly severe threats that affect his person, his family and ultimately his entire happiness in life, but who steadfastly adheres to his “resolution to be truthful” (*KpV*, AA 05, pp. 156; Kant, 1999b, pp. 264-265). For our context, Kant’s commentary on the predicted reaction of the fictitious, incidentally youthful, listener or reader in the example and its dramaturgy is important. It ranges in stages from mere approval to admiration and amazement, to “the greatest veneration and a lively wish [...] [to] be such a man” (*KpV*, AA 05, p. 156; Kant, 1999b, p. 265). These emotional reactions and the “lively wish” to be like this person or, as Kant puts it, the “admiration and even endeavour to resemble this character” (*ibid.*), which is ultimately based on identification with the person’s unshakeable virtue, may be regarded as an interpretation of the enthusiasm of good resolution not mentioned here.

However, an affect in the defined sense is not present here, as the expression “lively wish” says. It does not arise like an affect and quickly fades away. Its vividness here rather means the quality of an intensely experienced, firm intention to realise the morally good, i.e. a good resolution. The fact that pure practical reason will ‘handle the reins’ regards the imagined realisation of the identificatory wish for a virtuous lifestyle can be inferred from the moral content of the narrative, which vividly depicts the constant assertion of “the purity of the moral principle” (*ibid.*) that overcomes all obstacles.

From this an interpretation of the rational content of Kant’s expression of enthusiasm

Отсюда можно сделать вывод о рациональном содержании кантовского выражения «энтузиазм доброго намерения». Речь идет о комплексе эмоциональных реакций, которые как бы отлаживаются или низводятся до уровня правил чистого практического разума. Это происходит благодаря рациональной идее добра и ее чувственному воплощению, что связано с признанием и принятием морального устроения. Через конкретные примеры непоколебимого утверждения добродетельного характера, через обращение к идее добра «порыв безграничной способности воображения» сдерживается, «чтобы не дать ей возвыситься до энтузиазма» (AA 05, S. 274; Кант, 2001, с. 329). Поэтому энтузиазм доброго намерения не может быть слепым и буйным аффектом. Что же он тогда такое?

Если считать, что описанные эмоциональные реакции — удивление, восхищение, благоговение — относятся к области чувства возвышенного, то можно дать положительную характеристику энтузиазму доброго намерения. Это выражение чувства нравственно возвышенного, вызванного конкретными представлениями или яркими примерами. Чувство возвышенного в моральном плане — это субъективная реакция на представление о превосходстве нравственного характера и безусловном признании морального закона над всеми детерминантами чувственности — или, говоря словами Канта, «все, что люди только могут причислить к счастью» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 713). Приведенный выше пример демонстрирует такой нравственный характер.

Однако пример лишь тогда выполняет свою задачу, когда он не только понимается как наставление о нравственной силе человеческой природы и способствует восхищению таким характером, но и когда он приводит к формированию постоянного нравственного устроения у самого адресата и делает его основой жизненного поведения последнего. В этом кон-

for good resolution can be derived. It refers to a complex of emotional reactions that are, as it were, tuned down or brought down to the level of the rules of pure practical reason. This is done by the rational idea of the good and its sensibilisation, and this is connected with the recognition and adoption of the moral disposition. Through the concrete examples of the unshakeable assertion of virtuous character, with reference to the idea of the good, the “the momentum of an unbounded imagination” is moderated in order “not to let it reach the point of enthusiasm” (KU, AA 05, p. 274; Kant, 2000, p. 156). Therefore, the enthusiasm of good resolution cannot be a blind and exuberantly affected. What is it then?

If one considers that the emotional reactions described — admiration, amazement, veneration — belong to the realm of the feeling of the sublime, then a positive characterisation of the enthusiasm of good resolution can be gained. It is an expression of the feeling of the morally sublime, brought about by concrete views or vivid examples. The feeling of the sublime in moral terms is the subjective response to the notion of the superiority of a moral character and the unconditional recognition of the moral law over all determinants of sensibility — or, to put it in Kant’s words, “everything that people may reckon only to happiness” (KpV, AA 05, p. 156; Kant, 1999b, p. 265). The example demonstrates such a moral character.

However, the example only fulfils its purpose when it is not only understood as an instruction on the moral power of human nature and promotes the admiration of such a character, but also when it leads to the promotion of a constant moral attitude in the addressee himself and makes it the basis of his own conduct of life. In this context, Kant refers to the theorem of the feeling of respect for the moral law. It is this feeling that is the driving

тексте Кант ссылается на учение о чувстве уважения к моральному закону. Именно это чувство является движущей силой нравственного поведения. Если учесть, что Кант неоднократно описывает эффект чувства уважения к моральному закону в связи с его превосходством над «бренной природой» в терминах возвышенного — например, он говорит о «торжественном величии» и «великолепии» (*Herrlichkeit*) морального закона (AA 05, S. 77; Кант, 1997, с. 483), — то чувство уважения, в свою очередь, является чувством морально возвышенным. То, что Кант на первый взгляд ошибочно называет энтузиазмом доброго намерения, является, таким образом, не иррациональным аффектом, а обусловленным разумом чувством морально возвышенного. Однако оно не тождественно чувству уважения к моральному закону и его нельзя путать с ним. Энтузиазм доброго намерения — это его пропедевтический предшественник. Именно морально возвышенное чувство уважения ориентировано на наглядные составляющие нравственности и осуществляется через них, хотя его моральное качество определяется не ими, а функцией чистого практического разума. В этом смысле, по отношению к чувственно-наглядным содержаниям и к чувству удовольствия, возникающему в результате представления, что всякое сопротивление преодолимо, и связанного с этим усиления чувства жизни, чувство уважения, о котором здесь идет речь, является «эстетически возвышенным». И в этом смысле также можно говорить о напряжении сил благодаря идеям морально доброго, которые вызывают мощную и устойчивую мотивацию к его реализации. Таким образом, концептуальная проблема, отмеченная в начале статьи, может быть решена при описании энтузиазма как эстетически возвышенного, который, однако, теряет свой аффективный характер, препятствующий морали.

Собственно чувство уважения к моральному закону свободно от наглядного содержания.

force behind moral behaviour. If one considers that Kant repeatedly describes the effect of the feeling of respect for the moral law with regard to its superiority over “frail nature” in terms of the sublime — for example, he speaks of the “solemn majesty” and the “glory” (*Herrlichkeit*) of the moral law (*KpV*, AA 05, p. 77; Kant, 1999b, pp. 202-203) — then the feeling of respect is in turn a feeling of the morally sublime. What Kant at first glance misleadingly describes as the *enthusiasm* of good resolution is therefore not an irrational affect, but a reason-determined feeling of the morally sublime. However, it is not identical with the feeling of respect for the moral law and must not be confused with it. The enthusiasm of good resolution is its propaedeutic precursor. It is a morally sublime feeling of respect that is orientated towards demonstrative contents of morality and is effected by them, even though its moral quality is not determined by them, but by the function of pure practical reason. In *this* sense, in relation to sensible and demonstrative contents and to the feeling of pleasure that results from the vision of overcoming all resistance and the associated increase in the feeling of life, the feeling of respect addressed here is “aesthetically sublime”. And in this sense it is also possible to speak of a tensing of the forces through ideas of the moral good, which bring about a strong and lasting motivation to realise the good. In this way, the conceptual problem noted at the beginning can be resolved in the description of the enthusiasm as aesthetically sublime, which, however, loses its affect character that is hindering for morality.

The actual feeling of respect for the moral law is free of demonstrative content. It is, as Kant explains elsewhere, the only feeling that is “produced solely by reason” (*KpV*, AA 05, p. 76; Kant, 1999b, p. 201) and “cognise[d] completely *a priori*” (*KpV*, AA 05, p. 73; Kant,

Это, как поясняет Кант в другом месте, единственное чувство, которое «возбуждается исключительно разумом» (AA 05, S. 76; Кант, 1997, с. 479) и познается «совершенно *a priori*» (AA 05, S. 73; Кант, 1997, с. 471). Поэтому цель примера — не только быть наглядной моделью нравственных поступков и добродетельного образа жизни, но и вести адресата от чувственных представлений к открытию внутренней нравственной свободы (AA 05, S. 161; Кант, 1997, с. 729), которая, как пишет Кант, обсуждая аналогичный пример, «осталась бы для него неизвестной» (AA 05, S. 30; Кант, 1997, с. 349) без демонстрации экзистенциальной значимости безусловного признания морального закона. Эта моральная свобода является основанием «уважения к нам самим» как к свободным существам (AA 05, S. 161; Кант, 1997, с. 727). Самоуважение в осознании свободы является движущей силой для следования моральному закону. Это и есть цель примера¹⁰.

Если мы посмотрим в заключение на различные значения понятия энтузиазма у Канта,

¹⁰ Следует отметить, что Кант допускает примеры для морального воспитания и поощрения энтузиазма доброго намерения, руководствуясь морально-практическими соображениями, только если они касаются образцового выполнения человеком своего долга. Чувственные рассказы о чрезмерно благородных чувствах, о «нежных и мягких чувствах или высокопарных и раздутых претензиях, скорее расслабляющих, чем укрепляющих сердце» (AA 05, S. 157; Кант, 1997, с. 713–715), должны быть исключены. Только в этом последнем, негативном смысле Кант использует термин «энтузиазм» в главе о *методе*. Позитивное понятие энтузиазма, которое здесь не упоминается, но имеет тематическое значение, — это энтузиазм доброго намерения. В связи с этим см. комментарий Кьюиса к неверному пониманию в рецензии Мелиссы Макбэй Мерритт (McBay Merritt, 2010) его утверждений о роли энтузиазма в моральном воспитании. Макбэй Мерритт ошибочно приписывает Кьюису тезис о том, что «энтузиазм может играть легитимную и благотворную роль в нашем моральном развитии» (McBay Merritt, 2010, p. 529; Clewis, 2018, p. 194, n. 23). Кантовская концепция энтузиазма доброго намерения может рассматриваться как развязка этого недоразумения: как было показано выше, именно моральное чувство служит нравственному воспитанию.

1999b, p. 199). The purpose of the example is therefore not only to be a demonstrative model for moral actions and a virtuous way of life, but also to lead the addressee from sensible views to the discovery of inner moral freedom (*KpV*, AA 05, p. 161; Kant, 1999b, p. 269), which, as Kant writes when discussing a similar example, “would have remained unknown to him” (*KpV*, AA 05, p. 30; Kant, 1999b, p. 164) without the demonstration of the existential significance of the unconditional recognition of the moral law. This moral freedom is the ground of “respect for ourselves” as free beings (*KpV*, AA 05, p. 161; Kant, 1999b, p. 269). Self-respect in the awareness of freedom is the driving force for following the moral law. This is the aim of the example.¹⁰

Finally, if we look at the various meanings of Kant’s concept of enthusiasm, we cannot overlook a revaluation of enthusiasm. Initially ostracised and excluded from the field of ethics as a marginal psychological phenomenon, it is elevated to a key concept in the philosophy of history, and, under the title of enthusiasm of good resolution, is ennobled into a preliminary form of respect for the moral law. The historical

¹⁰ It should be noted that Kant only allows examples for moral education and the promotion of enthusiasm for good resolution guided by a moral-practical reason if they are about exemplary compliance with a person’s duty. Sensitive tales of exuberantly noble sentiments, of “melting, tender feelings or high-flown, puffed-up pretensions, which make the heart languid instead of strengthening it” (*KpV*, AA 05, p. 157; Kant, 1999b, p. 265) are to be excluded. It is only in this latter, negative sense that Kant uses the term enthusiasm in the chapter on method. The positive concept of enthusiasm, which is not mentioned here but which is thematically relevant, is that of enthusiasm of good resolution. To this point see Clewis’s commentary on a misunderstanding in a review of Melissa McBay Merritt (2010) of his statements about the role of enthusiasm in moral education. McBay Merritt (2010, p. 529) wrongly attributes to Clewis the thesis that “enthusiasm can play a legitimate and benevolent role in our moral development” (cf. Clewis, 2018, p. 194n23). Kant’s concept of the enthusiasm of good resolution can be seen as the denouement of that misunderstanding: As shown above, it is that moral feeling that serves moral education.

то не сможем не заметить изменения оценок. Изначально отвергнутый и исключенный из области этики как маргинальный психологический феномен, он возвышается до ключевого понятия в философии истории и под названием «энтузиазм доброго намерения» облагораживается в преформу уважения к моральному закону. Я не буду здесь обсуждать историческое влияние энтузиазма в философии, эстетике и литературе конца XVIII и XIX в. (у Фридриха Шлегеля, Э.Т.А. Гофмана, Фридриха Ницше) (см.: Schrader, 2010, S. 238–239), но в завершение позволю себе замечание о судьбе энтузиазма в философии XX в.

Лиотар об энтузиазме как знаке истории

В 1986 г. французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) опубликовал интерпретацию кантовской теории энтузиазма и приписываемого ему Кантом значения исторического знака (Lyotard, 1986). Интерес Лиотара к Канту¹¹ был вызван намерением исследовать потенциалы кантовской политической философии в условиях постмодернизма, когда надежда найти универсальную освободительную политическую теорию в марксизме провалилась (Лиотар, 1998). Таким образом, Лиотар стремился достичь понимания возможной актуальности не только политической философии Канта, но и роли философа в настоящем. Внимание Лиотара к кантовской теории энтузиазма и в целом положительный ответ Канта на вопрос о постоянном прогрессе в истории человечества (AA 07, S. 79–94; Кант, 2024г, с. 324–340), однако, оборачивается окончательным прощанием с энтузиазмом и признанием его непригодности в качестве памятного и прогностического знака истории (*un signe d'histoire*). Причины этого будут объяснены ниже.

¹¹ См.: (Burger, 1996; Kammasch, 2004); более новый и детальный анализ см.: (Scheerlinck, 2017).

impact of enthusiasm in philosophy, aesthetics and literature of the late eighteenth and nineteenth centuries (Friedrich Schlegel, E.T.A. Hoffmann, Friedrich Nietzsche) can no longer be discussed here (see Schrader, 2010, pp. 238–239). I will conclude with a note on the fate of enthusiasm in twentieth-century philosophy.

Lyotard on Enthusiasm as a Sign of History

In 1986, the French philosopher Jean-François Lyotard (1924–1998) published an interpretation of Kant's theory of enthusiasm and the meaning of a historical sign ascribed to it by Kant (Lyotard, 1986; English translation: Lyotard, 2009). Lyotard's interest in Kant¹¹ was guided by the intention, after the failure of the hope of finding a universal emancipatory political theory in Marxism, to enquire into the potentials of Kant's political philosophy under the conditions of postmodernity (Lyotard, 1979). In this way, Lyotard not only sought to reach an understanding about the possible actuality of Kant's political philosophy, but also about the role of the philosopher in the present. Lyotard's interest for Kant's theory of enthusiasm and Kant's generally positive answer to the question of constant progress in the history of humankind (*SF*, AA 07, pp. 79–94; Kant, 2006a), however, turns into a definitive farewell to enthusiasm and its suitability as a memorative and prognostic sign of history (*un signe d'histoire*). The reasons for this will be explained below.

Three Observations on Enthusiasm

Lyotard's treatise can be divided into two parts of different lengths. While the first extensive part, comprising four chapters,

¹¹ See Burger (1996) and Kammasch (2004); most recently and in detail Scheerlinck (2017).

Три наблюдения по поводу энтузиазма

Трактат Лиотара может быть разделен на две части разной длины. Если первая обширная часть, состоящая из четырех глав, предлагает реконструкцию теории Канта о возвышенном и энтузиазме, который, по мнению Лиотара, является чувством возвышенного, то вторая, собственно критическая часть сжата всего до нескольких страниц. Она является решающей для данного контекста, поэтому соображения первой части будут приниматься во внимание только в той мере, в какой они важны для понимания второй.

Лиотар описывает три «наблюдения». В первом он вместе с Кантом исходит из того, что интерес представляет не событие Французской революции как таковое, а реакция зрителей, их умонастроение (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330), что выражается, как было показано выше, в «граничащем с энтузиазмом *сочувствии...* чаяниям» (Там же). Верен также тезис Лиотара о том, что понятый таким образом энтузиазм — это возвышенное, или, точнее, эстетически возвышенное чувство, что подтверждается замечаниями Канта в «Критике способности суждения» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323; см.: Lyotard, 1991, p. 188–191). Однако Лиотар не видит отмеченного выше несоответствия между описанием Кантом мощного и продолжительного воздействия энтузиазма, с одной стороны, и его эпизодически-преходящим характером — с другой. По этой причине негативный аспект, содержащийся в чувстве возвышенного и заключающийся в страхе публики перед репрессиями со стороны государственных властей, феноменологически гораздо менее важен, чем позитивный аспект, который состоит в восторженном ожидании реализации политической свободы в республиканской конституции и мира между государствами. И поэтому «бездна», которая разверзается ввиду несоизмеримости идеи и ее реализации и которая пре-

offers a reconstruction of Kant's theory of the sublime and of enthusiasm, which according to Lyotard is a feeling of the sublime, the second, in fact critical part is compressed into only a few pages. It is the decisive part for the present context; therefore the considerations of the first part will only be taken into account to the extent that they are important for understanding the second part.

There are three "observations" that Lyotard describes. In the first observation, Lyotard assumes with Kant that it is not the event of the French Revolution as such that is of interest, but the reaction of the spectators and their "mind-set" (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155). As shown above, it expresses itself in that "*sympathy in wish that borders on enthusiasm*" (*ibid.*). Lyotard's thesis that enthusiasm thus conceived is a sublime, or more precisely, an aesthetically sublime feeling, as is to be specified in recourse to Kant's remarks in the *Critique of Judgement*, is also valid (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154; cf. Lyotard, 1994, pp. 153-156). However, Lyotard does not see the inconsistency noted above between Kant's description of the powerful and lasting effect of enthusiasm on the one hand, and its episodic-transitory character on the other. For this reason, the negative aspect contained in the feeling of the sublime, which consists in the spectators' fear of repression by the state authorities, is phenomenologically much less important than the positive aspect, which is the enthusiastic vision of the realisation of political freedom in a republican constitution and of peace between states. And therefore the "abyss" that opens up in view of the incommensurability of the idea and its realisation and that prevents the "passage" between these two sides is not as serious as Lyotard (2009, p. 32) seems to see it.

The second observation concerns an analogy between the sublime in nature, the

пятствует «прохождению» между этими двумя сторонами, не так серьезна, как кажется Лиотару (Lyotard, 1986, p. 64).

Второе наблюдение касается аналогии между возвышенным в природе, революцией как историческим событием и чувством энтузиазма. По мнению Лиотара, она заключается в том, что «самый дикий и лишенный всяких правил беспорядок и опустошение» (AA 05, S. 246; Кант, 2001, с. 257–259), упомянутые Кантом при описании динамически возвышенного в природе, характерны и для ситуации революции, и для энтузиазма. Так, революции «лишены формы и гештальта в исторической человеческой природе» (Lyotard, 1986, p. 65), а энтузиазм заключается в напряжении между хаосом, который возникает в результате революционных действий, с одной стороны, и идеями разума, содержанием которых является суверенитет народа и мир между государствами, — с другой.

Однако в описании энтузиазма у Канта нет упоминания о хаосе и беспорядке. Не революционное состояние без формы и правил, а скорее идея суверенитета народа, обусловленная идеей свободы, и перспектива установления республиканской конституции, с одной стороны, и опасность возможных репрессий — с другой, порождают в энтузиазме чувство возвышенного, которое «смешивается» с удовольствием и неудовольствием. И в то же время интерпретация Лиотаром рациональности энтузиазма в терминах теории суждения вполне релевантна: в основе энтузиазма лежит эстетическое суждение, не имеющее универсального правила применения. Точнее, это такое правило, содержанием которого являются упомянутые идеи, но реальность которого нельзя доказать теоретически, а можно только ожидать ее и надеяться, и для легитимности которого, следовательно, можно или нужно постулировать только здравый смысл. Умонастроение зрителей, выражающееся в публично демонстрируемом эн-

revolution as a historical event and the feeling of enthusiasm. In Lyotard's view, it consists in the fact that the "wildest and most unruly disorder and devastation" (KU, AA 05, p. 246; Kant, 2000, p. 130) mentioned by Kant when describing the dynamic sublime of nature are characteristic of both the situation of revolution and enthusiasm. Thus, revolutions are "formless and shapeless in the historical human nature" (Lyotard, 2009, p. 33; translation corrected — J.S.), while enthusiasm consists in the tension between the chaos that breaks out with the revolutionary actions on the one hand, and the ideas of reason, the content of which is the sovereignty of the people and an interstate peace, on the other.

However, there is no mention of chaos and disorder in Kant's description of enthusiasm. It is not the revolutionary state without form or rules, but rather the idea the sovereignty of the people determined by the idea of freedom and the prospect of the establishment of a republican constitution on the one hand, and the danger of possible repression on the other, that give rise to the feeling of the sublime in enthusiasm, which is 'mixed' with pleasure and displeasure. However, Lyotard's interpretation of the rationality of enthusiasm in terms of judgement theory is plausible: enthusiasm is based on an aesthetic judgement without a universal rule for its application. It is more precisely a rule whose content is the ideas mentioned, whose reality cannot be proven theoretically, but is only expected and hoped for, and for whose legitimacy therefore only common sense can or must be postulated. The spectators' mind-set, which is expressed in the publicly displayed enthusiasm, thus presupposes the appeal to a general consensus of a community, for which, however, and this is the point of the third observation, there is no proof in the sense of a direct representation or reality of a corresponding object, but only an indirect representation (*ibid.*, p. 36).

тузиазме, предполагает, таким образом, апелляцию к общему консенсусу сообщества, для которого, однако, — и в этом смысл третьего наблюдения — не существует доказательства в смысле непосредственного представления или реальности соответствующего объекта, а только косвенное представление (*Ibid.*, p. 70).

Более того, призыв направлен на консенсус сообщества, способного прийти к согласию в отношении идей практического разума. Поэтому сам возвышенный энтузиазм можно рассматривать как индикативный знак истинности суждения о том, что в этической культуре наблюдается прогресс к лучшему. А поскольку такой энтузиазм, в силу его первостепенной важности для интересов человечества, является феноменом, который, по формулировке Канта, «не может быть забыт», его можно понимать как памятный и прогностический знак истории (*Ibid.*, p. 75–77). Однако, согласно критическому резюме Лиотара, в условиях исторического опыта XX в. это уже невозможно.

Лиотар прощается с энтузиазмом

Лиотар приводит несколько примеров прощания с кантовским энтузиазмом: «Освенцим» — это абсолютное отрицание идеи прав человека, «разверзшаяся бездна», которая делает невозможным применение этой идеи и, можно добавить, идеи человеческого достоинства; «Будапешт 1956» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей международного права; «Колыма» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей диктатуры пролетариата и, уместнее было бы добавить, перед идеей человеческого достоинства; и, наконец, студенческий бунт «1968 года» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей народного суверенитета, независимого от власти (*Ibid.*, p. 108–109). Эти события второй половины XX в., которые французский философ называет здесь «постмодерном» (*Ibid.*, p. 108), порождают, согласно Лиотару, коллективное состояние души, или чувство, пред-

Moreover, the appeal is directed at the consensus of a community that is able to agree on ideas of practical reason. Therefore, the sublime enthusiasm itself can be regarded as an indicative sign of the truth of the judgement that there is progress for the better in ethical culture. And since such enthusiasm, due to its paramount importance for the interests of humanity, is a phenomenon that, in Kant's formulation, 'will not be forgotten', it can be understood as a memorative and prognostic sign of history (*ibid.*, pp. 39-40). However, according to Lyotard's critical résumé, this is no longer possible under the conditions of the historical experiences of the twentieth century.

Lyotard's Farewell to Enthusiasm

Lyotard provides several examples of a farewell to the Kantian enthusiasm: 'Auschwitz' is the absolute negation of the idea of human rights, "an abyss opened up" that makes the application of this idea and, it would be added, of the idea of human dignity impossible; 'Budapest 1956' is "an abyss opened up" before the idea of international law; 'Kolyma' is an "an abyss opened up" before the idea of the dictatorship of the proletariat and, it would be more appropriate to add, before the idea of human dignity; and finally the student revolt of '1968' is "an abyss opened up" before the idea of popular sovereignty, independent of domination (*ibid.*, p. 63). These events in the second half of the twentieth century, what Lyotard calls "postmodernity" here (*ibid.*), give rise, according to Lyotard, to a collective state of mind or a feeling that represents "a new kind of sublime", "which is in no way homologous with the enthusiasm of 1789" and which is "even more paradoxical than that of enthusiasm" (*ibid.*). The heightened paradox of this sublime feeling obviously consists in the fact that it now reacts to the historical experience of the absolute *impossibility* of

ставляющее собой «новый вид возвышенного»: «никоим образом не гомологичное энтузиазму 1789 года» и «еще более парадоксальное, чем энтузиазм» (Ibid.). Возросшая парадоксальность этого возвышенного чувства, очевидно, заключается в том, что оно теперь реагирует на исторический опыт абсолютной *невозможности* реализовать вышеупомянутые идеи и политической *дисфункции* всех практических суждений, которые собраны вместе и используются в историко-политических трудах Канта под единой идеей политического (см.: Ibid., p. 107). Им на смену пришли совещательные обсуждения целей и средств политического действия, разработка моделей в открытых дебатах, свободное голосование, принятие конституционных законов и их принудительная сила. Эти области суждения, ставшие нефункциональными, свидетельствуют о глубокой «трещине» в ранее «великом совещательном политическом ядре» (Ibid., p. 108). Новое чувство возвышенного реагирует на это обстоятельство, в котором Лиотар видит, — хотя недостаточно ясно это выражает, — бесформенность и беспорядок, выведенные им из аналогии с одним из аспектов возвышенного в природе и подлежащие преодолению. Помимо проблематичности этого аспекта, о которой говорилось выше, следует отметить, что Лиотар, вероятно, намеренно не дает более точного обозначения этому новому чувству возвышенного, которое никак не связано с энтузиазмом кантовского образца (Ibid., p. 113). Его можно было бы назвать несентиментальной разновидностью *Weltschmerz*.

Содержащееся в этом настроении намерение преодолеть указанные бездны носит созерцательный характер и описывает роль, очевидно, не политика, а философа: бездны должны быть исследованы скрупулезно и без предрассудков, а идеи, о которых идет речь, должны стать предметом общего образования и свободного изучения (Ibid., p. 109). Это должно произойти, помимо прочего — и это нужно подчеркнуть, — в ходе критического осмысле-

realising the aforementioned ideas and the political *dysfunction* of all the practical judgements that are gathered together and applied in Kant's historical-political writings under the unified idea of the political (see *ibid.*, p. 62). These are replaced by deliberative consultation on the ends and means of political action, the development of models in open debates, the free vote, the enactment of constitutional laws and their power to coerce. These areas of judgement that have become dysfunctional, signify a profound "fissure" in the formerly "great deliberative political core" (*ibid.*, p. 63). The new feeling of the sublime reacts to this. Lyotard probably sees in this, without making it sufficiently clear, the formlessness and disorder that he had derived from the analogy with an aspect of the sublime in nature and which must be overcome. Apart from the problematic nature of this aspect outlined above, it should be noted that Lyotard apparently deliberately does not specify this new feeling of the sublime, which is not related to the Kantian enthusiasm (*ibid.*, p. 66). One might call it an unsentimental kind of *Weltschmerz*.

The intention contained in this sentiment to overcome the abysses pointed out is contemplative and obviously does not describe the role of the politician, but of the philosopher: The abysses are to be explored precisely and without prejudice, and the ideas in question are also to be made the object of general education and free exploration (*ibid.*, p. 63). This is to happen among other things (and this is to be emphasised) in a critical reflection on the "claim" and "imposture" of capital (*ibid.*, p. 66). This should contribute to the formation of a new structure of socio-political reality. It should not be orientated towards a unified purpose, rejecting the Kantian idea "that nature pursues the end of human freedom through history" (*ibid.*, p. 67), but rather, in tolerance

ния «притязания» и «самозванства» капитала (Ibid., p. 113), что будет способствовать формированию новой структуры социально-политической реальности. Она должна, отвергая кантовскую идею, «что природа в истории преследует цель человеческой свободы» (Ibid., p. 114), не ориентироваться на единую цель, но, скорее, проявляя терпимость к существующим или возникающим спорам и их гетерономным языковым играм, способствовать «началу бесконечности гетерогенных целей» (Ibid., p. 109). С этим намерением, одновременно мотивированным памятью об историческом опыте и прогностически указывающим на будущее, которое предстоит сформировать, по-новому осознаваемое чувство должно стать «знаком истории» (Ibid.). Лиотар видит в этом «след свободы в действительности» (Ibid., p. 114).

Историцистская ошибка Лиотара

В связи с интерпретацией и критикой Лиотаром кантовской теории энтузиазма как памятного и прогностического знака истории важно отметить следующее. Прежде всего нужно подчеркнуть, что Кант не имеет в виду возможное повторение исторического энтузиазма в ходе мировой истории, что было бы уязвимо для критики. Скорее, речь идет о «событии», которое заставит народы вспомнить «о нем при какой-либо благоприятной возможности» и пробудиться «к повторению новых попыток такого рода» (AA 07, S. 88; Кант, 2024г, с. 334). Здесь Кант учитывает непредсказуемый ход мировой истории, которая может привести к эпохам реставрации или к разрушительным войнам с катастрофическими последствиями для культуры той или иной страны. Упомянутые выше примеры Лиотара — именно такие события. Поэтому с кантовской точки зрения они не могут быть использованы в качестве возражений против силы этого исторического знака и его политико-освободительного значения. Решающим является то, что этот феномен, по выражению

towards existing or emerging disputes and their heteronomous language games, it should contribute to “the beginning of the infinity of heterogeneous finalities” (*ibid.*, pp. 63-64). With this intention, which is both motivated by the memory of historical experiences and points prognostically to a future to be shaped, the newly conceived feeling is to become “a sign of history” (*ibid.*, p. 63). Lyotard sees this as “the trace of freedom within reality” (*ibid.*, p. 67).

Lyotard's Historicistic Fallacy

The following should be noted with regard to Lyotard's interpretation and critique of Kant's theory of enthusiasm as a memorative and prognostic sign of history. First of all, it should be pointed out that Kant is not concerned with a possible *repetition* of that historical enthusiasm in the course of world history that would be open to criticism. Rather, it is a matter of an “event” that “favorable conditions would [...] occasion peoples to remember it and make renewed attempts of this kind” (SF, AA 07, p. 88; Kant, 2006a, p. 158). Here, Kant takes into account the unpredictable course of world history, which can lead to restorative epochs or devastating wars and the catastrophic consequences for the culture of a country. Lyotard's above-mentioned examples are such events. From a Kantian perspective, therefore, they cannot be used as objections to the power of that historical sign and its political-emancipatory significance. What is decisive is that this phenomenon, as Kant puts it, “has uncovered a predisposition and power toward the better in human nature” (*ibid.*). It is this phenomenon that, once it has come into the world, “will not be forgotten”. And it cannot be forgotten, not even by the worst historical catastrophes. Lyotard overlooks this. Lyotard's plea for a farewell to the Kantian enthusiasm as a sign of history is therefore a historicistic fallacy. He concludes from contingent historical

Канта, «вскрыл в человеческой природе задаток и способность к лучшему» (Там же; перевод уточнен. — *Пер.*). Именно этот феномен, однажды возникнув в мире, «не может быть забыт». И он не будет забыт даже в случае самых страшных исторических катастроф. Лиотар упускает это из виду, поэтому его призыв распрощаться с кантовским энтузиазмом как знаком истории — историцистская ошибка. Из случайных исторических событий, приведших к извращению этих идей свободы и права и попыток осуществить государственную конституцию согласно законам свободы, он делает вывод об окончательной утрате убедительной силы и обоснованности априорных идей свободы и права и о теоретической невозможности в принципе реализовать их содержание «в соответствии с Идеей человека и философией субъекта» (Lyotard, 1986, p. 113). Случайные исторические события не являются убедительными аргументами против обоснованности таких *априорных* идей, как свобода и право, и человеческих усилий по их осуществлению в ходе истории¹².

Переход философии к дискурс-анализу, призыв уважать «несоизмеримость трансцендентальных требований, присущих семействам гетерогенных предложений» (Ibid., p. 114), сформулированный Лиотаром в конце трактата об энтузиазме в терминах теории языка, и рекомендация «найти другие языки для того, что не может быть выражено в существующих языках» (Ibid.), могут быть, возможно, поняты как скрытое косвенное пожелание дать идее человеческой свободы в конечном счете свой собственный язык. В «Распре» Лиотар, однако, отказался от значения чувства как знака истории и наделил его функцией «зова» (Lyotard, 1988, p. 107 (№ 163); см.: Scheerlinck, 2017, S. 452; Kammach, 2004, S. 398–402), который, подобно хайдеггеровскому «зову совести»

¹² В трактате «К вечному миру» Кант даже использует эмфатическую деистическую формулировку, описывая право людей как «самое святое, что есть у Бога на земле» и как «зеницу Божию» (AA 08, S. 352 Anm.; Кант, 2024д, с. 171, примеч.; перевод уточнен — *Пер.*; см.: Enskat, 2022, S. 82, 102–109).

events, which resulted in the perversion of those ideas of freedom and right and of the efforts to realise a state constitution according to the laws of freedom, to the definitive loss of the persuasive power and validity of the *a priori* ideas of freedom and right and to the theoretical impossibility in principle of realising their content “by the Idea of man and with a philosophy of the subject” (Lyotard, 2009, p. 66). Contingent historical events are not convincing arguments against the validity of such *a priori* ideas as freedom and right and the human efforts to realise them in the course of history.¹²

The conversion of philosophy to a discourse analysis, the respect for “the incommensurability of the transcendental exigencies proper to heterogeneous phrase families” (ibid., p. 67) demanded by Lyotard at the end of his treatise on enthusiasm in terms of language theory, and the recommendation “to find other languages for what cannot be expressed within existing languages” (ibid.) may perhaps be understood as a hidden and indirect suggestion to give the idea of human freedom its own language after all. In *The Differend*, Lyotard (1988, p. 107 (no. 163)), however, abandoned the significance of feeling as a sign of history and assigned it the function of a “call” (cf. Scheerlinck, 2017, p. 452; Kammach, 2004, pp. 398–402), which, comparable to Heidegger’s “call of conscience” (“*Ruf des Gewissens*”) (Heidegger, 1986, p. 272), does not make it clear what the call is for and what should be done. That is left to the individual. If a trace of freedom beyond existing languages is to be recognisable in it, then this freedom is dangerously empty.

¹² In his writing *Toward Perpetual Peace*, Kant even uses an emphatic deistic formulation to describe the right of human beings as “the holiest thing that God has on earth” and as “God’s most treasured possession” (Zef, AA 08, p. 352n; Kant, 2006b, p. 77n; cf. Enskat, 2022, p. 82; pp. 102–109).

(«Ruf des Gewissens») (Хайдеггер, 1997, с. 269), не дает понять, для чего этот зов и что следует делать. Это остается на усмотрение индивида. Если в этом зове можно распознать хоть какой-то след свободы вне существующих языков, то эта свобода опасно пуста.

Список литературы

Вергилий. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова ; под ред. Ф. А. Петровского // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. ; вступ. ст. М. Гаспарова ; коммент. Н. Старостиной, Е. Рабинович. М. : Худ. лит., 1979. С. 137–404.

Кант И. О педагогике, 1800 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 399–463.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5, ч. 1. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 19–474.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 17–428.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 162–396.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 33–85.

Кант И. Опыт о болезнях головы // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 86–99.

References

Burger, D., 1996. *Die Genese des "Widerstreits". Entwicklungen im Werk Jean-François Lyotards*. Wien: Turia und Kant.

Clewis, R. R., 2018. The Feeling of Enthusiasm. In: K. Sorensen and D. Williamson, eds. 2018. *Kant and the Faculty of Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 184-207.

Enskat, R., 2022. *Aufklärung – Religion – Wissenschaft. Zur Genese und Struktur unseres neuzeitlichen Spannungsfeldes*. Hamburg: Meiner.

Heidegger, M., 1986. *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer.

Heyd, M., 1995. *Be Sober and Reasonable. The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries*. New York: Brill.

Kammassch, T., 2004. *Politik der Ausnahme. Die "Politique philosophique" von Jean-François Lyotard und ihr Widerstreit mit Kant*. Mandelbach & Cambridge : Cicero.

Kant, I., 1999a. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1999. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1999b. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1999. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2006a. *The Contest of the Faculties, Part 2*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 150-163.

Kant, I., 2006b. *Toward Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 67-109.

Kant, I., 2007a. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Louden. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöller and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kant, I., 2007b. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. Translated by P. Guyer. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöller and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 18-62.

Кант И. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 250–361.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024д. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 159–211.

Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 1998.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997.

Burger D. Die Genese des „Widerstreits“. Entwicklungen im Werk Jean-François Lyotards. Wien : Turia und Kant, 1996.

Clewis R. R. The Feeling of Enthusiasm // Kant and the Faculty of Feeling / ed. by K. Sorensen, D. Williamson. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 184–207.

Enskat R. Aufklärung — Religion — Wissenschaft. Zur Genese und Struktur unseres neuzeitlichen Spannungsfeldes. Hamburg : Meiner, 2022.

Heyd M. Be Sober and Reasonable. The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries. N. Y. : Brill, 1995.

Kammasch T. Politik der Ausnahme. Die „Politique philosophique“ von Jean-François Lyotard und ihr Widerstreit mit Kant. Mandelbach ; Cambridge : Cicero, 2004.

Lyotard J. F. Le différend. P. : Les Éditions de minuit, 1984.

Lyotard J. F. L'enthousiasme. La critique kantienne de l'histoire. P. : Galilée, 1986.

Lyotard J. F. Leçons sur l'analytique du sublime : Kant, Critique de la faculté de juger. P. : Galilée, 1991.

McBay Merritt M. [Rev.] Robert R. Clewis: The Kantian Sublime and the Revelation of Freedom. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. xiii + 258 // British Journal for the History of Philosophy. 2010. Vol. 18, № 3. P. 529–532.

Muglioni J. -M. Enthusiasmus und moralischer Fortschritt im Streit der Fakultäten // Immanuel Kant: Schriften zur Geschichtsphilosophie / hrsg. von O. Höffe. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2024. S. 197–214.

Newmark C. Passion — Affekt — Gefühl. Philosophische Theorien der Emotionen zwischen Aristoteles und Kant. Hamburg : Meiner, 2008.

Kant, I., 2007c. *Essay on the Maladies of the Head*. Translated by H. Wilson. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 63-77.

Kant, I., 2007d. *Lectures on Pedagogy*. Translated by R. B. Loudon. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 434-485.

Kant, I., 2011. *Remarks in the Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 65-204.

Lyotard, J. F., 1979. *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Les Éditions de minuit.

Lyotard, J. F., 1986. *L'enthousiasme. La critique kantienne de l'histoire*. Paris: Galilée.

Lyotard, J. F., 1988. *The Differend. Phrases in Dispute*. Translated by G. Van Den Abbeele. Manchester: Manchester University Press.

Lyotard, J. F., 1994. *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Translated by E. Rottenberg. Stanford, CA: Stanford University Press.

Lyotard, J. F., 2009. *Enthusiasm. The Kantian Critique of History*. Stanford, CA: Stanford University Press.

McBay Merritt, M., 2010. (Book Review) Robert R. Clewis: *The Kantian Sublime and the Revelation of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. xiii + 258. *British Journal for the History of Philosophy*, 18(3), pp. 529-532.

Muglioni, J. -M., 2024. Enthusiasmus und moralischer Fortschritt im Streit der Fakultäten. In: O. Höffe, ed. 2024. *Immanuel Kant: Schriften zur Geschichtsphilosophie*. Berlin & Boston: de Gruyter, pp. 197-214.

Newmark, C., 2008. Passion — Affekt — Gefühl. Philosophische Theorien der Emotionen zwischen Aristoteles und Kant. Hamburg: Meiner.

Pleger, W., 1989. Kant und die Französische Revolution. In: H. H. Holz, G. Labica, D. Losurdo and H. J. Sandkühler, eds. 1989. *Annalen der Internationalen Gesellschaft für Dialektische Philosophie — Societas Hegeliana, Volume 6: Die französische Revolution: Philosophie und Wissenschaften*. Köln: Pahl-Rugenstein, pp. 245-249.

Rousseau, J. -J., 1995. *The Confessions*. In: C. Kelly, R. D. Masters and P. G. Stillman, eds. 1995. *The Collected Writings of Rousseau. Volume 5: The Confessions and Correspondence, Including the Letters to Malesherbes*. Translated by C. Kelly. Hanover & London: University Press of New England, pp. 1-550.

Pleger W. Kant und die Französische Revolution // Annalen der Internationalen Gesellschaft für Dialektische Philosophie – Societas Hegeliana. Köln : Pahl-Rugenstein, 1989. Bd. 6 : Die französische Revolution: Philosophie und Wissenschaften / hrsg. von H.H. Holz, G. Labica, D. Losurdo, H. J. Sandkühler. S. 245–249.

Scheerlinck R. Enthusiasmus und Ekel. Ein posthumer Dialog zwischen Kant und Lyotard // Kant-Studien. 2017. Bd. 108, H. 3. S. 427–453.

Schrader W. H. Enthusiasmus // Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in 7 Bdn. / hrsg. von K. Barck, M. Fontius, F. Wolfzettel, B. Steinwachs. Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2010. Bd. 2. S. 223–240.

Schramke J. Das Prinzip Enthusiasmus. Wandlungen des Begriffs im Zeitalter der Aufklärung und der Französischen Revolution. Göttingen : Universitätsverlag, 2018.

Seeböhm T. M. Kant und die Revolution // Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg. Jahr 1993. Berlin : Duncker & Humblot, 1994. Bd. 28. S. 141–148.

Sorensen K. D. 2002. Kant's Taxonomy of the Emotions // Kantian Review. 2002. Vol. 6. P. 109–128.

Stolzenberg J. Freude und Enthusiasmus. Schiller – Kant – Beethoven // Musiktheorie. Zeitschrift für Musikwissenschaft. 2023. Bd. 1. S. 41–54.

Об авторе

Юрген Штольценберг, доктор философии, профессор, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле (Зале), Германия.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

О переводчике

Нина Анатольевна Дмитриева, доктор философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru;

na.dmitrieva@mpgu.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Штольценберг Ю. Кант об энтузиазме // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 40-67.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-2>

© Штольценберг Ю., 2025.

Scheerlinck, R., 2017. Enthusiasmus und Ekel. Ein posthumer Dialog zwischen Kant und Lyotard. *Kant-Studien*, 108(3), pp. 427-453.

Schrader, W. H., 2010. Enthusiasmus. In: K. Barck, M. Fontius, F. Wolfzettel and B. Steinwachs, eds. 2010. *Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in sieben Bänden, Volume 2*. Stuttgart & Weimar: J. B. Metzler, pp. 223-240.

Schramke, J., 2018. *Das Prinzip Enthusiasmus. Wandlungen des Begriffs im Zeitalter der Aufklärung und der Französischen Revolution*. Göttingen: Universitätsverlag.

Seeböhm, T. M., 1994. Kant und die Revolution. *Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg. Year 1993, Volume 28*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 141-148.

Sorensen, K. D., 2002. Kant's Taxonomy of the Emotions. *Kantian Review*, 6, pp. 109-128.

Stolzenberg, J., 2023. Freude und Enthusiasmus. Schiller – Kant – Beethoven. *Musiktheorie. Zeitschrift für Musikwissenschaft*, 1, pp. 41-54.

The author

Prof. Dr Jürgen **Stolzenberg**, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

To cite this article:

Stolzenberg, J., 2025. Kant on Enthusiasm. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 40-67.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-2>

© Stolzenberg J., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

УДК 1(091)

**ПЕРИПЕТИИ ОПЫТА.
«ОПЫТНОЕ ПОЗНАНИЕ» У КАНТА
И «ЯВЛЕНИЯ» ГЕГЕЛЯ**

Х. Гутшмидт¹, А.Н. Крюков¹

Только во время появления немецкого идеализма философия ненадолго вернула себе то значение, которое она имела в Античности. На это указывает как раз «перипетия» понятия опыта. Когда Кант и Гегель пишут об опыте, они имеют в виду совершенно разные вещи. Кантовское понятие опыта законосообразно, инвариантно и жестко. Только поэтому оно может стать основой для критического осмысления достоверности знания. Однако гегелевский анализ предметного опыта различным образом «динамизирует» концепцию Канта: во-первых, он предлагает интерпретацию того, как восприятие и его содержание в конечном счете превращаются в «игру сил» через существование вещей. Во-вторых, Гегель разрабатывает самосоотносимость субъекта в самом процессе опыта. Наконец, он показывает, как опыт объектов отсылает за свои собственные пределы, к более сложным формам знания. В главе «Сила и рассудок» «Феноменологии духа» он проводит тонкий дифференцированный анализ того, что Кант называет «объективным познанием», и, с одной стороны, показывает, какой процесс необходим для того, чтобы иметь возможность постичь вещь через чувственность, а с другой — анализирует различные уровни опыта, которые уже вовлечены в простой процесс восприятия. Авторы рассматривают этот процесс как внутренний диалог между Кантом и Гегелем и демонстрируют, почему гегелевская концепция опыта может претендовать на больший вклад в понимание человека, чем кантовская.

Ключевые слова: немецкий идеализм, Кант, Гегель, опыт, феномен, явление, ноумен

¹ Самаркандский государственный университет, Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бул., д. 15.
Поступила в редакцию: 05.09.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-3

**PERIPETIEN DER ERFAHRUNG.
KANTS „ERFAHRUNG SERKENNTNIS“
UND HEGELS „ERSCHEINUNGEN“**

H. Gutschmidt,¹ A. Krioukov¹

It was not until German Idealism that philosophy briefly regained the importance it had in antiquity. This is indicated precisely by the “peripeteia” in the concept of experience. When Kant and Hegel write about experience, they mean quite different things on the other. Kant’s concept of experience is law-like, invariant and rigid. Only for this reason can it form the basis for a critical reflection on the validity of knowledge. However, Hegel’s analysis of object experience “dynamises” Kant’s concept in various ways: firstly, he provides an interpretation of the process of how perception and its contents ultimately become the “play of forces” via the life of things. Secondly, Hegel works out the self-referentiality of the subject in this process of experience. Finally, Hegel shows how the experience of objects refers beyond itself to more complex forms of knowledge. In the chapter “Power and Understanding” of his Phenomenology of Spirit he undertakes a subtle differentiation of what Kant calls “objective cognition” and shows, on the one hand, which process is already necessary in order to grasp a thing even sensually. On the other hand, he analyses the different levels of experience that are already involved in the simple process of perception. The authors analyse this process as a silent dialogue between Kant and Hegel and show why Hegel’s concept of experience can claim to contribute more to the understanding of man than Kant’s.

Keywords: German idealism, Kant, Hegel, experience, phenomenon, appearance, noumenon

¹ Samarkand State University.
15 University blv., Samarkand, 140104, Uzbekistan.
Received: 05.09.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-3

I

«Критика чистого разума» Канта открывается словами: «Без всякого сомнения, все наше познание начинается вместе с опытом...» (В 1; Кант, 2006, с. 51). Но не учит ли нас философская традиция, что само познание и есть опыт²? А если так, то нет ли в этом определении тавтологии, когда опыт определяется через опыт? Мнение Канта на этот счет однозначно: познание и опыт — события разного порядка³. Возможность познания зависит от выполнения определенных условий реализации опыта, которые не зависят от опыта. Кант ясно дает понять, что, хотя всякому познанию предшествует опыт, не всякое познание может быть выведено из опыта (В 2; Кант, 2006, с. 51). Этим положением он подчеркивает хорошо известное различие между априорным и эмпирическим (апостериорным) знанием. Первое — это знание, состоящее из необходимых и универсально обоснованных суждений, тогда как второе может претендовать лишь на относительную всеобщность. На различии этих элементов и их необходимой взаимосвязи и выстраивается понимание опытного познания (Erkenntniserfahrung) у Канта.

Отличие гегелевского понимания опыта особенно проявляется при анализе опыта предмета — прежде всего восприятия и интерпретации предмета — в известной главе «Сила и рассудок» в «Феноменологии духа» (1807)⁴. Гегель осуществляет там тонкую дифференциацию того, что Кант — уже в «Критике чистого разума» — называет «объективным познанием». С одной стороны, он указывает, какой процесс является необходимым, чтобы вещь можно

I.

Еiner der ersten Sätze von Kants *Kritik der reinen Vernunft* lautet bekanntlich: „Dass alle unsere Erkenntnis mit der Erfahrung anfangt, daran ist gar kein Zweifel...“ (KrV, B 1). Aber belehrt uns die philosophische Tradition nicht darüber, dass Erkennen selbst eine Erfahrung ist?² Und wenn ja, liegt dann nicht eine Tautologie in dieser Definition vor, in der Erfahrung durch Erfahrung definiert wird? Kants Antwort dazu ist eindeutig: Erkenntnis und Erfahrung sind Ereignisse unterschiedlicher Ordnung.³ Die Möglichkeit von Erkenntnissen hängt davon ab, dass bestimmte erfahrungsunabhängige Bedingungen für die Verwirklichung der Erfahrung erfüllt sind. Kant stellt klar, dass zwar jeder Erkenntnis Erfahrung vorausgeht, aber nicht jede Erkenntnis aus Erfahrung abgeleitet werden kann (KrV, B 2). Er hebt mit dieser Position auf seine bekannte Unterscheidung zwischen apriorischem und empirischem (aposteriorischem) Wissen ab. Ersteres ist eine Art von Wissen, das in notwendigen und universal gültigen Urteilen besteht, während letzteres nur eine komparative Allgemeinheit beanspruchen kann. Kants Verständnis der Erfahrungserkenntnis beruht auf der Unterscheidung dieser Elemente und ihrer notwendigen Wechselbeziehung.

Der Unterschied zu Hegels Erfahrungsverständnis geht besonders aus dessen Analyse der Gegenstandserfahrung — und zwar primär der Wahrnehmung und ihrer Interpretationen — in dem berühmten Kapitel „Kraft und Verstand“ seiner *Phänomenologie des Geistes* (1807) hervor.⁴ Hegel betreibt hier eine subtile Differenzierung dessen, was Kant — gerade in der *Kritik der reinen Vernunft* — „objektive Erkenntnis“ nennt. Er zeigt zum einen, welcher Prozess erforderlich ist,

² О связи познания и опыта см.: (Adler, 2016, S. 31).

³ О многозначности понятия опыта у Канта см.: (Ginsborg, 2006, p. 59).

⁴ См. о Канте и Гегеле: (Kroner, 1961; Longuenesse, 2007; Henrich, 2008; Hösle, 2013; Ойзерман, 2014; Hegel-Jahrbuch, 2017).

² Über die Beziehung zwischen Kognition und Erfahrung, siehe Adler (2016, S. 31).

³ Zur Mehrdeutigkeit des Kantischen Erfahrungsbegriffs siehe Ginsborg (2006, S. 59).

⁴ Vgl. zum Verhältnis von Kant und Hegel: Kroner (1961), Longuenesse (2007), Henrich (2008), Hösle (2013), Oizerman (2014), Arndt u.a., 2017.

было постигнуть чувственным образом. С другой — анализирует различные уровни опыта, которые задействованы в простом процессе восприятия. Хотя Гегель, как и Кант, понимает *чувственный опыт* как рефлексивный процесс, однако в гегелевском анализе он приобретает характер последовательности, как бы истории различных, друга на друга завязанных этапов понимания мира и себя. Речь не заходит об объекте, воспринятом чувствами, что является общим местом в теории познания. Познание объекта представляется как развитие сознания, причем внешнее и внутреннее в процессе диалектических перипетий меняются местами.

Совершенно иначе обстоит дело с чувственным опытом у Канта. «Опыт» у Канта — понятие нормативное. Он определяет «познание» действительности в наиболее широком смысле. Анализ опыта служит поэтому в первую очередь не пониманию человека и его сознания, но установлению природы и границ возможного для человека знания. Этим обусловлен интерес Канта к опытному знанию, то есть к знанию о закономерности действительного. Что такое знание на самом деле возможно, до Канта было зафиксировано достижениями Исаака Ньютона. Поэтому главный принцип его собственных исследований заключался в том, чтобы проанализировать факторы, определяющие такие воззрения, так, чтобы можно было разработать обязательные правила их применения. Своеобразие кантовского взгляда состоит в том, чтобы, основываясь на неоспоримых фактах, из элементов этих фактов получить представление об априорных условиях познания природы. Таков же подход Канта и в практической философии, где он исходит из всеобщего понимания безусловности морального требования для разработки априорного принципа, сформулированного в категорическом императиве, и выводит из него основные положения этики. Именно этот подход является

ум ein Ding auch nur *sinnlich* zu erfassen. Zum anderen analysiert er dabei die verschiedenen Ebenen der Erfahrung, die beim einfachen Wahrnehmungsvorgang beteiligt sind. Zwar versteht Hegel *Sinneserfahrung* wie Kant als einen Reflexionsprozess, doch in Hegels Darstellung nimmt dieser den Charakter einer Abfolge an, gleichsam einer Geschichte von unterschiedlichen, aufeinander bezogenen Stufen des Welt- und Selbstverständnisses. Es geht nicht nur um das von den Sinnen wahrgenommene äußere Objekt, wie es in der Erkenntnistheorie üblich ist und wie Kants Konzeption von Erfahrung funktioniert. Die Erkenntnis des Objekts stellt sich als eine Entwicklung des Bewusstseins dar, wobei das Äußere und das Innere im Prozess der dialektischen Peripetien der Erfahrung ihren Platz wechseln.

Ganz anders die Sinneserfahrung bei Kant. „Erfahrung“ ist bei Kant ein normativer Begriff. Er definiert „Erkenntnis“ der Wirklichkeit im weitesten Sinn. Die Analyse der Erfahrung dient daher nicht in erster Linie zum Verständnis des Menschen und seines Bewusstseins, sondern zur Festlegung der Natur und der Grenzen des dem Menschen möglichen Wissens. Deshalb gilt Kants Interesse dem Erfahrungswissen, d.h. dem Wissen über die Gesetzmäßigkeit des Wirklichen. Dass ein solches Wissen tatsächlich besteht, war für Kant durch die Errungenschaften Isaac Newtons gesichert. Die leitende Richtung seiner eigenen Untersuchungen ist es deshalb, die Faktoren, die solche Urteile bedingen, so zu analysieren, dass daraus verbindliche Regeln ihres Gebrauches entwickelt werden können. Kants grundsätzliches Vorgehen ist es, von unbestreitbaren Tatsachen auszugehen, um aus den Elementen solcher Tatsachen Einsichten über die apriorischen Bedingungen der Naturerkenntnis zu gewinnen. So geht Kant auch in der praktischen Philosophie vor, wo er von dem allgemeinen Verständnis der Unbedingtheit einer moralischen Forderung ausgeht, um dessen apriorisches Prinzip, das im Kategorischen Imperativ formuliert ist, und die daraus abzuleitenden Grundzüge der Ethik zu entwickeln. Es ist diese Vorgehensweise, die Kants Transzendentalphi-

определяющим для трансцендентальной философии Канта, контрастируя с чисто описательным анализом сознания из перспективы переживающего субъекта. Это не означает, что некоторые феноменалистические усмотрения не были присущи теории Канта. Однако их значимость и вес зависят от выбранного трансцендентального метода. Они не являются моментом *sui generis* в анализе субъекта у Канта⁵.

II

Главная причина указанного выше подхода коренится в преобладающем интересе Канта к гносеологическим вопросам. Субъект, анализируемый Кантом, — это познающий субъект. В этом смысле Кант вносит лишь ограниченный вклад в теорию субъективности, теорию сознания или, как говорят сегодня, ментального, да это и не является его главной целью (о концепции «я» Канта см.: В 157; Кант, 2006, с. 233 (§ 25), о паралогизмах чистого разума: В 400; Кант, 2006, с. 511–513)⁶. В то же время подход Канта характеризует особое оценочное представление. В его концепции познание физических объектов обладает наивысшей значимостью — как в сравнении с другими типами познания, так и в том смысле, что познание других объектов (социальных, политических, эстетических) зависит от этого (физического) рационального, «разумного» знания, в определенном смысле принимаемого за образец. Тем самым Кант разделяет воззрение, характеризующее и метод Декарта.

Напротив, для Гегеля познание природного мира — лишь одна из форм удовлетворения стремления человеческого субъекта к знанию. Но это не самая важная и не самая высокая форма знания. Высшей формой знания является так называемое «спекулятивное» знание,

философия definiert. Eine solche Verfahrensweise steht im Gegensatz zu einer bloß beschreibenden Analyse des Bewusstseins aus der Perspektive des erlebenden Subjekts. Das bedeutet nicht, dass in Kants Theorie nicht gewisse phänomenale Einsichten eingingen. Doch sind ihre Bedeutsamkeit und ihre Geltung abhängig von der gewählten transzendentalen Herangehensweise. Sie bilden keinen Gegenstand *sui generis* von Kants Analyse des Subjekts.⁵

II.

Für dieses Vorgehen ist vor allem Kants vorherrschendes Interesse an erkenntnistheoretischen Fragen verantwortlich. Das Subjekt, das Kant analysiert, ist das *erkennende* Subjekt. Insofern kann Kant nur einen eingeschränkten Beitrag zu einer Theorie der Subjektivität, des Bewusstseins oder, wie man heute sagt, des Mentalen leisten, und ein solcher ist auch nicht sein primäres Ziel (vgl. zu Kants Ich-Konzeption § 25, *KrV*, B 157, zu den Paralogismen der reinen Vernunft s. *KrV*, B 400).⁶ Zugleich ist mit Kants Vorgehensweise eine Wertung verbunden. Die Erkenntnis physikalischer Objekte hat in seiner Konzeption die höchste Geltungskraft, sowohl im Vergleich zu anderer Erkenntnis als auch in derjenigen Hinsicht, dass die Erkenntnis anderer Gegenstände (sozialer, politischer, ästhetischer) von jener (physikalischen) in einem gewissen Sinne, als einem Muster „vernünftigen“, rationalen Wissens abhängt. Kant teilt damit eine Überzeugung, die schon Descartes' Methodik kennzeichnet.

Demgegenüber ist für Hegel die Erkenntnis der natürlichen Welt nur *eine* Form, das Streben des menschlichen Subjektes nach Wissen zu befriedigen. Es ist aber weder die wichtigste noch die höchste Form des Wissens. Die höchste Form des Wissens ist das alle Wissensberei-

⁵ О различных способах понимания понятия опыта у Канта см.: (Van Cleve, 1999, p. 74–76).

⁶ См. по этому поводу: (Henrich, 1982, в особенности S. 176–183; Harrison, 1988).

⁵ Siehe zu den unterschiedlichen Verständnisformen von Kants Begriff der Erfahrung Van Cleve (1999, S. 74-76).

⁶ Vgl. dazu auch Henrich (1982, besonders S. 176-183), auch Harrison (1988).

охватывающее все области знания и представленное в виде системы. Поэтому важнейшее знание, по Гегелю, — это *теория* спекулятивного знания, гегелевская философия. Также сведение определенных областей знания к другим, например эпифеноменализм в теории ментального или этизация права и политики, чужды гегелевскому подходу. В методическом отношении ни одна конкретная область знания не обладает привилегией, а тематически каждая область и каждая претензия на значимость, сложившаяся исторически, имеет свое право. Лишь все вместе, а не по отдельности или специфическим образом, они формируют научное рассмотрение реального. Из этого, естественно, следует иной подход, чем у Канта. В то время как Кант выводит возможность восприятия объекта из его способностей познания природы, Гегель не ставит своей целью реконструировать конкретную и исчерпывающую *структуру* субъекта. В «Феноменологии духа» он демонстрирует читателю, как из первоначального, примитивного различия постепенно развивается связь с объектом и как субъект этого отношения формирует связанное с этим процессом самопонимание. Гегелевский субъект не подводит чувственные данные под категории, а переживает себя и объективный мир в сложном процессе, состоящем из интерпретации, рефлексии и реинтерпретации. Согласно Канту, опыт есть не что иное, как отношение между чувственностью и априорными категориями. Поэтому проблема возможности опыта у Канта может быть интерпретирована как проблема возможности трансцендентальной дедукции, то есть возможности подведения данного в чувственном восприятии под априорные категории (Baum, 2015, S. 153). У Гегеля это выглядит принципиально иначе: у него не (трансцендентальный) субъект конституирует эмпирический мир, но сам опытный процесс формирует понимание как реального, так и субъекта опыта.

che umfassende sog. „spekulative“ Wissen und dessen Darstellung in der Form eines Systems. Das wichtigste Wissen ist nach Hegel daher die *Theorie* des spekulativen Wissens, die Hegelsche Philosophie. Auch die Reduzierung bestimmter Wissensbereiche auf andere, etwa der Epiphänomenalismus in der Theorie des Mentalen oder die Ethisierung von Recht und Politik, sind Hegels Ansatz fremd. Methodisch ist kein spezieller Wissensbereich privilegiert, und thematisch hat jeder Bereich und jeder Geltungsanspruch, der sich geschichtlich bewährt hat, sein gewisses Recht. Nur alle zusammen machen die wissenschaftliche Betrachtung des Wirklichen aus, keiner allein oder in besonderer Weise. Daraus resultiert natürlich auch ein anderes Vorgehen der Philosophie als bei Kant. Während Kant die Verfassung des Erkenntnissubjekts aus dessen Leistungen in der Naturerkenntnis erschließt, interessiert es Hegel nicht, eine bestimmte und ultimative *Struktur* des Subjekts zu rekonstruieren. In der *Phänomenologie des Geistes* zeigt Hegel dem Leser, wie sich die Gegenstandsbeziehung aus einer ersten, primitiven Unterscheidung heraus prozesshaft entwickelt und wie das Subjekt dieser Beziehung zugleich ein dazu gehöriges Selbstverständnis ausbildet. Das Hegelsche Subjekt subsumiert nicht Sinnesdaten unter Kategorien, sondern es erfährt sich und die gegenständliche Welt in einem komplexen Prozess aus Interpretation, Reflexion und Re-Interpretation. Nach Kant ist die Erfahrung nichts anderes als das Verhältnis von Sinnlichkeit und apriorischen Kategorien. Daher kann das Problem der Möglichkeit der Erfahrung bei Kant als das Problem der Möglichkeit der transzendentalen Deduktion interpretiert werden, d.h. der Möglichkeit, das Gegebene in der sinnlichen Anschauung unter apriorische Kategorien zu bringen (Baum, 2015, S. 153). Dies ist bei Hegel grundlegend anders. Daher ist es für Hegel auch nicht das (transzendente) Subjekt, das eine erfahrbare Welt konstituiert, sondern es ist der Erfahrungsprozess, der selbst sowohl das Verständnis des Wirklichen

Именно поэтому «субъект» Гегеля не следует понимать в том смысле, что в нем вырабатываются критерии, позволяющие отличать истинные или имеющие истинную ценность высказывания от ложных или бессмысленных. Он не обладает функцией содержательного основания познания. По Гегелю, констатируемая субъектом «истинность» связи с реальностью уже сама по себе является опытным феноменом. Если Канта субъект интересует лишь опосредованно, непосредственно же — обоснование «объективного» знания, то Гегель сосредоточен прежде всего на опыте и самом ходе его развития, причем «объективность» такого опыта интересует его лишь как «момент» этого процесса.

Гегелевское понятие опыта отличается от того, которое мы обычно используем в повседневном понимании, в позитивных науках и в некоторых положениях теории познания. В целом мы понимаем «опыт» как источник приобретения знания, или по крайней мере он необходим для знакомства со своими объектами. Мы, конечно, можем попытаться прояснить его возможность, а также указать условия, при которых он особенно хорошо выполняет свою задачу служить источником знания. Но мы не можем отрицать значение опыта для доступа к реальности или заменить его другим доступом. Таково общепринятое представление об опыте. Гегель, однако, видит дело иначе.

Два момента являются центральными для понимания гегелевской концепции опыта, а именно знание и предметность. Он пишет:

Наука, идущая этим путем, есть наука *опыта*, совершаемого сознанием; субстанция рассматривается в том виде, в каком она и ее движение составляют предмет сознания. Сознание знает и имеет понятие только о том, что есть у него в опыте; ибо в опыте есть толь-

als auch das Verständnis des Subjekts der Erfahrung begründet.

Deshalb ist Hegels „Subjekt“ nicht so verfasst, dass sich aus ihm Kriterien entwickeln ließen, welche wahre oder zumindest wahrheitswertfähige Aussagen von falschen oder unsinnigen Aussagen zu unterscheiden erlaubten. Es hat nicht die Funktion eines inhaltlichen *Grundes* der Erkenntnis. Die vom Subjekt konstatierte „Wahrheit“ eines Wirklichkeitsbezuges ist für Hegel selbst wieder ein Erfahrungsphänomen. Während Kant am Subjekt nur mittelbar interessiert ist, unmittelbar aber an der Begründung „objektiver“ Erkenntnis, ist Hegel primär an den Erfahrungen und deren Entwicklungsgang selbst ausgerichtet, wobei ihn die „Objektivität“ solcher Erfahrungen nur als ein „Moment“ dieses Prozesses interessiert.

Hegels Erfahrungsbegriff unterscheidet sich dabei zum einen von demjenigen Begriff, den wir im Allgemeinen verwenden, d.h. im Alltagsverständnis, in den positiven Wissenschaften und in einigen Positionen der Erkenntnistheorie. Im Allgemeinen verstehen wir unter „Erfahrung“ die Quelle für den Erwerb von Wissen oder zumindest für die Bekanntheit mit ihren Gegenständen. Sie wird dafür als grundlegend angesehen. Wir können wohl versuchen, ihre Möglichkeit zu erklären, und wir können auch angeben, unter welchen Bedingungen sie ihre Aufgabe, Quelle des Wissens zu sein, besonders gut erfüllt. Doch können wir die Erfahrung als Zugang zur Wirklichkeit nicht leugnen oder durch einen anderen Zugang ersetzen. So lautet der allgemeine Erfahrungsbegriff. Hegel hingegen sieht die Sache anders.

Für Hegels Erfahrungsbegriff sind zwei Momente, und zwar des Wissens und der Gegenständlichkeit, zentral. Er schreibt:

Die Wissenschaft dieses Wegs ist Wissenschaft der *Erfahrung*, die das Bewusstsein macht; die Substanz wird betrachtet, wie sie und ihre Bewegung sein Gegenstand ist. Das Bewusstsein weiß und begreift nichts, als was in seiner

ко духовная субстанция, и именно как *предмет* ее самости. Но дух становится предметом, ибо он и есть это движение, состоящее в том, что он становится для *себя* чем-то иным, т.е. *предметом* своей самости, и что он снимает это инобытие (Гегель, 2000, с. 24).

Как известно, опыт у Гегеля понимается в широком смысле, как процесс постижения знания в формах духа. Источником знания являются *переживания* в широком смысле. Эти «феноменологические» переживания характеризуются фактическим различием между переживаемым (предметностью) и переживающим (знанием) (без учета декларативного различия). В противном случае переживания были бы *продуктами* переживающего и их характер переживания был бы кажимостью. Реальные переживания характеризуются тем, что переживающий находится в перцептивном, «принимающем» отношении с чем-то, от него отличным. Только в этом случае «нечто» может быть пережито вообще, а не только как само переживание, то есть как его простое действие. Хотя само переживание является мыслительным единством (переживание и его содержание можно отличать друг от друга только понятийно, а не как вещи), оно в то же время является результатом двойственной связи (отношения) — и всегда переживается именно таким образом. Это связано и со вторым элементом общепринятого понятия опыта, отвергаемым Гегелем. С переживаниями обычно ассоциируется аспект верификации. Нечто испытывается и переживается *как* нечто. И Существованием того, что переживается, и тем, что оно таково, каким оно переживается, определяется притязание на истину, связанное с этим опытом. Однако в конечном счете это притязание не может иметь объективного решения: сама проверка результатов

Erfahrung ist; denn was in dieser ist, ist nur die geistige Substanz, und zwar als *Gegenstand* ihres Selbsts. Der Geist wird aber Gegenstand, denn er ist diese Bewegung, *sich ein Anderes*, d. h. *Gegenstand seines Selbst* zu werden und dieses Anderssein aufzuheben (Hegel, 1989, S. 38).

Wir sehen also, dass Hegels Erfahrung in einem weiten Sinne als ein Prozess des Begreifens von Wissen in den Formen des Geistes verstanden wird. Die Quelle des Wissens besteht in *Erlebnissen* in einem erweiterten Sinne. Diese „phänomenologischen“ Erlebnisse sind durch eine sachliche Verschiedenheit des Erlebten (der Gegenständlichkeit) und des Erlebenden (des Wissens) geprägt (ohne dass dies auch notwendig eine referentielle Verschiedenheit einschliesse). Wäre es anders, dann wären Erlebnisse *Produkte* des Erlebenden und ihr Erlebnischarakter wäre Schein. Wirkliche Erlebnisse sind dadurch gekennzeichnet, dass das Erlebende mit etwas von ihm Verschiedenen in eine perzeptive, „hinnehmende“ Beziehung tritt. Erst dadurch kann überhaupt „etwas“ erlebt werden und nicht nur das Erleben, d.h. seine bloße Aktivität. Zwar ist das Erlebnis selbst eine mentale Einheit (das Erlebnis und sein Inhalt lassen sich nur begrifflich, nicht aber sachlich voneinander unterscheiden), doch ist es zugleich das Resultat einer Verbindung (eines Verhältnisses) von zweien — und es wird auch stets als ein solches erlebt. Damit hängt auch das zweite Element des allgemeinen Erfahrungsbegriffs zusammen, welches Hegel ablehnt. Mit Erlebnissen ist in der Regel ein veritativem Aspekt verbunden. Erlebt und erfahren wird etwas *als* etwas. Sowohl dass es das gibt, was erlebt wird, als auch, dass es so ist, wie es erlebt wird, bestimmt den mit solchen Erlebnissen verbundenen Anspruch auf Wahrheit. Objektiv ist dieser Anspruch in letzter Hinsicht aber nicht zu entscheiden: Auch die Überprüfung von Ergebnissen der Erfahrung wird wieder auf (standardisierten) Erlebnissen beruhen müssen. He-

опыта снова должна опираться на (стандартизированный) опыт. Гегель рассматривает эту проблему во «Введении» к «Феноменологии духа» как диалектику «знания» и «истины» (Там же, с. 52–53). Соответственно, между *притязанием* на истину («знанием») и его осуществлением («истиной») остается постоянный и непреодолимый разрыв. Гегель рассматривает проблему истины и ложности с точки зрения диалектики негативности. Ложь противостоит истине. И только благодаря существованию этой оппозиции возможно распознать истинное.

Если мы остаемся на уровне человеческого опыта, то это не бесплодное шатание в безуспешном стремлении обрести объективные переживания. Это такой процесс, в конце которого появляется опытное содержание, полностью соответствующее определенным внутренним или имманентным (то есть существующим независимо от опыта) критериям. Вышеупомянутыми выражениями «знание» и «истина» Гегель обозначает такие соответствия. Критерии могут быть только формальными — они не антиципируют никакого конкретного опыта и не заменяют его. Они лишь обеспечивают стандарты, по которым опыт может быть «проверен» (Там же, с. 50). Для Гегеля истина — это *специфический* процесс соответствия или совпадения. Она также продемонстрировала бы, что упомянутые «стандарты» не просто фиксируются (как критерии объективного опыта у Канта), но в истории человеческого опыта сами подвержены последовательному «процессу обогащения», который делает их более сложными и в то же время более конкретными.

У Гегеля опыт конструируется и понимается совершенно иначе. Истина может познаваться только в научной форме. Это означает, что знание может быть сформулировано только

гегель spricht dieses Problem in der „Einleitung“ zur *Phänomenologie des Geistes* als Dialektik von „Wissen“ und „Wahrheit“ an (Hegel, 1989, S. 78–80). Es bleibt demnach eine dauerhafte und nicht zu überbrückende Kluft zwischen dem *Anspruch* auf Wahrheit („Wissen“) und seiner Erfüllung („Wahrheit“). Hegel betrachtet das Problem von Wahrheit und Falschheit aus dem Blickwinkel der Dialektik und Negativität. Das Falsche steht im Gegensatz zur Wahrheit. Nur weil dieser Gegensatz existiert, ist es möglich, das Wahre zu erkennen.

Verbleiben wir auf der Ebene der menschlichen Erfahrung, ist das kein fruchtloses Herumtappen in dem unerfüllbaren Bestreben, Erlebnisse von objektiver Gültigkeit zu gewinnen. Sie ist wohl ein Prozess, aber ein solcher, an dessen Ende ein Erfahrungsinhalt steht, der bestimmten inneren bzw. intrinsischen (d.h. erfahrungsunabhängig bestehenden) Kriterien vollständig entspricht. Mit den o.g. Ausdrücken „Wissen“ und „Wahrheit“ bezieht sich Hegel auf derartige Entsprechungssachverhalte. Dabei können die Kriterien nur formal sein — sie antizipieren keine konkreten Erfahrungen und sie ersetzen sie auch nicht. Sie stellen nur Standards bereit, an welchen die Erfahrung jeweils „geprüft“ werden kann (Hegel, 1989, S. 75). Wahrheit ist für Hegel ein *spezifischer* Entsprechungs- oder Übereinstimmungsvorgang. Sie würde auch zeigen, dass die hier genannten „Standards“ nicht einfach fix vorliegen (wie bei Kant die Kriterien der Objektivität der Erfahrung), sondern selbst einem in der Geschichte der menschlichen Erfahrungen sukzessive verlaufenden „Anreicherungsprozess“ unterliegen, der sie komplexer und zugleich konkreter werden lässt.

Hegels Erfahrung wird auf eine ganz andere Weise konstruiert und verstanden. Wahrheit kann nur in einer wissenschaftlichen Form erkannt werden. Das bedeutet, dass Erkenntnis nur als wissenschaftliches System formuliert werden kann, und dass Philosophie nur in der

как научная система, а философия — осуществиться только в форме науки. Знание получается через устранение негативности между я и субъектом. Только тогда возможно полноценное знание, которое реализуется в истории самораскрытия духа в форме «гешталтов сознания». Наука в целом понимается как результат опыта сознания. Процесс постижения знания в формах духа называется опытом. Такая широкая трактовка опыта принципиально отличается от кантианской.

Для нас решающим, однако, является то, что гегелевский подход понимает человеческий опыт как внутреннюю проверку содержаний опыта. Таким образом, в отношении вышеупомянутого «верифицирующего» аспекта опыт — это *de facto* отношение к самому себе субъекта опыта, а не, как постоянно указывает переживание, отношение субъекта опыта к независимой от него опытной реальности. Существует по крайней мере один очень важный критерий опыта: его истинность может быть признана только в научной форме. Лейтмотивом развития духа является поиск истины, и на разных этапах его развития становится очевидным, что истина заключается в чем-то другом. Например, истина чувственного познания находится не в нем самом, а в восприятии. Для Гегеля чувственное познание — лишь самая первая ступень, и оно зависит от восприятия, которое, в свою очередь, зависит от разума. Как мы видели, для Канта это не так. Для него чувственность — это конститутивная часть опыта.

У Канта понятие опыта (опыта физической природы) имеет ограниченный характер по сравнению с гегелевским, и он оставил место здравому пониманию процесса опыта с учетом отношения между вещью в себе и явлением. Если мы можем говорить о некой «преемственности» между двумя философами, то опыт,

Form der Wissenschaft stattfinden kann. Wissen wird durch die Beseitigung der Negativität zwischen dem Ich und dem Subjekt erreicht. Erst dann ist eine vollständige Erkenntnis möglich, die sich in der Geschichte der Selbstentfaltung des Geistes in Form von „Gestalten des Bewusstseins“ realisiert. Wissenschaft im Allgemeinen wird als Resultat der Erfahrung des Bewusstseins verstanden. Der Prozess des Begreifens des Wissens in den Formationen des Geistes wird als Erfahrung bezeichnet. Diese weite Auslegung der Erfahrung unterscheidet sich grundlegend von der Kantischen.

Entscheidend für unsere Frage ist jedoch, dass der Hegelsche Ansatz die menschliche Erfahrung als eine intrinsische Prüfung von Erfahrungsinhalten versteht. Damit ist die Erfahrung hinsichtlich des o.g. „veritativen“ Aspektes *de facto* ein Selbstverhältnis des Erfahrungssubjektes und nicht, wie es das Erleben durchgängig suggeriert, das Verhältnis des Erfahrungssubjektes mit einer von ihm unabhängigen, erfahrenen Wirklichkeit. Es gibt mindestens ein sehr wichtiges Kriterium der Erfahrung: Ihre Wahrheit kann nur in einer wissenschaftlichen Form erkannt werden. Das Leitmotiv der Entwicklung des Geistes ist die Suche nach Wahrheit, und in verschiedenen Stadien seiner Entwicklung stellt sich heraus, dass die Wahrheit jeweils in etwas anderem liegt. So findet sich zum Beispiel die Wahrheit der sinnlichen Erkenntnis nicht in ihr selbst, sondern in der Wahrnehmung. Für Hegel ist die sinnliche Erkenntnis nur die allererste Stufe und hängt von der Wahrnehmung ab, die wiederum von der Vernunft abhängt. Wie wir sahen, ist das nicht der Fall für Kant. Für ihn ist die Sinnlichkeit ein konstitutiver Teil der Erfahrung.

Kant verfügt über einen Hegel gegenüber eingeschränkten Begriff der Erfahrung (Erfahrung der physikalischen Natur), und er ließ mit dem Verhältnis von *Ding an sich* und *Erscheinung* Raum für ein Common-Sense-Verständ-

понимаемый в трансцендентальном смысле Кантом, играет определенную роль и в философии Гегеля. У Канта опыт — это отношение между чувственностью и априорным познанием, у Гегеля же опыт понимается в очень широком смысле, как история форм, «перипетии» духа. Гегелевская «Феноменология духа» служит интерпретацией того, как кантовский подход может стать плодотворным для понимания *всякого* опыта (например, политического или религиозного) и одновременно как жесткое и поставленное в жесткие рамки кантовское учение о способностях может быть преодолено пониманием динамического процесса опыта и его предметов.

С этим связаны и дальнейшие серьезные различия. «Явление», центральное понятие Гегеля, обозначает у Канта лишь «неопределенный» предмет эмпирического созерцания (В 34; Кант, 2006, с. 89). Лишь позднее Кант говорит и о «феномене» — в тот момент, когда содержание опыта рассматривается подпадающим под категории. Только тогда происходят различия, характеризующие кантовскую теорию опыта, появляются трансцендентальный субъект, ноумен (вещь в себе), феномен. В то же время важную роль играет дуализм Канта. У Гегеля все иначе: значимо явление, или, если говорить в более широком смысле, переживание, которое, с одной стороны, получает дальнейшее развитие, а с другой — дифференцируется на те функции, которые у Канта отделены от содержания опыта как субъективные познавательные функции. Именно поэтому кантовское различие между явлением, видимостью и ноуменом для Гегеля невозможно; эти понятия, если можно так сказать, относятся у него к *одному* понятию.

То, что Кант, таким образом, должен прежде всего превратить в функциональное единство всех вышеупомянутых моментов, относящих-

нис дес Erfahrungsprozesses. Wenn man gleichzeitig von einer Art „Kontinuität“ zwischen den beiden Philosophen sprechen kann, dann spielt die Erfahrung, die bei Kant im transzendentalen Sinne verstanden wird, auch in der Philosophie Hegels eine gewisse Rolle. Während bei Kant die Erfahrung das Verhältnis von Sinnlichkeit und apriorischer Erkenntnis ist, wird bei Hegel die Erfahrung in einem sehr weiten Sinne verstanden, als eine Geschichte der Formen, der „Peripetien“ des Geistes. Hegels *Phänomenologie des Geistes* könnte als eine Interpretation davon dienen, wie der Kantische Ansatz für das Verständnis *aller* Erfahrung fruchtbar gemacht (z.B. auch für politische oder religiöse) und wie zugleich die starre und beschränkte Vermögenslehre Kants zugunsten eines dynamischen Prozesses der Erfahrung und ihrer Gegenstände überwunden werden kann.

Damit sind weitere gravierende Differenzen verbunden. Hegels zentraler Mittelbegriff — der der „Erscheinung“ — bezeichnet bei Kant nur den „unbestimmten“ Gegenstand einer empirischen Anschauung (KrV, B 34). Erst später spricht Kant auch vom „Phänomen“, d.h. dann, wenn der Inhalt der Erfahrung als unter Kategorien stehend betrachtet wird. Erst dann treten auch die Differenzierungen ein, die die Kantische Theorie der Gegenstandserfahrung auszeichnen: transzendentes Subjekt, Noumenon (Ding an sich), Phänomenon. Dabei kommt zugleich Kants Dualismus zur Geltung. Anders bei Hegel: Hier ist es die Erscheinung, oder, wenn wir es allgemeiner bezeichnen wollen, das Erleben, das sich zum einen weiterentwickelt und zum anderen ausdifferenziert in diejenigen Funktionen, die bei Kant als subjektive Erkenntnisfunktionen vom Erlebnisgehalt getrennt sind. Deshalb ist auch Kants Unterscheidung zwischen Phänomen, Erscheinung und Noumen bei Hegel unmöglich; diese Begriffe fallen bei Hegel, so könnte man vielleicht sagen, zu einem *einzigen* Begriff zusammen.

ся к одной трансцендентной вещи, связь которых он может только обозначить, но не объяснить из определенного принципа, Гегель понимает как разворачивающиеся результаты некоторого процесса, который сам происходит на чем-то внутренне едином — на явлении, но становится необходимым благодаря своему внутреннему, «сущностному» напряжению между конкретной субъективной претензией и истиной знания. Как покажет Гегель в своей теоретической философии, переживание также представляет собой лишь одну из экспликаций принципов всего действительно — быть «*негативной сущностью* оформленных самостоятельных моментов» (Гегель, 2000, с. 96). Поэтому для Гегеля переживание и рефлексия (последняя — как объединяющее действие, охватывающее множественность содержаний переживания) сами по себе являются лишь моментами такого процесса. То же самое относится *a fortiori* и к отношениям между субъектом и предметом опыта. Конкретный анализ, таким образом, подтверждает мысль Гегеля из «Введения» к «Феноменологии...» о том, что при анализе, ориентированном на истинность предикативных высказываний, всегда получается так, что понятие и предмет — «одно и то же» (Там же, с. 51). Для Гегеля это не значит, что истину характеризует аналитическое отношение между субъектом и предикатом высказывания (как в рационализме), но свидетельствует о том, что их связь может быть понята только из ей предшествующего и проявляющегося в философии (напряженного) единства всех диалектических этапов, а не из внешней (как у Канта функционально артикулированной) связи представлений.

Ключевой момент касается определения субъекта у Канта и Гегеля. У первого субъективность в некотором смысле жесткая и неизменная (см.: Barteczko, 2017, S. 282), тогда как у

Was Kant somit allererst in eine funktionale Einheit aller genannten Momente, die zu dem einem transzendenten Ding gehören, überführen muss — deren Zusammenhang er nur bezeichnen, nicht aber aus einem besonderen Prinzip erklären kann — versteht Hegel als Entfaltungsergebnisse eines Prozesses, der selbst an einem in sich Einigen — der Erscheinung — vorgeht, aber durch dessen innere, gleichsam „wesentliche“ Spannung zwischen dem je konkreten subjektiven Anspruch und der Wahrheit der Erkenntnis notwendig wird. Wie Hegel in seiner theoretischen Philosophie zeigen wird, ist auch Erleben nur eine der Exemplifikationen des Grundzuges alles Wirklichen, „negative Beziehung auf sich“ zu sein (Hegel, 1989, S. 143). Deshalb sind für Hegel Erleben und Reflexion (letztere als die Pluralität der Erlebnisgehalte begreifende, einigende Handlung) selbst bloße Momente eines solchen Prozesses. Das Gleiche gilt *a fortiori* für das Verhältnis von Erfahrungssubjekt und Erfahrungsgegenstand. Die konkrete Analyse bestätigt somit die Behauptung der „Einleitung“ von Hegels *Phänomenologie*, dass in einer an der Wahrheit prädikativer Aussagen orientierten Analyse immer resultieren wird, dass Begriff und Gegenstand „dasselbe“ sind (Hegel, 1989, S. 77). Für Hegel ist damit nicht etwa gemeint, dass Wahrheit eine analytische Beziehung zwischen Aussagesubjekt und -prädikat kennzeichnet (so wie im Rationalismus), sondern dass ihre Beziehung nur aus der ihnen vorausgehenden und durch die Philosophie zu erhellenden (spannungsreichen) Einheit aller dialektischen Etappen zu verstehen ist, nicht aber aus einer äußeren (bei Kant funktional artikulierten) Verbindung von Vorstellungen.

Ein wesentlicher Punkt betrifft Kants und Hegels Definition des Subjekts. Bei Kant ist die Subjektivität in einem gewissen Sinne starr und unveränderlich (vgl. Barteczko, 2017, S. 282), bei Hegel hingegen erscheint sie dynamisch und

второго она предстает динамичной и подверженной изменчивому, даже историческому процессу. Такое противопоставление, конечно, не совсем справедливо, поскольку, как мы уже могли убедиться, оба автора преследуют разные цели при анализе «опыта природы» человека. Однако если у Канта сам по себе объект опыта фиксирован в своих принципиальных чертах (в соответствии с инвариативным бытием трансцендентального субъекта), то у Гегеля объект опыта схватывается «диалектически» (см.: Gentile, 2018, S. 166). Например, в начале главы о восприятии Гегель, вполне в духе Канта, говорит, что богатство чувственного познания принадлежит восприятию (Там же, с. 61). Показателен в этом смысле пример Гегеля с солью, которая в своей определенности «здесь» одновременно обладает множеством свойств (белая, острая на вкус, кубическая и т.д.). И далее все выглядит примерно так же, как у Канта: я воспринимаю вещь как вещь, обладающую несколькими свойствами. Способность, позволяющая мне постичь множественность этих свойств, — рефлексия, в которой схватывается все многообразие вещи. Вещь — это медиум, «также» многих свойств. Именно здесь можно сформулировать принципиальное различие: Гегель понимает рефлексия не как деятельность «я», а как динамический принцип объединения множества свойств в вещь.

Но уже в следующей главе, «Сила и рассудок», различие в методе и в определении явления становится более очевидным. Речь идет о демонстрации преодоления различия между знанием и субъектом, поскольку сознание еще не пришло к самому себе. И тогда Гегель говорит о явлении как о чем-то «внутреннем», игре сил, рефлексии в самое себя. Явление связано с сущностью восприятия и чувственно-предметного, которое дано лишь негативно и мимолетно. По сути, явление — это среднее по-

одному Veränderlichen, sogar geschichtlichen Prozess unterworfen. Doch ist diese Entgegensetzung sicher nicht ganz gerecht, denn beide Autoren verfolgen, wie wir bereits sehen konnten, unterschiedliche Zielsetzungen, wenn sie die „Naturerfahrung“ des Menschen analysieren. Während aber für Kant der Erfahrungsgegenstand in seinen generischen Zügen selbst feststeht (gemäß der invarianten Verfasstheit des transzendenten Subjekts), ist der Erfahrungsgegenstand für Hegel „dialektisch“ verfasst (vgl. Gentile, 2018, S. 166). Zum Beispiel postuliert Hegel im Kapitel über die Wahrnehmung zunächst in großer Nähe zu Kant, dass „der Reichtum der sinnlichen Erkenntnis zur Wahrnehmung gehört“ (Hegel, 1989, S. 61). Hegels Beispiel des Salzes, das in seiner Gewissheit „hier“ zugleich eine Vielzahl von Eigenschaften besitzt (weiß, scharf im Geschmack, kubisch usw.), ist in diesem Sinne bezeichnend. Und weiter sieht alles in etwa so aus wie bei Kant: Ich nehme ein Ding als ein Ding wahr, das mehrere Eigenschaften hat. Die Fähigkeit, die mir erlaubt, die Vielzahl dieser Eigenschaften zu begreifen, ist die Reflexion, in der die ganze Vielfalt des Dings festgehalten wird. Das Ding ist ein Medium, „auch“ von vielen Eigenschaften. An dieser Stelle lässt sich ein grundlegender Unterschied formulieren: Hegel versteht die Reflexion nicht als eine Tätigkeit des Ichs, sondern als ein dynamisches Prinzip der Vereinigung der vielen Eigenschaften zum Ding.

Aber schon im nächsten Kapitel, „Kraft und Vernunft“, wird die Unterscheidung in der Methode und in der Definition der Erscheinung deutlicher. Es geht darum, die Überwindung der Unterscheidung von Wissen und Subjekt zu demonstrieren, da das Bewusstsein noch nicht zu sich gekommen ist. Und dann spricht Hegel von der Erscheinung als etwas, das das „Innere“ ist, das Spiel der Kräfte, die Reflexion in sich selbst. Die Erscheinung ist verwandt mit dem Wesen der Wahrnehmung und dem sinnlich-gegen-

нятие умозаключения между внутренним вещи и разумом. Гегель пишет: «Таким образом, *наш предмет* отныне — умозаключение (der Schluss), у которого крайние термины — “внутреннее” вещей и рассудок, а средний термин — явление; но движение этого умозаключения дает дальнейшее определение того, что рассудок усматривает сквозь средний термин во “внутреннем”, и опыт, который рассудок совершает об этом отношении сомкнутости (Zusammengeschlossenheit)»⁷ (Там же, с. 79).

В полную противоположность кантовской дихотомии явления и вещи в себе в определенном смысле разрешается проблема соотношения закона и силы. Пример: сила — это простое в предмете (гравитация), закон — это описание падающих предметов. Но именно потому, что понятие силы находится в центре явления, становится возможным противопоставить силы и выстроить мир наизнанку, мир изнутри наружу. С другой стороны, законы — это продукт разума, их нельзя найти в самих вещах. Это означает, что на данном этапе происходит окончательное абстрагирование от чувственной данности, и истинность объекта, превращенного в феномен, полностью зависит от разума.

В самом *опыте* можно обнаружить вышеупомянутое напряжение между эпистемическим развитием его объекта и его пока еще неразви-

⁷ Под словом «наш» здесь подразумевается перспектива философского анализа, а не перспектива переживающего субъекта (см.: Гегель, 2000, с. 52). «Умозаключение» здесь следует понимать не буквально (как следствие), а, как иногда поясняет Гегель, в смысле соединения (прочной связи), то есть как инстанцию соединения противоположного или исключенного. Наконец, «внутреннее» вещей — это только то, что придает им автономию и онтологическую независимость по отношению их простому быть-схваченным; в этом отношении они не являются *просто* феноменами. «Предмет» опыта с точки зрения его философского анализа представляет собой комплекс явления, сущности и понимающего разума (субъекта).

ständlichen, das nur negativ und als flüchtig gegeben ist. In der Tat ist die Erscheinung der mittlere Begriff der Inferenz zwischen dem inneren Ding und der Vernunft. Hegel schreibt dazu: „*Unser Gegenstand* ist [...] der Schluß, welcher zu seinen Extremen das Innere der Dinge und den Verstand und zu seiner Mitte die Erscheinung hat; die Bewegung dieses Schlusses aber gibt die weitere Bestimmung dessen, was der Verstand durch die Mitte hindurch im Innern erblickt, und die Erfahrung, welche er über dieses Verhältnis des Zusammengeschlossenseins macht“ (Hegel, 1989, S. 117).⁷

In vollem Gegensatz zur Kantischen Dichotomie von Erscheinung und Ding an sich ist in gewissem Sinne das Problem der Beziehung zwischen Gesetz und Kraft gelöst. Ein Beispiel: Kraft ist das Einfache im Subjekt (Schwerkraft), Gesetz ist die Beschreibung von fallenden Objekten. Aber gerade weil der Begriff der Kraft im Zentrum der Erscheinung steht, ist es möglich, Kräfte entgegensetzen und eine umgekehrte Welt zu bilden, eine Welt von innen nach außen. Gesetze wiederum sind das Produkt der Vernunft, sie sind nicht in den Dingen selbst zu finden. Das bedeutet, dass in diesem Stadium eine endgültige Abstraktion von der sinnlichen Authentizität stattfindet und die Wahrheit des zum Phänomen gewordenen Objekts ganz von der Vernunft abhängt.

In der *Erfahrung* selbst findet sich danach die bereits genannte Spannung zwischen der epistemischen Erschließung ihres Gegenstandes und

⁷ Mit „unser“ ist hier die Perspektive der philosophischen Analyse, nicht die des jeweils erfahrenden Subjektes gemeint (vgl. dazu Hegel, 1989, S. 80.). „Schluß“ ist hier nicht wörtlich zu verstehen (als Inferenz), sondern, wie Hegel gelegentlich erläutert, im Sinne des Zusammenschließens (festen Verbindens), d.h. als Instanz einer Verknüpfung einander Entgegengesetzter oder Ausschließender. Das „Innere“ der Dinge schließlich ist erst das, was Selbständigkeit und ontologische Unabhängigkeit gegenüber ihrem bloßen Erfahren-Sein verleiht; sie sind insofern nicht nur Phänomene. Der „Gegenstand“ der Erfahrung aus der Perspektive ihrer philosophischen Analyse ist der ganze Komplex von Erscheinung, Wesen und begreifendem Verstand (Subjekt).

тым «переизбытком смысла»⁸. Как мы только что видели, это напряжение проявляется в дихотомических и в конечном счете сложно согласующихся дефинициях, посредством которых переживается или понимается объект: единичность и всеобщность, внешнее и внутреннее («сущность»), множественность и тотальность. Это напряжение не только приводит к перманентно неустойчивой характеристике объекта, но и косвенно ведет к эксплицитному отличению сознания от самого себя (как переживающего) и того, что оно осознает (как переживаемого).

Всеобщность, сущность, тотальность — это не сами содержания опыта, а понятия для схватывания этих содержаний. Таким образом, они отсылают к их порождающему *субъекту* всякого опыта. Из «внутренней» диалектики опыта порождается диалектика сознания (субъект) и его предмета (объект). В конечном счете, согласно Гегелю, стремление к постижению опыта перерастает во всеохватывающее отношение между духом и действительностью, которое Гегель затем пытается артикулировать в своей научной системе. Однако в начале этого процесса лежит не что иное, как конкретный опыт самой реальности (вначале — в самой примитивной ее форме, то есть как простое *чувственное* восприятие), или «явление»⁹.

Поскольку у Канта, напротив, структурные условия опыта фиксированы, то для опытов другого типа, выходящих за пределы физического объекта, он должен постулировать новые, в свою очередь также фиксированные способности разума, например функцию рефлектирующей способности суждения для опыта органической жизни, прекрасного и

dessen noch nicht erschlossenem „Bedeutungsüberschuß“ vor.⁸ Diese Spannung zeigt sich, wie wir gerade gesehen haben, an den dichotomischen und letztlich nicht zu harmonisierenden Einteilungen, mit denen der Gegenstand jeweils erfahren bzw. begriffen wird: Einzelheit und Allgemeinheit, Außen und Innen („Wesen“), Vielerlei und Totalität. Die Spannung führt nicht nur zu einer auf Dauer instabilen Charakterisierung des Gegenstandes, sondern sie führt mittelbar auch zur expliziten Unterscheidung des Bewusstseins von sich selbst (als Erfahrendem) und dem, dessen es sich bewusst ist (als Erfahrenem).

Allgemeinheit, Wesenheit, Totalität — sie sind nicht selbst Erfahrungsinhalte, sondern Begriffe zum Verständnis solcher Inhalte. Sie verweisen derart auf das sie hervorbringende *Subjekt* aller Erfahrung. Aus der „inneren“ Dialektik der Erfahrung wird die Dialektik zwischen dem Bewusstsein (Subjekt) und seinem Gegenstand (Objekt). Schließlich wird sich nach Hegel das Bemühen, Erfahrungen zu begreifen, zu einer umfassenden Beziehung von Geist und Wirklichkeit ausweiten, die Hegel dann in seinem wissenschaftlichen System zu artikulieren sucht. Doch am Beginn dieses Prozesses steht nichts anderes als die konkrete Wirklichkeitserfahrung selbst (am Anfang in ihrer primitivsten Form, d.h. als bloßes *sinnliches* Gewahren), oder die „Erscheinung“⁹.

Da hingegen bei Kant die Strukturbedingungen der Erfahrung fixiert sind, muss er für Erfahrungen von einem anderem Typus, die über die Grenzen des physikalischen Gegenstandes hinausgehen, neue, ihrerseits fixe Vernunftvermögen postulieren, wie die Funktion der reflektierenden Urteilskraft für die Erfahrung organi-

⁸ Ср. с уже упомянутой диалектикой «знания» и «истины», о которой Гегель говорит во «Введении» к «Феноменологии духа» (Гегель, 2000, с. 50).

⁹ Ср. (Taylor, 1975, p. 146–147). Далее, по поводу понятия опыта у Гегеля см.: (Pippin, 1989, p. 94; Houlgate, 2013).

⁸ Vgl. dazu die bereits angesprochene Dialektik von „Wissen“ und „Wahrheit“, von welcher die „Einleitung“ der Phänomenologie des Geistes spricht (Hegel, 1989, S. 74).

⁹ Vgl. Taylor (1975, S. 146–147). Vgl. ferner zu Hegels Erfahrungsbegriff Pippin (1989, S. 94), Houlgate (2013).

возвышенного в природе или эстетически воспринимаемых объектов. Чем шире теоретический горизонт, тем больше необходимо устанавливать трансцендентальных, априорных способностей, которые объединяются вместе только благодаря подразумеваемому единству реального и тому факту, что они основаны на способностях разума. Кажется, что они между собой никак не связаны. Это результат преимущественно *функционального* подхода Канта, который он выбрал не в последнюю очередь потому, что продолжил основанный Декартом проект, согласно которому философия служит обоснованием научного знания. Однако Кант так же мало в состоянии ответить на вопрос о единстве реального — если только можно считать таковым ответом учение Канта об идеях, — как и на вопрос о том, что является основанием внутреннего единства разума. Кому-то может показаться, что вопросы такого рода «ненаучны», поскольку на них нельзя дать определенный ответ (хотя и сам Кант считал не лишенным смысла поразмышлять над ними — к примеру, о возможном общем «корне» разума и чувственности). Но из этого не следует делать вывод, что они поэтому *неразумны*. Напротив, для Гегеля эти вопросы были подлинно философскими, а значит, и *разумными* вопросами, которые не должны быть отстранены подчиненными (и имеющими лишь временную значимость) научными парадигмами.

III

В Средние века философия, как известно, была «служанкой» теологии. Современным исследователям, напротив, часто кажется, что в Новое время философия эмансипировалась и заняла более свободное, более важное положение в области знания. Для Рене Декарта это было не так, поскольку он усматривал связь философии с наукой, в частности с математи-

schen Lebens, des Schönen und Erhabenen der Natur oder ästhetisch gestalteter Objekte. Je weiter der Horizont der Theorie reicht, desto mehr transzendente, apriorische Vermögen muss sie etablieren, welche selbst nur über die vorausgesetzte Einheit des Wirklichen und dadurch, dass sie sich auf Fähigkeiten der Vernunft gründen, zusammengehalten werden. Untereinander scheinen sie keine Beziehung zu haben. Das ist das Resultat der primär *funktionalen* Vorgehensweise Kants, die er nicht zuletzt deshalb wählte, weil er das von Descartes begründete Projekt, dass die Philosophie der Absicherung wissenschaftlicher Erkenntnis diene, fortführte. Doch auf die Frage nach der Einheit des Wirklichen kann Kant genauso wenig antworten — es sei denn, dass man die Kantische Ideenlehre als eine solche Antwort ansehen möchte —, wie auf die Frage, was die innere Einheit der Vernunft ausmacht. Dass Fragen von solcher Art „unwissenschaftlich“ seien, weil sie nicht definitiv beantwortet werden können, mögen manche Betrachter meinen (auch wenn Kant selbst es für sinnvoll hielt, über sie nachzudenken, etwa hinsichtlich einer möglichen gemeinschaftlichen „Wurzel“ von Verstand und Sinnlichkeit). Doch dass sie deshalb zugleich *unvernünftig* seien, darf daraus nicht gefolgert werden. Für Hegel waren diese Fragen vielmehr genuin philosophische, damit zugleich *vernünftige* Fragen, die nicht durch untergeordnete (und nur temporär gültige) Wissenschaftsparadigmen suspendiert werden dürfen.

III.

Im Mittelalter galt die Philosophie bekanntlich noch als „Magd“ der Theologie. Demgegenüber scheint es für moderne Betrachter oft so zu sein, dass sich die Philosophie in der Neuzeit emanzipiert hat und zu einer freieren, bedeutenderen Stellung im Reich der Erkenntnis gefunden hat. Für René Descartes trifft sie aufgrund seiner Bindung der Philosophie an die Wissen-

ческой физикой. И только в немецком идеализме философия ненадолго вернула себе тот статус, который она имела в Античности. На это указывают рассмотренные выше «перипетии» понятия опыта. С одной стороны, как мы продемонстрировали, понятие опыта как таковое претерпевает трансформацию при переходе от Канта к Гегелю. С другой — опыт для Гегеля, если отрешиться от абстрактных характеристик, выступает как выражение жизни, включающей в себя как многообразие и противоречие, так и единство и понятийную взаимосвязь. Таким образом, поворот от Канта к Гегелю имеет две стороны. Однако если Гегель еще понимал этот «поворот» как продуманную альтернативу Канту и его подходу, то для нас сегодня это уже не представляется возможным. Гегель стремился создать совершенно *новую* науку, а не улучшенную картезианскую или трансцендентальную версию. Новая наука должна была быть способной понять жизнь *как* жизнь, постичь единство и связность всего живого, но также и его многообразие и противоречивость в неизменном виде и благодаря методу, соответствующему динамике живых существ. «Феноменология духа», которая изначально задумывалась лишь как первая часть системы философской науки и одновременно как введение в эту систему, должна была посредством анализа «действительного» человеческого опыта сделать эту методикую понятной и тем самым одновременно дать ее обоснование. Эта тема вновь поднимается в таких работах, как «Наука логики» и «Энциклопедия философских наук». Если для Канта трансцендентальная философия была ориентирована на современную науку и, говоря об этике, на убеждения «здорового человеческого смысла», то гегелевская спекулятивная наука должна была стать *царицей* наук в том смысле, что она собрала бы в себе результаты специальных дисциплин, но при этом объеди-

schaft, insbesondere die mathematische Physik, nicht zu. Erst im Deutschen Idealismus gewinnt die Philosophie für eine kurze Zeit noch einmal die Bedeutung, die sie in der Antike hatte. Angezeigt wird dies gerade durch die angesprochenen „Peripetien“ im Erfahrungsbegriff. Zum einen erfährt der Erfahrungsbegriff als solcher eine Wandlung im Übergang von Kant zu Hegel, wie wir gezeigt haben. Zum anderen steht die Erfahrung für Hegel, jenseits seiner abstrakten Charakterisierungen, als Ausdruck des Lebens, das sowohl Vielfalt und Widersprüchlichkeit als auch Einheit und begrifflichen Zusammenhang einschließt. Der Umschwung von Kant zu Hegel ist also ein doppelter. Doch während Hegel diesen „Umschwung“ noch als überlegene Alternative zu Kant und seinem Ansatz verstand, ist uns das heute nicht mehr ohne weiteres möglich. Hegel suchte eine ganz *neue* Wissenschaft zu begründen, nicht eine verbesserte cartesiansche oder transzendente Version. Die neue Wissenschaft sollte das Leben *als* Leben verstehen können, sollte Einheit und Zusammenhang alles Lebendigen, doch genauso seine Vielfalt und Gegensätzlichkeit unverkürzt und mit einer der Dynamik des Lebendigen entsprechenden Methodik erfassen. Die *Phänomenologie des Geistes*, die ursprünglich einmal nur als erster Teil des Systems der philosophischen Wissenschaft und zugleich als Hinführung zu diesem System konzipiert war, sollte diese Methodik durch die Analyse der „wirklichen“ menschlichen Erfahrung verständlich werden lassen und zugleich damit ihre Geltung begründen. Dieses Thema wird in Werken wie der „Wissenschaft der Logik“ und der „Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften“ wieder aufgegriffen. Während für Kant die Transzendentalphilosophie an der neuzeitlichen Wissenschaft und, wenn wir an die Ethik denken, an den Überzeugungen des „gemeinen Menschenverstandes“ orientiert war, sollte die spekulative Wissenschaft Hegels eine *Königin* der Wissenschaften

нила бы их систематически и научила бы нас по-настоящему понимать их смысл. Возможно, Гегель даже верил, что и разрозненные дисциплины сами по себе могут быть в какой-то момент поняты диалектически и тогда смогут войти в его научную систему без особых «спекулятивных» интерпретаций. Такая система могла бы объединить все разрозненные знания о природе и человеческом духе. Тогда мы получили бы универсальную науку, как ее задумывал в свое время Декарт. Однако сегодня такая перспектива вряд ли мыслима. При обилии научных подходов, при прогрессирующей специализации и профилизации знаний о мире идея синтеза, даже «спекулятивного», стала иллюзорной. Кантовский подход, напротив, учитывает специфику этого ученого мира и его дисциплин и рекомендует философию в качестве его незаменимого помощника в деле просвещения.

Тем не менее утрата возможности этого развития не так малозначима. С одной стороны, гегелевская философия претендовала на то, чтобы помочь человеку понять себя в действительности прожитой жизни (которая тоже исторична) в ее различных тенденциях, в ее динамике и поворотах, а именно как часть этой жизни и в то же время как такую часть, которая интерпретирует жизнь и делает ее понятной. С этим связана задача понять действительность как разумную репрезентацию жизни (в качестве «духа»), продолжать осмысленную таким образом жизнь и тем самым в определенном смысле завершить ее. С другой стороны, эта философия претендовала на экспликацию взаимосвязи всего действительного и его духовную организацию, чтобы способствовать не только пониманию жизни, но ориентации в ней. А это не что иное, как древнегреческие представления о задаче философии, которые также разделял Гегель. Отсутствие те-

in dem Sinne sein, dass sie die Ergebnisse der Fachdisziplinen aufnimmt, sie aber zugleich systematisch verbindet und in ihrer Bedeutung erst wahrhaft verstehen lehrt. Möglicherweise war Hegel sogar der Auffassung, dass auch die Einzeldisziplinen irgendwann einmal selbst dialektisch verfasst sein könnten und sich dann zwanglos, ohne weitere „spekulative“ Interpretation, in sein wissenschaftliches System einfügen würden. Dieses System könnte das gesamte disparate Wissen über die Natur und den menschlichen Geist vereinen. Dann hätten wir eine universelle Wissenschaft, wie sie Descartes zu seiner Zeit vorschwebte. Doch ist eine solche Perspektive heutzutage kaum noch denkbar. Bei der Fülle der wissenschaftlichen Zugangsweisen, bei der fortschreitenden Spezialisierung und Departmentalisierung des Wissens über die Welt ist der Gedanke an eine – und sei es auch „spekulative“ – Synthesis illusionär geworden. Kants Ansatz respektiert dagegen die Eigenart dieser wissenschaftlichen Welt und ihrer Disziplinen und empfiehlt die Philosophie als deren allerdings unverzichtbare aufklärende Helferin.

Gleichwohl ist der Verlust dieser Entwicklung nicht gering. Zum einen beanspruchte Hegels Philosophie, dem Menschen zu helfen, sich in der Wirklichkeit gelebten Lebens, das auch das historische ist, in dessen unterschiedlichen Tendenzen, in dessen Dynamik und dessen Umschwüngen selbst zu verstehen, und zwar als einen Teil dieses Lebens und zugleich als denjenigen Teil, der das Leben deutet und auf den Begriff bringt. Damit verbindet sich die Aufgabe, die Wirklichkeit als vernünftige Repräsentation des Lebens (als „Geist“) zu begreifen, das so begriffene Leben weiterzuführen und es auf diese Weise in gewissem Sinne auch zu vollenden. Zum anderen beanspruchte diese Philosophie, den Zusammenhang alles Wirklichen zu explizieren und ihn geistig zu ordnen, so dass sich der Mensch nicht nur besser verstehen, sondern in diesem Leben auch zu orientieren vermag. Es

ории, которая была бы в состоянии это сделать, следует рассматривать в качестве существенной потери как для отдельного человека, так и для всего человечества. Рассмотрение «перипетий» опыта при переходе от Канта к Гегелю и тематизированный контраст между наукой и жизнью демонстрируют нам это на конкретном примере и в то же самое время указывают на проблему во всей ее сложности.

IV

Подведем некоторые итоги наших рассуждений.

(1) Принципиально говоря, можно выделить два понятия опыта. Опыт в узком смысле, как необходимая связь между чувственным созерцанием и априорными понятиями и формами суждения, и есть в собственном смысле кантовская концепция опыта. Опыт в широком смысле означает постижение разумом *всей* постигаемой реальности вне зависимости от того, как это постижение происходит или может происходить. Таково понятие опыта Гегеля, которое поэтому гораздо шире кантовского, поскольку охватывает историю раскрытия мира и самого себя посредством разума. Кантовское понятие опыта — жесткое и специфичное (опыт познания природы становится эталоном для всего опыта и нормой познания), тогда как гегелевское понятие опыта — динамичное и всеобщее.

(2) Понятие субъекта у Канта конструктивно (различные способности образуют функциональное единство); оно, кроме того, нормативно (анализ способностей познания критичен, то есть ограничивает возможности опыта в отношении его значимости); оно когнитивно (факторы, отличные от эпистемологически значимых, не принимаются в расчет; это, конечно, относится и к понятию (природного) опыта). Оно служит прежде всего тому, чтобы

сind dies die alten Vorstellungen der Griechen über die Aufgabe der Philosophie, an denen Hegels Denken festgehalten hat. Keine Theorie zu haben, die solches leistet, muss als ein erheblicher Verlust angesehen werden, für den einzelnen wie für die Menschheit. Die Befassung mit den „Peripetien“ der Erfahrung im Übergang von Kant zu Hegel und dem darin in besonderer Weise akzentuierten Gegensatz von Wissenschaft und Leben zeigt uns dies an einem speziellen Thema — und deutet doch zugleich auf das Problem in seinem ganzen Gewicht hin.

IV.

Fassen wir unsere Überlegungen noch einmal zusammen:

(1) Ganz grundlegend lassen sich zwei Erfahrungsbegriffe unterscheiden: Erfahrung im engeren Sinne ist der notwendige Zusammenhang zwischen sinnlicher Anschauung und apriorischen Begriffen und Urteilsformen. Das ist das *Proprium* des Kantischen Erfahrungsbegriffs. Erfahrung im weiten Sinne bezeichnet den Ausgriff der Vernunft auf *alle* erfahrbare Wirklichkeit, ganz gleich, wie dieser Ausgriff jeweils geschieht oder geschehen kann. Das ist Hegels Erfahrungsbegriff, der dadurch auch viel weiter ist als der Kantische, da er zugleich die Geschichte der Welt- und Selbsterschließung durch die Vernunft umfasst. Kants Erfahrungsbegriff ist starr und spezifisch (die Naturerfahrung wird zum Maßstab aller Erfahrung und zur Norm von Wissen), Hegels Erfahrungsbegriff ist dynamisch und generell.

(2) Kants Subjektbegriff ist konstruktiv (verschiedene Vermögen bilden eine funktionale Einheit); er ist ferner normativ (die Analyse der Erkenntnisvermögen verläuft kritisch, d.h. sie limitiert die Möglichkeiten der Erfahrung im Hinblick auf ihre Geltung); er ist kognitivistisch (andere als epistemisch relevante Faktoren werden nicht beachtet; das gilt natürlich schon für den

обосновать науку и разумную, обобщающую практику. Гегелевское понятие субъекта, напротив, «живое» (способности и компетенции развиваются вместе с опытом), дескриптивное (определяется только полнотой опытов и его видами, см. «Феноменологию духа»), не ограниченное когнитивистскими элементами (вера и чувство входят в него, но в конечном итоге рационально «переформулируются»).

(3) Ключевые термины Канта «феномен», «явление», «ноумен», «трансцендентальное» и другие в силу их специфики не получают места ни в «Феноменологии духа», ни в гегелевской системе философии. Кантовские различия имеют в любом случае лишь предварительное, вводное значение. Это в особенности относится и к связанной с ними картезианской онтологии («явление» против «вещи в себе»). Они представляют собой лишь понятийные, но не реальные различия.

(4) Для Гегеля «трансцендентальная дедукция» Канта в «Критике чистого разума» является самой сильной точкой соприкосновения между его и кантовской концепциями знания. Однако это относится не столько к структуре теории Канта, о которой идет речь в главе о дедукции, а скорее к предпосылкам, которые, по мнению Гегеля, Кант должен был имплицитно сделать действенными для возможности реализации этой концепции.

(5) Концепция Канта в большей степени совместима с современным научным взглядом на мир и технику. Однако в то же время она увеличивает раскол, известный еще в картезианстве, между разумом и миром, субъектом и объектом, знанием и чувственным восприятием. Гегель попытался преодолеть этот разрыв, не в последнюю очередь с помощью своего понятия опыта. А то, что гегелевский или аналогичный подход не смог утвердиться в философском понимании человека и мира, — бремя современной жизни.

Begriff der (Natur-) Erfahrung). Er dient in erster Linie dazu, Wissenschaft und vernünftige, verallgemeinerbare Praxis grundzulegen. Hegels Subjektbegriff ist dagegen „lebendig“ (die Vermögen und Kompetenzen entwickeln sich mit der Erfahrung), er ist deskriptiv (er wird nur durch die Fülle der Erfahrungen und ihrer Typen definiert, siehe die *Phänomenologie des Geistes*), er ist nicht auf kognitivistische Elemente beschränkt (Glauben und Empfinden gehören dazu, werden aber schließlich vernünftig „reformuliert“).

(3) Aufgrund von deren Eigenart haben die Kantischen Schlüsselbegriffe „Phänomen“, „Erscheinung“, „Noumen“, „transzendental“ usw. in Hegels System der Philosophie, aber auch schon in der *Phänomenologie des Geistes* keinen Platz. Die Kantischen Unterscheidungen haben allenfalls eine vorläufige, einleitende Bedeutsamkeit. Das gilt auch und gerade für die damit verbundene cartesianische Ontologie („Erscheinung“ vs. „Ding an sich“). Sie stellen nur begriffliche, aber keine realen Unterschiede dar.

(4) Für Hegel ist Kants „transzendente Deduktion“ in der *Kritik der reinen Vernunft* der stärkste Berührungspunkt beider Wissenskonzeptionen. Doch gilt dies nicht für die Anlage von Kants Theorie in diesem Kapitel als vielmehr für die Voraussetzungen, die Kant nach Hegel implizit geltend machen muss, um diese Konzeption ausführen zu können.

(5) Kants Konzeption ist am ehesten diejenige, die mit dem modernen wissenschaftlichen Weltbild und mit der Technik vereinbar ist. Zugleich vertieft sie aber den schon im Cartesianismus erkennbaren Graben von Vernunft und Welt, Subjekt und Objekt, Wissen und sinnliche Wahrnehmung. Diesen Graben versuchte Hegel, nicht zuletzt durch seinen Erfahrungsbegriff, zu überwinden. Dass sich Hegel oder ein vergleichbarer Ansatz im philosophischen Verständnis von Mensch und Welt nicht zu behaupten vermochte, ist eine Bürde des modernen Lebens.

Исследование поддержано программами DAAD 2023: «Двустороннее сотрудничество между учеными и преподавателями» и «Краткосрочное чтение лекций в Самарканде».

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Г. Шпета. М. : Наука, 2000.
- Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Ойзерман Т. И. Кант и Гегель: Опыт сравнительного исследования // Избр. тр. : в 5 т. / сост. И. Т. Касавин. М. : Наука, 2014. Т. 4.
- Adler H. Sind Anschauungen ohne Begriff blind? // *Anschauung und Anschaulichkeit Visualisierung im Wahrnehmen, Lesen und Denken* / hrsg. von H. Adler, S. Gross. Paderborn : Wilhelm Fink, 2016. S. 27–44.
- Barteczko D. Hegels Antwort auf das kantische Verhältnis von Anschauung und Denken // *Hegel-Jahrbuch*. 2016. Vol. 2017, № 1. S. 281–285.
- Baum M. Kants „Möglichkeit der Erfahrung“ // *Kants Theorie der Erfahrung* / hrsg. von R. Enskat. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 151–167.
- Gentile A. *Bewusstsein, Anschauung und das Unendliche bei Fichte, Schelling und Hegel*. Freiburg ; München : Karl Alber, 2018.
- Ginsborg H. Kant and the Problem of Experience // *Philosophical Topics*. 2006. Vol. 34, № 1–2. P. 59–106.
- Harrison R. Wie man dem transzendentalen Ich einen Sinn verleiht // *Kants transzendente Deduktion und die Möglichkeit von Transzendentalphilosophie* / hrsg. von B. Homburg. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1988. S. 32–50.
- Hegel-Jahrbuch 2016* / hrsg. von A. Arndt, B. Bowman, M. Gerhard, J. Zovko. Berlin : De Gruyter, 2017. H. 1 : Hegels Antwort auf Kant I.
- Henrich D. Kant und Hegel Versuch der Vereinigung ihrer Grundgedanken. Selbstverhältnisse. Stuttgart : Reclam, 1982. S. 173–208.
- Henrich D. *Between Kant and Hegel*. Harvard : Harvard University Press, 2008.
- Hösle V. *Eine kurze Geschichte der deutschen Philosophie*. München : C. H. Beck, 2013.
- Houlgate S. *Hegel's Phenomenology of Spirit*. L. : Bloomsbury, 2013.
- Kroner R. *Von Kant bis Hegel*. Tübingen : Mohr Siebeck, 1961.

Der vorliegende Beitrag wurde durch die DAAD-Programme 2023 „Bilateraler Austausch für Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler“ und „Kurzzeitdozentur“ gefördert.

Literatur

- Adler, H., 2016. Sind Anschauungen ohne Begriff blind? In: H. Adler und S. Gross, Hg. 2016. *Anschauung und Anschaulichkeit Visualisierung im Wahrnehmen, Lesen und Denken*. Paderborn: Wilhelm Fink, S. 27-44.
- Arndt, A., Bowman, B., Gerhard, M. und Zovko, J., Hg. 2017. Hegels Antwort auf Kant I. *Hegel-Jahrbuch*, 2016(1).
- Baum, M. 2015. Kants „Möglichkeit der Erfahrung“. In: R. Enskat, Hg. 2015. *Kants Theorie der Erfahrung*. Berlin & Boston: De Gruyter, S. 151-167.
- Barteczko, D., 2017. Hegels Antwort auf das kantische Verhältnis von Anschauung und Denken. *Hegel-Jahrbuch*, 2016(1), S. 281-285.
- Gentile, A., 2018, *Bewusstsein, Anschauung und das Unendliche bei Fichte, Schelling und Hegel*. Freiburg & München: Karl Alber.
- Ginsborg, H., 2006. Kant and the Problem of Experience. University of California. *Philosophical Topics*, 34(1-2), pp. 59-106.
- Harrison, R., 1988. Wie man dem transzendentalen Ich einen Sinn verleiht. In: B. Homburg, Hg. 1988. *Kants transzendente Deduktion und die Möglichkeit von Transzendentalphilosophie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 32-50.
- Hegel, G. W. F., 1989. *Phänomenologie des Geistes*. In: G. W. F. Hegel, 1989. *Werke. Band 3*. Hg. von K. M. Michel und E. Moldenhauer, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Henrich, D., 1982. Kant und Hegel. Versuch der Vereinigung ihrer Grundgedanken. In: D. Henrich, 1982. *Selbstverhältnisse*. Stuttgart: Reclam, pp. 173-208.
- Henrich, D., 2008. *Between Kant and Hegel*. Harvard: Harvard University Press.
- Hösle, V., 2013. *Eine kurze Geschichte der deutschen Philosophie*. München: C. H. Beck.
- Houlgate, S., 2013. *Hegel's Phenomenology of Spirit*. London: Bloomsbury.
- Kroner, R., 1961. *Von Kant bis Hegel*, 2. Auflage. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Longuenesse, B., 2007. *Hegel's Critique of Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Longuenesse B. Hegel's Critique of Metaphysics. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Pippin R. Hegel's Idealism. The Satisfactions of Self-Consciousness. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.

Taylor C. Hegel. Cambridge : Cambridge University Press, 1975.

Van Cleve J. Problems from Kant. Oxford ; N.Y. : Oxford University Press, 1999.

Об авторах

Хольгер Гутшмидт, доктор философии, профессор, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Узбекистан.

E-mail: hgutsch1@gwdg.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8010-5384>

Алексей Николаевич Крюков, кандидат философских наук, профессор, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Узбекистан.

E-mail: akrum@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6708-3598>

Для цитирования:

Гутшмидт Х., Крюков А. Н. Перипетии опыта. «Опытное познание» у Канта и «явления» Гегеля // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 68-88.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-3>

© Гутшмидт Х., Крюков А. Н., 2025.

Oizerman, T. I., 2014. *Kant i Hegel: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Kant and Hegel: A Comparative Study]. In: T. I. Oizerman, 2014. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Volume 4. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Pippin, R., 1989. *Hegel's Idealism. The Satisfactions of Self-Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor, C., 1975. *Hegel*. Cambridge: Cambridge University Press.

Van Cleve, J., 1999. *Problems from Kant*. New York & Oxford: Oxford University Press.

The authors

Prof. Dr Holger Gutschmidt, Samarkand State University, Uzbekistan.

E-mail: hgutsch1@gwdg.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8010-5384>

Prof. Alexei N. Krioukov, Samarkand State University, Uzbekistan.

E-mail: akrum@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6708-3598>

To cite this article:

Gutschmidt, H., Krioukov, A., 2025. Peripetien der Erfahrung. Kants „Erfahrungserkenntnis“ und Hegels „Erscheinungen“. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 68-88.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-3>

© Gutschmidt H., Krioukov A., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПЛЕХАНОВ КАК «ЗАЩИТНИК» КАНТА ОТ НЕОКАНТИАНЦЕВ

Т. Г. Румянцева¹

История рецепции и интерпретации неокантианских идей в России в конце XIX – начале XX в. показывает, что особую роль в ней играли те, кто негативно отнесся к неокантианскому движению и попытался отделить от него и противопоставить ему наследие Канта. Значительное место среди последних принадлежит Г. В. Плеханову, спецификой большинства работ которого был резко полемический характер. Высоко оценивая работы Канта, более того, найдя у него целый ряд совпадений с материализмом, Плеханов на протяжении ряда лет вел полемику по философским и политическим вопросам с немецкими неокантианцами и близким к ним по взглядам Э. Бернштейном. Называя вслед за Ф. Энгельсом неокантианство «шагом назад» по сравнению с философией Канта, он полагал, что неокантианцы неверно поняли кантовскую философию и, призывая вернуться к теоретической философии Канта для опровержения с ее помощью современного им материализма, заведомо искажали учение немецкого мыслителя. Так называемую защиту Плехановым Канта от неокантианцев не следует понимать и принимать буквально. Будучи марксистом, Плеханов стремился защитить прежде всего взгляды Маркса и Энгельса путем демонстрации неадекватности неокантианского понимания Канта. И хотя в своей трактовке идей Канта он порой заблуждался, его позиция и сегодня представляет для нас интерес, так как многие плехановские идеи сыграли определенную роль в восприятии Канта в советское и постсоветское время и отразились в дискуссиях об интерпретации как кантовской философии в целом, так и ее фундаментального понятия «вещь в себе» в частности.

Ключевые слова: Плеханов, неокантианство, Кант, марксизм, материализм, идеализм, Виндельбанд, Риккерт

¹ Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, 220030, Минск, просп. Независимости, д. 4.
Поступила в редакцию: 05.01.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-4

PLEKHANOV AS “DEFENDER” OF KANT FROM NEO-KANTIANISM

T. G. Rumyantseva¹

The history of the reception and interpretation of Neo-Kantian ideas in the late nineteenth and early twentieth centuries shows the special role played by those who took a negative stand with regard to Neo-Kantianism and sought to dissociate it from and oppose it to Kant's legacy. A prominent place among the latter was occupied by Georgy V. Plekhanov, most of whose works were fiercely polemical. Highly rating Kant's works, in which he even found some coincidences with materialism, Plekhanov for a number of years engaged in polemics on philosophical and political issues with the German Neo-Kantians and Eduard Bernstein, who shared many of their views. Calling Neo-Kantianism, after Friedrich Engels, “a step backwards” from Kant's philosophy, he argued that Neo-Kantians had misunderstood Kant's philosophy and, in advocating a return to Kant's theoretical philosophy in order to use it to refute contemporary materialism, had distorted Kant's doctrine. Plekhanov's so-called “defence” of Kant against Neo-Kantians should not be understood and accepted literally. Being a Marxist, Plekhanov tried to defend above all the views of Marx and Engels by revealing the flaws in the Neo-Kantian interpretation of Kant. Although he himself in some ways misinterpreted Kant, his views command some interest today because many of them played a certain role in the perception of Kant in the Soviet and post-Soviet times and were reflected in the discussions of the Kantian philosophy as a whole, especially its fundamental concept of the “thing-in-itself”.

Keywords: Plekhanov, Neo-Kantianism, Kant, Marxism, materialism, idealism, Windelband, Rickert

¹ Belarussian State University.
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus.
Received: 05.01.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-4

1. Введение

Процесс рецепции и интерпретации неокантианских идей в России в конце XIX — начале XX в. не ограничивается, на наш взгляд, только теми авторами, которые позитивно отнеслись к идеям Канта и его немецких последователей. Те, кто крайне негативно воспринял неокантианское движение и даже попытался отделить от него имя Канта, противопоставив его учение новейшим интерпретациям своего времени, также заслуживают пристального внимания. Среди такого рода фигур, как будет показано в статье, значительное место принадлежит Г. В. Плеханову, имя которого довольно редко всплывает в контексте обсуждения данной тематики. Его чаще всего воспринимают как правоверного марксиста, трагедия которого, по словам патриарха историко-философской науки Т. И. Ойзермана, состояла в том, что он «остался *ортодоксальным* марксистом, не понял оправданности предпринятой Бернштейном ревизии марксизма» (Ойзерман, 2005, с. 441). Об ортодоксальности Плеханова пишет и итальянская исследовательница Д. Стейла, отмечая также, что «его работа как мыслителя была всегда тесно связана с современными политическими событиями и идеологическими дебатами. В самом деле, главными чертами его мысли можно считать переплетение политики и философии» (Steila, 1991, p. 1). Даже разрабатывая и развивая теоретические вопросы диалектического и исторического материализма, занимаясь историей российской и западноевропейской философии, он делал это в формате полемики, проявляя нетерпимость, жесткость, а порой и воинственность по отношению к своим оппонентам, особенно тем, кого он считал врагами марксистского материализма. Так, на протяжении ряда лет Плеханов вел полемику с неокантианцами и теми, кто придерживался или использовал их взгляды, как по чисто философским вопросам, так и по вопросам, непосредственно затрагивавшим практику тогдашней политической жизни, социал-демократического и рабочего движения.

1. Introduction

The process of reception and interpretation of Neo-Kantian ideas in Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries was not confined, in my opinion, to the authors who accepted the ideas of Kant and his German followers. Those who repudiated the Neo-Kantian movement and even tried to dissociate it from Kant by juxtaposing his teaching to the latest interpretations also merit a closer look. Among these figures, as this article will try to show, a significant place belongs to Georgy V. Plekhanov, whose name is seldom mentioned in the discussions of this theme. More often than not he is perceived as an orthodox Marxist whose tragedy, according to Teodor Oizerman (2005, p. 441), the patriarch of philosophical history, was that he “remained an *orthodox* Marxist and failed to understand the justification of the revision of Marxism undertaken by Bernstein”. This opinion chimes with the view of the Italian researcher Daniela Steila (1991, p. 1), who wrote that Plekhanov’s “work as a thinker was always closely connected with contemporary political events and ideological debates. Indeed, the interplay of politics and philosophy may be considered the chief characteristics of his thought”. Even when dealing with theoretical aspects of dialectical and historical materialism and the history of Russian and West European philosophy, he framed his views polemically, displaying intolerance and sometimes pugnacity toward his opponents, especially those whom he considered to be the foes of Marxian materialism. Thus, for many years Plekhanov waged polemics against Neo-Kantians and those who shared their views both on purely philosophical questions and on matters of contemporary politics, the social democratic and workers’ movement.

I will focus on his polemics with Neo-

Обратимся к его полемике с неокантианцами по философским вопросам, так как его критика, касающаяся практики революционной борьбы, так или иначе представлена в литературе и потому будет далее рассмотрена достаточно кратко. Цель данной статьи — показать, что под видом защиты Канта от неокантианцев путем демонстрации неадекватности их понимания Канта самому Канту Плеханов, будучи верным марксистом, последовательно отстаивает свою позицию по защите материализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

2. Полемика Плеханова с неокантианцами по вопросам теоретической философии Канта

Идеи неокантианства, проникшие в Россию в конце 1890-х — начале 1900-х гг., были с интересом восприняты большим кругом философов и литераторов. Как пишет Н. А. Дмитриева, «рецепция неокантианских идей в России состоялась в эпоху, когда российская философская мысль искала “достоверности в отношении себя самой — своего специфического самоощущения и самопознания”» (Дмитриева, 2007а, с. 101). При этом российская исследовательница справедливо полагает, что «характеристика, данная Э. Кассирером в отношении западного философского процесса, вполне применима... и к развитию философской мысли в России в начале XX в.» (Там же, с. 115–116). По словам другого исследователя русского неокантианства, В. Н. Белова, «лозунг Либмана “Назад к Канту”, для русских сторонников трансцендентальной философии звучал как “Вперед к Канту”» (Белов, 2012, с. 28).

В самом деле, целый ряд русских философов, увлеченных ранее марксистскими идеями, обратил свои взоры к философии Канта, попытавшись внести в учение К. Маркса своего рода прививку кантовского критицизма и дополнив марксизм гносеологическим фундаментом. Не избежал увлечения Кантом, мимо

Kantians on philosophical issues because his critique of the practice of revolutionary struggle has been covered in one way or another in the literature and will later be reviewed only briefly. The aim of this article is to show that under the guise of defending Kant from the Neo-Kantians by demonstrating the inadequacy of their understanding of Kant, Plekhanov, being a dedicated Marxist, consistently upholds his position of defending the materialism of Marx and Engels.

2. Plekhanov's Polemic with Neo-Kantians on Kant's Theoretical Philosophy

The ideas of Neo-Kantianism, which penetrated Russia in the late 1890s and early 1900s, attracted interest on a wide circle of philosophers and men-of-letters. Nina Dmitrieva (2007a, p. 101) writes that “the reception of Neo-Kantian ideas in Russia took place at a time when Russian philosophical thought was seeking its own identity, its self-awareness and self-knowledge”. And she rightly points out that “Cassirer's characteristic of the Western philosophical process can well be applied [...] to the development of philosophical thought in Russia in the early twentieth century” (*ibid.*, pp. 115-116). Another researcher of Russian Neo-Kantianism, Vladimir Belov (2012, p. 28), notes that “for the Russian proponents of transcendental philosophy Lieberman's slogan ‘back to Kant’ sounded more like ‘forward to Kant’”.

Indeed, a number of Russian philosophers, who were earlier over enthusiastic about Marxist ideas, turned their gaze on the philosophy of Kant and tried to inject Kantian critique into Marxism to provide it with an epistemological foundation. Plekhanov, a Marxist, was among those who were not spared a period of enthusiasm for Kant, whose

философии которого в конце XIX в. было пройти невозможно, и марксист Плеханов. Он, в частности, считал, что только правильная теория может быть гарантом успешной практики, поэтому, по словам Д. Стейлы, он «был одним из немногих марксистов своего поколения, кто серьезно занимался изучением классиков философии. <...> ...Он был единственным, кто сразу же взялся за “философскую” проблему соотношения материализма и кантианства» (Steila, 1991, p. 2). И хотя в центре его исследовательского внимания всегда находились вопросы, связанные с историей материализма, он искренне заинтересовался философией Канта, принял, как будет показано далее, ряд его идей и даже попытался найти общее у Канта с материализмом, используя некоторую непоследовательность во взглядах немецкого философа.

Отметим кстати, что Плеханов очень внимательно читал основные работы Канта на языке оригинала; о серьезном их анализе свидетельствуют многочисленные заметки на полях его трудов и рукописей, богатейшая переписка и другие документы, хранящиеся в библиотеке Дома Плеханова, что, разумеется, не означает, что он не видел и существенных различий между идеями Канта и марксистским учением. Для него кантианство было «робким признанием материализма и одновременно — робким признанием идеализма» (Steila, 1991, p. 87). О том, как часто Плеханов обращался к Канту и кантианству, свидетельствует и тот факт, что в его 24-томном полном собрании сочинений (1923—1928) ссылки на Канта и «кантианство» встречаются более тысячи раз! Кстати, он не различал понятия «кантианство» и «неокантианство», а учение Канта называл «кантианизм» (Плеханов, 1956г, с. 423). Больше ссылок у него только на таких авторов, как Маркс, Энгельс и Гегель.

Нельзя сказать, что Кант стал для Плеханова «несомненное Маркса»; в отличие от ряда русских философов, которых упоминает в своей книге «Русское неокантианство: “Марбург” в России» Н. А. Дмитриева, он не поверял Маркса Кантом — скорее наоборот (Дмитриева, 2007б,

philosophy could not be ignored in the late nineteenth century. Plekhanov believed that a sound theory could guarantee successful practice. According to Steila (1991, p. 2), he “was one of the few Marxists of his generation who seriously applied himself to the study of the Classics of philosophy. [...] he was the only one who immediately tackled the ‘philosophical’ problem of the relationship between materialism and Kantianism”. Although his focus was always on issues connected with the history of materialism, he developed a genuine interest in Kant’s philosophy, taking on board some of his ideas and, as will be shown later, even tried to find some similarities with materialism in Kant, taking advantage of some inconsistencies in the German philosopher’s views.

Incidentally, Plekhanov perused Kant’s main works in the original, as witnessed by the numerous notes on the margins of his works and manuscripts, his copious correspondence and other documents in the custody of the Plekhanov House. This is not to say that he did not see essential differences between the ideas of Kant and Marx. To him Kantianism was “a timid acknowledgment of materialism and, at the same time, a timid acknowledgment of idealism” (Steila, 1991, p. 87). Evidence of how often Plekhanov turned to Kant and Kantianism is the fact that his 24-volume collected works (1923—1928) contain more than a thousand references to Kant and Kantianism. Incidentally, he did not differentiate “Kantianism” from “Neo-Kantianism”, referring to Kant’s doctrine as “Kantianism” (Plekhanov, 1976a, p. 398). Only Marx, Engels and Hegel are referred to more often than Kant. Thus, Plekhanov’s critique is directed mainly at the more recent followers of Kant who used his ideas to criticise Marxism and materialism of which Plekhanov was always an ardent supporter. As noted above,

с. 123). И все же он тщательно анализировал вопросы теоретической и практической философии Канта, особенно когда ему приходилось полемизировать с немецкими ревизионистами, которые постоянно ссылались на немецкого философа и которые, как он писал, «твердо держатся за философию Канта и осуждают материализм, даже не давая себе труда ознакомиться с ним» (Плеханов, 1956в, с. 422). К числу такого рода работ можно отнести следующие: «О мнимом кризисе марксизма» (1898), «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Бернштейн и материализм» (1898), «Материализм или кантианизм» (1899), «Критика наших критиков» (1899), «Cant против Канта» (1901), «Еще раз материализм» (1899), «Основные вопросы марксизма» (1907). Отдельные ссылки можно найти и в ряде других работ русского мыслителя.

Итак, острие своей полемики в этих произведениях Плеханов обращает на новейших последователей Канта, которые использовали его идеи для критики марксизма и материализма, всегда неистово защищаемых русским марксистом. Как уже отмечалось, даже осознавая разницу между марксистским материализмом и «кантианством» (то есть философией Канта), он старается найти общее у Канта с этим материализмом и даже выступает в защиту «кёнигсбергского мудреца», как он его называет, от тех, кто на него ссылается с целью опровержения материализма марксистского.

Русский марксист следует во многом духу Энгельса, который в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» утверждал, что попытка неокантианцев в Германии воскресить взгляды Канта «в научном отношении является шагом назад, а на практике — лишь стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него» (Энгельс, 1961а, с. 284). Поэтому Плеханов резко критикует немецких неокантианцев в лице Ф. А. Ланге, К. Шмидта, К. Ласвица, Ф. Ибервега, близкого к их взглядам Э. Бернштейна, полагая, что те «не поняли, в

while being aware of the difference between Marxist materialism and “Kantianism” (i.e. Kant’s philosophy), he tried to find similarities between Kant and this materialism and even defended “the Königsberg sage” (as he called him) against those who invoked Kant to refute Marxist materialism.

In many ways Plekhanov follows the spirit of Engels who in his work *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy* maintained that the German Neo-Kantians’ attempt to resurrect Kant’s views was “scientifically a regression and practically merely a shamefaced way of surreptitiously accepting materialism, while denying it before the world” (Engels, 1990a, p. 368). That is why Plekhanov (1976b, p. 381) lashes out against such German Neo-Kantians as Friedrich Albert Lange, Conrad Schmidt, Kurd Laßwitz and Friedrich Ueberweg, whose views were close to those of Eduard Bernstein, claiming that they had “failed to understand wherein lies the fundamental question of Kantian idealism” (strictly speaking, these words were directed at Conrad Schmidt).

Plekhanov, of course, could not pass over Kant’s “thing-in-itself” which is the conceptual nucleus of Kant’s philosophy: in his work “Conrad Schmidt versus Karl Marx and Frederick Engels” he unpacks the ‘thing-in-itself’ and ‘Kantian idealism’ in general. He compares the interpretation of the thing-in-itself in the two editions of the *Critique of Pure Reason*, stressing the difference between its interpretation as a “borderline concept” in the first edition (1781) and as that which exists outside of and independently from the cognising subject in the second edition (1787). Plekhanov notes that, in common with materialism, Kant does not question the existence of the thing-in-itself and its effect on us. Accordingly, he objects to the call of contemporary Kant scholars for a

чем заключается основной вопрос *кантовского идеализма*» (строго говоря, эти слова непосредственно адресованы Конраду Шмидту) (Плеханов, 1956в, с. 405).

Плеханов, разумеется, не мог пройти мимо кантовской «вещи в себе» как концептуально-го ядра кантовской философии, поэтому в работе «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» он осуществляет подробный разбор «вещи в себе» и «кантовского идеализма» в целом. Он сравнивает ее трактовку в обоих изданиях «Критики чистого разума», подчеркивая разницу между ее пониманием как «пограничного понятия» в первом издании (1781) и ее трактовкой Кантом как того, что существует вне и независимо от познающего субъекта, во втором издании (1787). В том, что Кант не подвергает сомнению веру в ее существование и ее действие на нас, Плеханов усматривает общее у него с материализмом. Поэтому он выступает против призыва современных последователей Канта вернуться к его философии для опровержения материализма. Эти призывы, как считает он, лишены смысла потому, что воззрения немецкого философа задолго до него были обоснованы материалистами XVIII в. (Плеханов, 1956д, с. 337, 340). В работе «Бернштейн и материализм» Плеханов вообще отождествляет взгляды Канта с взглядами материалистов того времени и цитирует Гольбаха, который полагал, что «“мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи...”» (Плеханов, 1956а, с. 349). Он также приводит цитаты из работ Гельвеция и Ламетри, последний из которых в «Трактате о душе» писал, что, мол, «“сущность души человека и животных нам неизвестна и останется всегда неизвестной, равно как и сущность материи и тела...”» (Там же, с. 350). Даже усматривая некоторое различие между Кантом и французскими материалистами, Плеханов продолжает настаивать на том, что все это вполне соответствует духу самого Канта и его тезису о непознаваемости вещей в себе: «Разве это не сказано совсем в смысле Канта?» (Там же).

return to Kant's philosophy in order to refute materialism. He dismisses these calls as meaningless because Kant's views were formed long before him by the eighteenth-century materialists (Plekhanov, 1976с, pp. 318, 321). In "Bernstein and Materialism" Plekhanov identifies Kant's views with those of the materialists of the time and quotes Holbach to the effect that "We know neither the essence nor the genuine nature of matter [...]" (cited after Plekhanov, 1976d, p. 329). He also quotes Helvetius and La Mettrie, notably the latter, who wrote in *Traité de l'âme* that "The essence of soul in man and animals is unknown to us and will always remain so, just as the essence of matter and body...." (cited after *ibid.*, p. 330). Even though he recognises the difference between Kant and the French materialists Plekhanov insists that all this corresponds to the spirit of Kant and his thesis that things in themselves are unknowable: "Is this not quite in the Kantian sense?" (*ibid.*).

The question suggests itself: can these statements be equated to the proposition on the unknowable transcendental thing-in-itself which exists outside time and space according to Kant who makes a clear distinction between the unknowable and the unknown and believes that cognition of appearances in nature has no limits, and reason and understanding are capable of discovering the laws of experience, broadening knowledge and that "[o]bservation and analysis of the appearances penetrate into what is inner in nature, and one cannot know how far this will go in time" (KrV, A 278 / B 334; Kant, 1998, p. 375). Thus, Plekhanov, after Engels, unjustifiably confuses the unknown and the unknowable. According to Engels (1990b, p. 288), "in Kant's time our knowledge of natural objects was indeed so fragmentary that he might well suspect, behind the little we knew about each of them, a mysterious 'thing-in-itself'".

Спрашивается, равнозначны ли эти заявления положению о непознаваемости трансцендентной вещи в себе, существующей вне времени и пространства у кёнигсбергского мыслителя, четко разграничивавшего непознаваемое и непознанное и полагавшего, что познание явлений природы не имеет предела, а рассудок и разум в состоянии отыскивать законы опыта, расширять свои знания, и что «наблюдение и анализ явлений проникают внутрь природы, и неизвестно, как далеко мы со временем продвинемся в этом» (А 278 / В 334; Кант, 2006, с. 437). Плеханов, таким образом, вслед за Энгельсом непозволительно смешивает непознанное и непознаваемое. Так, согласно Энгельсу, «во времена Канта наше знание природных вещей было еще настолько отрывочным, что за тем немногим, что мы знали о каждой из них, можно было еще допускать существование особой таинственной “вещи в себе”» (Энгельс, 1961б, с. 304).

Как напишет Ойзерман о Плеханове, последний «бесконечно далек от понимания того, что воззрения этих материалистов и кантовскую концепцию “вещей в себе” разделяет бездонная пропасть» (Ойзерман, 2008, с. 14). Действительно, Плеханов настаивает на том, что «Кант со времени опубликования своих “Прологомен”, т.е. с 1783 года, восставал против идеалистического истолкования своего учения. Мы просим читателя запомнить этот факт, он очень важен» (Плеханов, 1956в, с. 410).

С целью обоснования мысли о наличии элементов материализма у Канта Плеханов вновь возвращается к вещам в себе уже в работе «Материализм или кантианизм». Общность с материализмом он усматривает здесь в том, что немецкий философ признавал «действие вещей в себе на нас», далее в том, что «если мы предвидим некоторые действия названных вещей, то, стало быть, мы знаем некоторые их свойства. А если мы знаем некоторые их свойства, то мы не имеем никакого права называть их непознаваемыми» (Плеханов, 1956г, с. 424). Более того, он снова ссылается здесь на самого Канта в «Про-

Oizerman (2008, p. 14) writes that Plekhanov “is miles away from understanding that the views of these materialists and the Kantian concept of the thing-in-itself are separated by a bottomless abyss”. Indeed, Plekhanov (1976b, p. 385) maintained that “Kant, following the publication of his *Prolegomena*, i.e. beginning with 1783, rebelled against the idealist interpretation of his doctrine. We shall ask the reader to keep this fact in mind, in view of its great importance”.

To bolster his claim that there were elements of materialism in Kant, Plekhanov revisits the issue of things-in-themselves in his article “Materialism or Kantianism”. He finds similarity in Kant with materialism in that Kant recognised “the effect on us of things-in-themselves”, and also in that “[i]f we can anticipate some effect of the things named, then that means that we are aware of some of their properties. So, if we are aware of some of their properties we have no right to call them unknowable” (Plekhanov, 1976a, p. 399). Moreover, he again cites Kant himself who in *Prolegomena* concedes that “things-in-themselves are the *cause* of our sensations” (Plekhanov, 1976b, p. 383), something the contemporary followers of Kant (notably Kurd Laßwitz) reject in interpreting things-in-themselves as “nothing more than a vague reflection, in our understanding, regarding its own limits” (*ibid.*, p. 384). Plekhanov consistently cites further apposite examples of the discrepancies between the views of Neo-Kantians and of Kant himself, including on the nature of things-in-themselves. He also notes that in *Prolegomena* Kant reworked in a realistic way his skeptical idealism that characterised the first edition of the first *Critique*; that in the second edition of the *Critique* he introduced a “refutation of idealism” with the 1787 version of which Kant was never happy, as pointed out by the Brazilian philosopher Roberto Horácio

легоменах...», признававшего там, что «вещи в себе служат *причиной* наших ощущений», чего не приемлют, согласно Плеханову, его современные последователи (К. Лассвиц, в частности), интерпретирующие вещи в себе как «не более, как неясное представление нашего рассудка о своих собственных границах» (Плеханов, 1956в, с. 408). Плеханов последовательно и, кстати, вполне справедливо приводит еще примеры, демонстрирующие факт несоответствия целого ряда взглядов неокантианцев представлениям самого Канта, в том числе и относительно природы вещей самих по себе. Он отмечает и то, что в «Прологеменах...» Кант переработал в реалистическом смысле присущий первому изданию первой «Критики» свой скептический идеализм; что он ввел во второе издание «Критики» «опровержение идеализма», версией 1787 г. которого, как указывает бразильский философ Р.Х. де С. Перейра, Кант никогда не был удовлетворен (Перейра, 2019, с. 8). Он признавал в тех же «Прологеменах...», что «все действия разумных существ, поскольку они представляют собою явления и так или иначе встречаются нам в опыте, подчинены естественной необходимости²... <...> Это значит... что они объясняются материалистически» (Плеханов, 1956б, с. 392). На основании такого рода аргументов русский мыслитель делает вывод о том, что те, кто использует Канта для своей борьбы против материализма, выступают не только против материализма, но и против Канта, противореча ему самому. Он так и пишет: «Оказывается, стало быть, что г. Бернштейн восстает не только против материалистов, но *также и против Канта*» (Там же). И еще: «Чтобы спасти кантианизм... доктор Лассвиц вынужден был покинуть колеблющуюся точку зрения <Канта и перейти на точку зрения> субъективного идеализма. Его неокантианизм есть лишь более или менее сознательное неофихтеанство» (Плеханов, 1956в, с. 410).

² Плеханов цитирует по-немецки с собственным переводом § 53 «Прологемен...» (см.: АА 04, S. 345; Кант, 1994, с. 108).

de Sá Pereira (2019, p. 8). Kant admitted in *Prolegomena*, for example, that “all the acts of rational beings, inasmuch as they are phenomena and in one way or another are met by us in our experience, are subordinate to natural necessity² [...]. It means [...] that they are to be explained materialistically” (Plekhanov, 1976e, p. 369). On the basis of such arguments Plekhanov concludes that those who use Kant in their struggle against materialism, come out not only against materialism, but also against Kant by contradicting him. He puts it in so many words: “It appears, consequently, that Herr Bernstein has rebelled, not only against the materialists but *also against Kant*” (*ibid.*). And further: “To save Kantianism, i.e. to eliminate its internal contradiction, Doctor Lasswitz has been obliged to abandon <Kant’s> vacillating point of view <and go over to the viewpoint> of *subjective idealism*. His *neo-Kantianism* is merely a more or less conscious *neo-Fichteanism*” (Plekhanov, 1976b, p. 386).

In setting Kant against Neo-Kantianism, Plekhanov continues to look for features that materialism and “Kantianism” have in common. He argues, for example, that in both cases human reason is groping in the dark when it goes beyond the limits of the sensible world and experience. This is not to say that he finds no differences between Kant’s philosophy and materialism: “One may not be in agreement with Kant – and we are not”, he writes (*ibid.*, p. 387).

Plekhanov’s key theoretical argument against Kant, as Vadim A. Chaly (2018, p. 234) believes, “revolves around the ubiquitous inconsistency of noumenal causality”. In his critique Plekhanov conscientiously cites the works of Friedrich Heinrich Jacobi *On Faith, or Idealism and Realism* (1787), Gottlob Ernst Schulze *Aenesidemus* (1792) and other texts

² Plekhanov quotes § 53 of *Prolegomena* in German with his own translation (*Prol.*, АА 04, p. 345; Kant, 2004, pp. 135-136).

Противопоставляя Канта неокантианцам, Плеханов и дальше продолжает искать общее между материализмом и «кантианизмом». Он полагает, в частности, что и у того, и у другого человеческий разум теряется в потемках, когда выходит за пределы чувственного мира и опыта. И все же это не означает, что он не видит расхождений между философией кёнигсбергского философа и материализмом: «С Кантом можно не соглашаться, — и мы совсем не согласны с ним...», — пишет он (Плеханов, 1956в, с. 412).

При этом главный теоретический аргумент Плеханова против Канта, как полагает В. А. Чалый, «вращается вокруг вездесущей противоречивости ноуменальной причинности» (Chaly, 2018, р. 234). Плеханов в этой критике со всей обстоятельностью ссылается на сочинения Ф. Х. Якоби «О вере, или Идеализм и реализм» (1787), Г. Е. Шульца «Энезидем» (1792) и другие тексты вплоть до Маркса и Энгельса включительно. Речь идет о том, что Кант непоследователен в утверждении, будто вещи в себе вызывают явления, но при этом непознаваемы. Для Плеханова есть два пути выхода из этой проблемы: один указан Фихте и ведет к субъективному идеализму, который сам по себе непостижим и обречен на провал, другой — марксистско-материалистическое решение (Ibid.). Плеханов пишет: «Материализм... не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действие на нас. Но так как он в то же время признает, что мы познаем вещи в себе только благодаря тем впечатлениям, которые *вызываются их действием* на нас, то у него нет ни надобности, ни логической возможности считать явления вещами в себе» (Плеханов, 1956г, с. 436). От утверждения о сходстве между материализмом и кантианством он переходит к выявлению их различия, которое заключается в том, что, «признав вещи в себе *причинами* феноменов, Кант хочет уверить нас, что *категория причинности* не имеет никакого применения к вещам в себе. Материализм же, который тоже считает вещи в себе причинами феноменов, не впадает в противо-

down to Marx and Engels. The thing is that Kant is inconsistent in his claim that things-in-themselves cause phenomena while being unknowable. Plekhanov sees two ways out of the situation: one, proposed by Fichte, leads to subjective idealism which is in itself unfathomable and is doomed to failure, the other is the Marxist-materialistic solution (Ibid.). Plekhanov (1976a, pp. 409-410) writes: "[...] materialism [...] questions neither the existence of things outside of our consciousness nor their effect on us. But since it at the same time acknowledges that we cognise things-in-themselves only thanks to the impressions *caused by their effect on us*, it has neither the need nor the logical possibility to regard phenomena as things-in-themselves." Having stated that materialism and Kantianism have common features, he goes on to reveal the differences between them: "By considering things-in-themselves the *causes* of phenomena, Kant would assure us that the *category of causality* is wholly inapplicable to things-in-themselves. On the other hand, materialism, which also considers things-in-themselves the causes of phenomena, does not fall into contradiction with itself" (Ibid.). Plekhanov sees Kant's inconsistency there.

He criticises Kant over the contradiction between being and thought, and his claim that the outside world gets its laws from reason and not *vice versa*. This is closely linked with the theological notion that divine reason has dictated its laws to the world, etc. (Ibid.). And yet he continues to defend Kant from Neo-Kantians, arguing that it "is quite impossible to consider him [i.e. Kant — T.R.] a trivial and superficial thinker, as Conrad Schmidt seems to do" (Plekhanov, 1976b, p. 387).

Without going into further details of Plekhanov's critique of the theoretical propositions of Schmidt, Laßwitz or Bernstein, it has to be noted that Plekhanov did indeed

речие с самим собой» (Там же). Таким образом, Кант видится ему непоследовательным в своем утверждении.

Плеханов критикует Канта за противоречие между бытием и мышлением, за то, что у того внешний мир получает свои законы от рассудка, а не наоборот. Это тесно связано с теологическим представлением о том, что божественный рассудок продиктовал миру его законы и т.п. (Там же). И все же он продолжает защищать его от неокантианцев, полагая, что «совершенно невозможно считать его (Канта. — Т.Р.) таким плоским и поверхностным мыслителем, каким, очевидно, считает его Конрад Шмидт» (Плеханов, 1956в, с. 412).

Не вдаваясь далее в детали плехановской критики теоретических положений Шмидта, Лассвица или Бернштейна, следует отметить, что в рамках этой полемики русский мыслитель действительно обнаружил существенные различия между Кантом и его современными последователями в трактовке ряда базовых понятий его теоретической философии; он правильно оценил ту тенденцию в неокантианстве, которая была направлена на преодоление Канта. Одновременно Плеханов хотел показать и то, что те, кто «держится сегодня за философию Канта» и пытается с ее помощью осудить и подправить материализм, даже не дают себе труда ознакомиться ни с Кантом, ни с самим материализмом (Там же, с. 422). Более того, они превращают «кантианизм» в простой и чистый идеализм, против чего резко выступает Плеханов.

Интересно, что подобная критика Плехановым теоретических взглядов неокантианцев и их отхода от материалистических элементов в учении самого Канта, найдет затем свое продолжение в трактовках этого направления у В. И. Ленина, а также в советских философских изданиях, включая энциклопедические. Так, в 41-м томе «Большой советской энциклопедии» (1939) неокантианство характеризуется как

put his finger on essential differences between Kant and his contemporary followers in the interpretation of some basic concepts of his theoretical philosophy; he correctly identified the trend in Neo-Kantianism aimed at transcending Kant. By the same token, Plekhanov wanted to show that those who “firmly adhere to Kant’s philosophy” and try to use it to condemn and correct Marxism do not even bother to acquaint themselves with Kant or with materialism (*ibid.*, p. 396). Moreover, they turn “Kantianism” into idealism pure and simple, something Plekhanov vehemently objects to.

Interestingly, Plekhanov’s critique of the theoretical views of Neo-Kantians and their departure from the materialist elements in the teaching of Kant would later be picked up by Lenin as well as in the Soviet philosophical publications, including encyclopedias. Thus, Volume 41 of the *New Soviet Encyclopedia* (1939) characterises Neo-Kantianism as

a widespread reactionary trend of bourgeois imitative idealism in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries [...] as a weapon of the bourgeois struggle against dialectical and historical materialism, against Marxism [...] which in relation to the historical Kant represented “critique from the right” because it eliminated the materialistic elements from the Kantian dualism (Dyinnik, 1939, p. 634).

Incidentally, Lenin, who on the whole highly valued Plekhanov’s critique, nevertheless noted that he “criticises Kantianism (and agnosticism in general) more from a vulgar-materialistic standpoint than from a dialectical-materialistic standpoint, insofar as he merely rejects their views *a limine*,³ but does not correct them (as Hegel corrected Kant) [...]” (Lenin, 1976, p. 179).

³ “from the threshold” (Lat.).

одно из распространеннейших реакционных направлений буржуазного эпигонского идеализма второй половины 19 в. и начала 20 в. ...Распространилось... как орудие борьбы буржуазии против диалектического и исторического материализма, против марксизма. <...> Представителей... объединял... лозунг «возврат к Канту»... который по отношению к историческому Канту являлся «критикой справа», поскольку устранял материалистические элементы кантовского дуализма (Дынин, 1939, с. 634).

Кстати, Ленин, в целом высоко оценивший значение критики Плеханова, в то же самое время считал, что тот «критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine (с порога. — Т.Р.) отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения...» (Ленин, 1969, с. 161).

3. Полемика Плеханова с неокантианцами по вопросам практики политической жизни, социал-демократического и рабочего движения

Анализируя полемику Плеханова с Кантом и неокантианцами, следует отметить еще один ее вектор, который условно можно было бы назвать практически-политическим. Речь идет о критике Плехановым тех оппонентов марксизма, которые входили в число лидеров немецкой социал-демократии и созданного в 1889 г. II Интернационала. После смерти Энгельса они призывали достаточно радикально пересмотреть ряд идей философии марксизма, а для обоснования своей теоретической позиции использовали положения Канта и неокантианцев. Речь шла о поисках третьей силы как альтернативы марксизму с его идеей радикального переустройства общества и тогдашней империалистической идеологии. На страни-

3. Plekhanov's Polemic with Neo-Kantians on the Issues of Practical Politics, Social-Democratic and Workers' Movement

Plekhanov's polemic with Kant and Neo-Kantians has yet another side to it, which may be called practical-political. It has to do with Plekhanov's critique of those opponents of Marxism who were members of the leadership of German social democrats and the Second International, formed in 1889. After the death of Engels they mounted a massive campaign for a revision of some tenets of the Marxist philosophy using the provisions of Kant and Neo-Kantians to bolster their theoretical position. They were looking for a third force as an alternative to Marxism with its idea of radical restructuring of society and the imperialistic ideology of the time. They published articles in *"Die Neue Zeit"* in which they urged the need to complement Marxism with the Kantian ethic, replacing the social analysis of capitalism with moral condemnation of its negative "sides" offering, instead of class struggle, so-called social pedagogy called upon to harmonise life on the basis of socialist ideas. In this polemic Plekhanov abandons the defence of Kant and embraces the spirit of *The German Ideology* of Marx and Engels. Comparing Kant with the French who brought about real revolutionary changes in society, they wrote that Kant "was satisfied with 'good will' alone, [...] and he transferred the *realisation* of this good will, the harmony between it and the needs and impulses of individuals, to *the world beyond*" (Marx and Engels, 1990, p. 193). According to Plekhanov (1976b, p. 397), predilection for Kant's philosophy was an attempt to use it as "a powerful 'spiritual weapon' in the struggle against the ultimate aspirations of the working class". He vehemently objects to the return

цах «Die Neue Zeit» эти деятели публиковали статьи, в которых призывали дополнить марксизм этикой Канта, заменив социальный анализ капитализма нравственным осуждением его негативных «сторон», а вместо классовой борьбы предлагали так называемую социальную педагогику, которая должна была гармонизировать жизнь на основе идеалов социализма. В этой полемике Плеханов уже перестает быть защитником Канта и следует исключительно духу «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса. Сравнивая Канта с французами, осуществившими действительно революционные преобразования общества, они писали, что тот «успокоился на одной лишь “доброй воле”... и перенес осуществление этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний мир*» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 182). Согласно Плеханову, пристрастие к философии Канта является попыткой использовать ее в качестве «сильного “духовного оружия” в борьбе с крайними стремлениями рабочего класса» (Плеханов, 1956в, с. 422). Он резко выступит против возвращения именно к Канту для ревизии основ марксизма и материализма, считая, что буржуазия сегодня заинтересована в возрождении этой философии, что последняя «поможет ей усыпить пролетариат» (Плеханов, 1956г, с. 439). Кстати, такого рода оценки кантовской философии будут впоследствии многие годы пропагандироваться в советских изданиях. Полагаю, однако, что этот вектор плехановской полемики достаточно широко представлен в литературе (Лившиц, 1981, с. 40–53; Ойзерман, 2005; Румянцева, 2023; Круглов, 2024, с. 620–636). Ойзерман даже высказывает ряд критических замечаний в адрес этой полемики, замечая, что сам критик, то есть Плеханов, не всегда демонстрирует правильное понимание учения Канта; что он акцентирует свою полемику на несовместимости учения Канта с материалистической философией и обходит стороной главные темы, которые волновали в те времена представителей западноевропейской социал-демократии (Ойзерман, 2005, с. 439, 441).

to Kant in order to revise the foundations of Marxism and materialism, arguing that the bourgeoisie was interested in the revival of this philosophy, since it “will help them to lull the proletariat into quietude” (Plekhanov, 1976a, p. 413). Incidentally, this assessment of the Kantian philosophy would be promoted in Soviet publications for many years afterwards. This strand of Plekhanov’s polemic is widely represented in the literature (Livshits, 1981, pp. 40–53; Oizerman, 2005; Rumyantseva, 2023; Krouglov, 2024, pp. 620–636). Oizerman (2005, pp. 439, 441) even makes some critical remarks about this polemic, noting that Plekhanov himself does not always understand Kant correctly; that he stresses the incompatibility of Kant’s doctrine with the materialist philosophy while sidestepping the main topics that were uppermost in the minds of West European social democrats of the time.

4. Plekhanov’s Polemic with Windelband and Rickert

Along with the critique of the above-mentioned German authors who shared Neo-Kantian views, Plekhanov in the 1910s turned to the key works of the leaders of the Baden Neo-Kantianism: Wilhelm Windelband’s *Philosophy in the Spiritual Life of Nineteenth-Century Germany* (*Die Philosophie im deutschen Geistesleben des XIX. Jahrhunderts*, 1909; Russian translation: Windelband, 1910) and Heinrich Rickert’s *Sciences of Nature and Sciences of Culture* (*Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, 1910; Russian translation: Rickert, 1911). He writes, among other things, two reviews of the Russian translations of these works which were published by the Russian literary, scientific and political monthly “*Sovremenniy mir*” (“Modern World”) in St. Petersburg from 1906 until October of 1918. His interest in these particular books was prompted

4. Полемика Плеханова с Виндельбандом и Риккертом

Наряду с критикой вышеперечисленных немецких авторов, разделявших позиции неокантианства, Плеханов в 1910-х гг. обращается к центральным работам самих схоластов баденского неокантианства — В. Виндельбанда «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия» (Виндельбанд, 1910) и Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» (Риккерт, 1911). Он пишет, в частности, две рецензии на русские переводы этих работ, которые были опубликованы в российском ежемесячном литературном, научном и политическом журнале «Современный мир», выходившем в Санкт-Петербурге с 1906 по октябрь 1918 г. Его интерес именно к этим книгам был во многом обусловлен тем, что в них разрабатывались проблемы исторической методологии, явно не согласующейся с той, которая была выработана классиками марксизма и которой придерживался — более того, всячески развивал и популяризировал — сам Плеханов.

В своей рецензии на книгу Виндельбанда он, с одной стороны, отмечает что попытка немецкого философа «выяснить в связи общего исторического развития немецкой нации в течение XIX столетия те мотивы мировоззрения, которые играют в нем известную роль и в которых отражается сама жизнь» (Виндельбанд, 1910, с. 90), является «очень интересной и важной задачей» (Плеханов, 1957а, с. 443). Но, с другой стороны, Плеханов считает, что для того, чтобы разрешить эту задачу, «необходимо прежде всего крепко усвоить себе основное положение материализма, гласящее, что не мышление определяет собой бытие, а бытие определяет собой мышление» (Там же).

Плеханов полагает далее, что обращение Виндельбанда к неокантианству является необходимым маневром для объяснения глубокого теоретического кризиса в европейской мысли конца XIX в., суть которого в ориентации ряда авторов, во главе с самим Виндель-

by the fact that they addressed the issues of historical methodology, which was in stark contrast with the methodology of the Marxist classics to which Plekhanov adhered and which he developed and popularised.

In his review of Windelband's book Plekhanov, on the one hand, notes that the German philosopher's attempt "in the context of the general historical development of the German nation during the nineteenth century to elucidate the elements of a world-outlook which play a definite role in this development, and in which life itself is reflected" (Windelband, 1910, p. 90), was "a very interesting and important task" (Plekhanov, 1976f, c. 419). But on the other hand, Plekhanov believes that in order to solve this task "it is necessary, first of all, to master thoroughly the basic proposition of materialism: that it is not thinking which determines being, but being which determines thinking" (*ibid.*).

Plekhanov believes that Windelband invoked Neo-Kantianism as a necessary manoeuvre in order to explain the deep theoretical crisis of European thought in the late nineteenth century, which was essentially the upshot of the orientation of some authors, above all Windelband himself, toward idealism while totally ignoring the materialist propositions, i.e. failure to understand the dialectical character of the materialist view of history. Plekhanov writes that Windelband's views "on materialism in general and historical materialism in particular are the views of a prejudiced idealist who remains blind to the most important and strongest sides of the theory he is trying to refute" (*ibid.*). Thus the main aim of the polemical review is to critique Windelband's idealistic position and to consistently protect Marxism as a doctrine of transforming the social process from being distorted by the Neo-Kantians.

бандом, на идеализм и полное игнорирование материалистических положений, то есть непонимание диалектичности материалистического взгляда на историю. Он пишет, что взгляд Виндельбанда «на материализм вообще и на исторический материализм в частности есть взгляд предубежденного идеалиста, остающегося слепым по отношению к самым важным и сильным сторонам отвергаемой им теории» (Там же). Таким образом, цель этой полемической рецензии заключается в критике идеалистической позиции Виндельбанда и последовательной защите марксизма как учения, способствующего преобразованию общественного процесса, от субъективистского искажения его неокантианцами.

Примерно в таком же духе разворачивается полемика Плеханова с Риккертом в рецензии на книгу «Науки о природе и науки о культуре». Не вдаваясь в детали этой полемики, отмечу, что главным ее нервом является опять же защита Плехановым материалистического понимания истории и упреки в адрес Риккерта в связи с неправильным толкованием его как только «попытки “превращения всей истории в экономическую историю, а затем и в естествознание”» (Плеханов, 1957б, с. 508) и потому отвержением как несостоятельного. Плеханов так и пишет: «...сторонники исторического материализма решительно никогда не пытались “превратить всю историю в экономическую историю”. ...Им еще менее того приходило в голову превратить “затем” экономическую историю в естествознание» (Там же). Причину такой трактовки учения Маркса он увидел в том, что «Риккерт и подобные ему ученые из рук вон плохо понимают исторический материализм не по каким-нибудь личным причинам, а потому, что их умственный кругозор ограничен предрассудками, свойственным целому классу. Это именно о них можно сказать, что те пустяки, которые называются у них изложением исторического материализма, “обусловлены совершенно ненаучными политическими соображениями”» (Там же, с. 510). Плеханов упре-

Plekhanov's polemic with Rickert in his review of the book *Sciences of Nature and Sciences of Culture* is developed in approximately the same spirit. Without going into the details of this polemic, it should be noted that the main thrust of the review is Plekhanov's defence of the materialist view of history and criticism of Rickert for misinterpreting this view in “an attempt ‘to transform all history into economic history and then into natural science’” (Plekhanov, 1976g, p. 481) and thus to reject it as untenable. Plekhanov writes: “the adherents of historical materialism have never attempted to ‘transform all history into economic history’. [...] it has even less entered their heads ‘then’ to transform economic history into natural science” (*ibid.*). Plekhanov attributes this interpretation of Marx's doctrine to the fact that “[...] Rickert and other scientists like him do not have the foggiest notion of historical materialism, not for any personal reason, but because their intellectual field of vision is clouded by prejudices that are peculiar to a whole class. It might truly be said of them that the rubbish they offer as an exposition of historical materialism is determined by ‘a completely unscientific political prejudice’” (*ibid.*, p. 483). Plekhanov accuses the German philosopher of being, like Windelband, insufficiently versed in the works of Marxist classics, juxtaposing fundamental categories of being and thinking. Plekhanov also criticises his value-based approach to historical events and his interpretation of cultural value as the basis of being. Thus, Plekhanov sees the main shortcoming of Neo-Kantian ideas of the philosophy of history in their detachment from historical reality, their reluctance to see reality in all its diversity and, as a consequence, their subjectivism and idealism in interpreting history.

кает немецкого философа в том, что тот, как и Виндельбанд, недостаточно осведомлен о трудах классиков марксизма, противопоставляя фундаментальные категории бытия и мышления. Плеханов критикует его и за ценностный подход к историческим событиям, а также за трактовку культурной ценности как основы бытия. Таким образом, главный недостаток неокантианских представлений в области философии истории Плеханов усмотрел в их отрыве от исторической действительности, нежелании видеть эту действительность в присущем ей многообразии и, как следствие, за субъективизм и идеализм в интерпретации истории.

5. Заключение

Анализ различных векторов полемики Плеханова с неокантианцами показал, что эту так называемую защиту русским мыслителем Канта не следует, однако, понимать и принимать буквально — как стремление действительно оградить учение «кёнигсбергского мудреца» от новейших искажающих его трактовок, да и вряд ли сам Кант в такой защите нуждался. Будучи верным марксистом, Плеханов ставил перед собой совсем другую цель — защитить марксистский материализм Маркса и Энгельса от многочисленных нападков своих оппонентов. Он так и писал в статье «Материализм или кантианизм»: «Я защищаю и всегда буду защищать этот взгляд с горячностью и с убеждением», а сама эта полемика «касается важнейших вопросов человеческого знания и вместе с тем затрагивает самые насущные интересы рабочего класса» (Плеханов, 1956г, с. 441). Высоко оценивая учение Канта и найдя у него целый ряд совпадений с материализмом, он был справедливо убежден, что его оппоненты искажают учение Канта, которое виделось ему в ином свете. Однако анализ работ Плеханова показывает, что в трактовке основных идей немецкого философа он и сам не всегда был прав: он не увидел существенной разницы между взглядами Канта и французских материалистов; непра-

5. Conclusion

The above review of various aspects of Plekhanov's polemic with Neo-Kantians shows that his so-called defence of Kant should not be understood literally as the wish to protect the teaching of "the Königsberg sage" against later distortions. Not that Kant needed such defence. Being a dedicated Marxist, Plekhanov pursued a totally different goal, and that is to protect the Marxian materialism of Marx and Engels from numerous attacks by their opponents. As he wrote in his article "Materialism and Kantianism", "I defend and shall always continue to defend that view with ardour and conviction", and the polemic itself "is concerned with the most important questions of human knowledge, and, at the same time, with the most vital interests of the working class" (Plekhanov, 1976a, p. 414). While holding Kant's doctrine in high regard and finding in it some things in common with materialism, he was rightly convinced that his opponents were distorting Kant's doctrine, which he saw in a different light. However, an analysis of Plekhanov's works shows that his interpretation of Kant's main ideas was not always right: he overlooked the important difference between Kant and the French materialists; he failed to distinguish the concepts of Kant's thing-in-itself being unknowable and being unknown; he exaggerated the similarities between some of Kant's propositions and Marxist materialism etc.

Nevertheless, the polemic presented above has not lost its relevance because many of Plekhanov's ideas were later echoed in the Soviet and post-Soviet literature on Kant and Neo-Kantians. It has to be remembered, for example, that Lenin's views on Kant's philosophy, which determined the perception and assessment of Kant in the USSR for decades, owes much to Plekhanov's influence.

вомерно отождествлял непознаваемость вещи в себе у Канта с ее непознанностью; преувеличивал сходство ряда положений философии Канта с марксистским материализмом и т.п.

Тем не менее представленная полемика и сегодня имеет для нас не только исторический интерес, так как многие идеи Плеханова нашли впоследствии свое отражение в советской и постсоветской философской литературе о Канте и неокантианцах. Не стоит забывать, в частности, что взгляды Ленина на философию Канта, определившие на десятилетия содержание характеристик и оценок работ Кёнигсбергского мыслителя в СССР, во многом сформировались именно под влиянием Плеханова.

Знакомство с полемическими работами Плеханова, в центре которых стоит фигура Канта, может сыграть значимую роль и при обсуждении ряда проблем в дискуссиях, посвященных интерпретации как учения Канта в целом, так и его фундаментальных понятий, например природы вещи в себе, тезиса Канта о ее непознаваемости, сущности трактовки им познавательного процесса, релевантных современной философии науки методов познания и т.п. Это тем более важно, что и сегодня учение Канта продолжает искажаться и использоваться разными силами для обоснования собственных философско-теоретических и практических интересов. Тем не менее Кант и его идеи, как показал Международный Кантовский конгресс в Калининграде, посвященный 300-летию со дня рождения великого философа, остается живой компонентой философского дискурса.

Список литературы

Белов В. Н. Русское неокантианство: история и особенности развития // Кантовский сборник. 2012. Т. 39, № 1. С. 27–39.

Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / авториз. пер. с нем. М. М. Рубинштейна. М. : Звено, 1910.

Дмитриева Н. А. Философия гуманизма и просвещения: критерии, специфика, проблематика русского неокантианства // Философские науки. 2007а. № 1. С. 101–119.

Acquaintance with Plekhanov's polemical works focused on the figure of Kant may be helpful in dealing with a number of problems that crop up in the discussions of the interpretation of Kant's doctrine as a whole and some of its fundamental concepts, such as the nature of the thing-in-itself, Kant's unknowability thesis, his interpretation of the cognitive process, cognitive methods relevant to the modern philosophy of science, etc. This is all the more important because today Kant's doctrine continues to be distorted and used to promote philosophical-theoretical and practical interests. Even so, Kant and his ideas remain a vibrant component of the current philosophical discourse, as highlighted by the International Kant Congress held in Kaliningrad to mark the tercentenary of the great philosopher's birth.

References

Belov, V. N., 2012. Russian Neo-Kantianism: History and Peculiarities of Development. *Kantian Journal*, 39(1), pp. 27-39. (In Rus.)

Chaly, V., 2018. Kantianism and Anti-Kantianism in Russian Revolutionary Thought. *Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 8, pp. 218-241. <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.2331766>

Dmitrieva, N. A., 2007a. Philosophy of Humanism and Enlightenment: Criteria, Specificity, and Problems of Russian Neo-Kantianism. *Filosofskie nauki*, 1, pp. 101-119. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2007b. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Dynnik, M., 1939. Neo-Kantianism. In: O. Ju. Shmidt, ed. 1939. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [Big Soviet Encyclopedia]. Volume 41. Moscow: OGIZ RSFSR, pp. 634-639. (In Rus.)

Engels, F., 1990a. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy. In: K. Marx and F. Engels, 1990. *Collected Works. Volume 26. Engels: 1882-1889*. London: Lawrence & Wishart, pp. 353-398.

Engels, F., 1990b. Introduction to the English Edition (1892) of *Socialism: Utopian and Scientific*. In: K. Marx and F. Engels, 1990. *Collected Works. Volume 27. Engels: 1890-1895*. London: Lawrence & Wishart, pp. 278-302.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М. : РОССПЭН, 2007б.

Дынский М. Неокантианство // Большая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М. : ОГИЗ РСФСР, 1939. Т. 41. С. 634–639.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–152.

Круглов А. Н. Философия Канта в России. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1969. Т. 29. С. 77–218.

Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова. Минск : Вышэйшая школа, 1981.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Гос. изд. полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.

Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2005.

Ойзерман Т. И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

Перейра С. Р. Подлинная цель кантовского «Опровержения идеализма» // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 3. С. 7–31.

Плеханов Г. В. Бернштейн и материализм // Избр. философские произведения в пяти томах. М. : Гос. изд. полит. лит., 1956а. Т. 2. С. 346–362.

Плеханов Г. В. Кант против Канта // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Гос. изд. полит. лит., 1956б. Т. 2. С. 374–403.

Плеханов Г. В. Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Гос. изд. полит. лит., 1956в. Т. 2. С. 403–422.

Плеханов Г. В. Материализм или кантианизм // Избр. философские произведения в пяти томах. М. : Гос. изд. полит. лит., 1956г. Т. 2. С. 423–442.

Плеханов Г. В. О мнимом кризисе марксизма // Избр. философские произведения в пяти томах. М. : Гос. изд. полит. лит., 1956д. Т. 2. С. 335–346.

Плеханов Г. В. О книге В. Виндельбанда. В. Виндельбанд. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // Избр. философские произведения в пяти томах. М. : Гос. изд. полит. лит., 1957а. Т. 3. С. 443–447.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. Prolegomena to any Future Metaphysics that Will be Able to Come forward as Science. In: I. Kant, 2004. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-170.

Krouglov, A. N., 2024. *Filosofija Kanta v Rossii*. [Kant's Philosophy in Russia]. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Lenin, V. I., 1976. Conspectus of Hegel's Book *The Science of Logic*. In: V. I. Lenin, 1976. *Collected Works. Fourth Edition. Volume 38: Philosophical Notebooks*. Moscow: Progress Publishers, pp. 85-237.

Livshic, G. M., 1981. *Kritika idealizma i religii v trudah G. V. Plehanova* [Critique of Idealism and Religion in the Works of G. V. Plekhanov]. Minsk: Vyshhejschaja shkola. (In Rus.)

Marx, K. and Engels, F., 1990. The German Ideology. In: K. Marx and F. Engels, 1990. *Collected Works. Volume 5. Marx and Engels: 1845–1847*. London: Lawrence & Wishart, pp. 19-539.

Oizerman, T. I., 2005. *Opravdanie revizionizma* [Justification of Revisionism]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitacija". (In Rus.)

Oizerman, T. I., 2008. *Kant i Gegel' (opyt sravnitel'nogo issledovaniya)* [Kant and Hegel (A Comparative Study)]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitacija". (In Rus.)

Pereira, S. R., 2019. The Real Target of Kant's Refutation. *Kantian Journal*, 38(3), pp. 7-31. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-3-1>

Plekhanov, G. V., 1976a. Materialism or Kantianism. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 398-414. (In Rus.)

Plekhanov, G. V., 1976b. Conrad Schmidt versus Karl Marx and Frederick Engels. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 379-397.

Plekhanov, G. V., 1976c. On the Alleged Crisis in Marxism. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 315-325.

Plekhanov, G. V., 1976d. Bernstein and Materialism. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 326-339.

Plekhanov, G. V., 1976e. Kant against Kant. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 352-378.

Плеханов Г. В. О книге Г. Риккерта. Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре // Избр. философские произведения в пяти томах. М. : Гос. изд. полит. лит., 1957б. Т. 3. С. 508–516.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. со 2-го нем. изд. / под ред. [и со вступ. ст.] С. Гессена. СПб. : Образование, 1911.

Румянцева Т. Г. Философия И. Канта как предмет полемики Г. В. Плеханова с лидерами II Интернационала // Третьи международные плехановские чтения: сб. науч. ст. / сост. Г. Ч. Лянькевич, А. Ю. Дудчик. Минск : Право и экономика, 2023. С. 35–44.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961а. Т. 21. С. 269–317.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат. 1961б. Т. 22. С. 294–320.

Chaly V. Kantianism and Anti-Kantianism in Russian Revolutionary Thought // Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy. 2018. № 8. P. 218–241.

Steila D. Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge: A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht : Springer Science + Business Media, 1991.

Об авторе

Татьяна Герардовна Румянцева, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: t.rumyan30@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-9852>

Для цитирования:

Румянцева Т. Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 89–106.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-4>

© Румянцева Т. Г., 2025.

Plekhanov, G. V., 1976f. On Mr Windelband's Book. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 419-423.

Plekhanov, G. V., 1976g. On Mr Heinrich Rickert's Book. In: G. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 481-486.

Rickert, H., 1911. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [*Sciences of Nature and Sciences of Culture*]. Translated by S. Gessen. Saint-Petersburg: Obrazovanie. (In Rus.)

Rumyantseva, T. G., 2023. I. Kant's Philosophy as a Subject of Plekhanov's Polemics with the Leaders of the Second International. In: G. Ch. Lyankevich and A. Ju. Dudchik, 2023. *Tret'i mezhdunarodnye plekhanovskie chteniya* [*The Third International Plekhanov Readings*]. Minsk: Pravo i ekonomika, pp. 35-44. (In Rus.)

Steila, D., 1991. *Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge: A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology*. Dordrecht: Springer Science + Business Media.

Windelband, W., 1910. *Filosofija v nemeckoj duhovnoj zhizni XIX stoletija* [*Philosophy in the German Spiritual Life of the Twentieth Century*]. Translated by M. M. Rubinstein. Moscow: Zveno. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Tatyana Gerardovna **Rumyantseva**, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: t.rumyan30@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-9852>

To cite this article:

Rumyantseva, T. G., 2025. Plekhanov as “Defender” of Kant from Neo-Kantians. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 89-106.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-4>

© Rumyantseva T. G., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КАНТ В РУССКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ
ПРАВЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫД. О. Рожин¹

Вне поля зрения историков русской философии еще остаются неопубликованные материалы, способные высветлить неизвестные аспекты рецепции кантовской философии в России. Один из таких материалов, публикуемый в приложении к этой статье, обнаружен в архиве Б. В. Никольского, где он фигурирует под названием «Статья С.В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта. 1904 г.». Он посвящен кантовской философии права, истоки которой возведены к Французской революции. Кроме того, автор рукописи заявляет о влиянии правовой концепции Канта на становление науки полицейского права реформы Александра II. Наконец, обращает на себя внимание и то, что автор называет Канта «националистом по личным качествам» и одновременно «гением всемирным по учению», чьи идеи сохраняют актуальность спустя сто лет. Текстологический и историко-философский анализ рукописи позволил идентифицировать ее автора — им оказался профессор полицейского права Санкт-Петербургского университета С. В. Ведров, об интересе которого к философии Канта до сих пор не было известно. Для реконструкции позиции Ведрова по отношению к кантовской философии права в целом и установления ее истоков рассматриваются взгляды его коллег и наставников — Б. В. Никольского, И. Е. Андреевского и К. А. Неволина, проявивших, каждый по-своему, интерес к взглядам кёнигсбергского мыслителя. Таким образом, в философскую историографию вводятся имена и идеи, ранее не учитывавшиеся при исследовании рецепции философии Канта в России.

Ключевые слова: Кант в России, С. В. Ведров, И. Е. Андреевский, Роберт фон Мольте, К. А. Неволин, Б. В. Никольский, правовое государство, полицейское право, философская рецепция

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 10.01.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-5

KANT IN RUSSIAN POLICE LAW:
UNKNOWN PAGESD. O. Rozhin¹

Outside the view of historians of Russian philosophy there are still unpublished materials that can illuminate unknown aspects of the reception of Kant's philosophy in Russia. One piece of such material, which is published in the appendix to this article, was found in the archive of B. V. Nikolsky, where it is titled "Article by S.V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant's Death. 1904". It is devoted to Kant's philosophy of law, the origins of which are traced back to the French Revolution. In addition, the author of the manuscript claims that Kant's legal conception influenced the development of the science of police law and the reforms of Alexander II. Finally, it is interesting to note that its author describes Kant as "a nationalist in terms of personal qualities" and "a world genius in terms of his doctrine", a doctrine whose ideas had not lost their relevance a hundred years after his death. Textological and historical-philosophical analysis has established the identity of its author. He was S. V. Vedrov, Professor of Police Law at St. Petersburg University, previously not known to be interested in Kant's philosophy. To reconstruct Vedrov's position on the Kantian philosophy of law in general I look at the views of his colleagues and mentors: B. V. Nikolsky, I. E. Andreyevsky and K. A. Nevolin, each of whom had in their own way exhibited an interest in Kant's doctrine. This introduces into the history of philosophy new names and ideas previously ignored in the research of the reception of Kant's philosophy in Russia.

Keywords: Kant in Russia, Sergei Vedrov, Ivan Andreyevsky, Robert von Mohl, Konstantin Nevolin, legal state, police law, philosophical reception

¹Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.
Received: 10.01.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-5

В 1904 г. в России широко отмечалось неординарное событие — 100 лет со дня смерти Иммануила Канта. По этому поводу состоялись торжественные заседания в различных научных обществах и были изданы разнообразные заметки и публикации о кёнигсбергском философе (см.: Введенский, Рожин, 2024, с. 150—153). В архиве рукописей русского литератора, поэта, политического деятеля и ученого-правоведа Бориса Владимировича Никольского (1870—1919) (см. о нем: Ерёмин, 2020) хранится манускрипт, названный, скорее всего фондообразователем, как «Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта» (Статья, 1904). Авторский заголовок содержит только день смерти Канта по старому и новому стилям и указание на юбилейный год: «30 января / 12 февраля 1904 г.». Помимо того, что данный текст имеет загадочное авторство — в конце рукописного текста фамилия автора вымарана, оставлены только инициалы «С. В.», он примечателен еще и тем, что здесь в заслугу кантовской теории правового государства ставятся реформы, проведенные Александром II, в частности отмена крепостного права (см. ниже, с. 123).

Сам Никольский, в чьем распоряжении по неизвестным причинам оказалась публикуемая рукопись, был убежденным монархистом и консерватором, с 1903 г. — членом «Русского собрания» (см.: Шимбирёва, 2019), придерживался славянофильских взглядов, а идеалом русского правителя считал не Александра II, а Александра III, проводившего политику монархической реакции (см.: Стогов, 2020, с. 273—279). Вместе с тем к философии у Никольского было трепетное отношение. Он увлекался чтением философской литературы и к концу жизни собрал большую библиотеку, в которой целый шкаф отводился под философские сочинения, где среди прочих были работы Канта, Ницше, Гоббса и Шопенгауэра (Никольский, 2015б, с. 259).

In 1904 the centenary of Kant's death was marked in Russia on a lavish scale. Gala meetings were held in various scholarly societies and various articles were published about the Königsberg philosopher (see Vvedensky and Rozhin, 2024, pp. 150–153). The archive of manuscripts owned by Boris V. Nikolsky (1870–1919) (on this person see Yeryomin, 2020) contains a manuscript entitled, (apparently by the collector of the find) “Article by S. V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant's Death” (S. V., 1904). The author's title contains only the date of Kant's death according to the Old and New Styles and an indication of the jubilee year “30 January / 12 February 1904”. The author of the text is enigmatically referred to by the initials “S.V.” Interestingly, the author believes that the Kantian theory of the legal state was an inspiration of the reforms carried out by Alexander II, notably the abolition of serfdom (see below, p. 122).

Nikolsky, in whose possession the manuscript in some mysterious way came to rest, was a convinced monarchist and conservative and a member of the Russian Assembly (see Shimbireva, 2019) since 1903. He was a Slavophile for whom the ideal Russian ruler was not Alexander II but Alexander III, who pursued a policy of monarchist reaction (see Stogov, 2020, pp. 273–279). At the same time, Nikolsky was an ardent fan of philosophy. He read philosophical literature and by the time of his death had amassed a large library in which a whole bookcase was devoted to philosophical writings, including the works of Kant, Nietzsche, Hobbes and Schopenhauer (Nikolsky, 2015b, p. 259).

In his diary for 1901 Nikolsky, reflecting on his own juridical views, asked himself, “what is the essence of my idea?” and answered, “its philosophical character. Philosophy is the soul of my law studies” (Nikolsky, 2015a, p. 444).

В своем дневнике за 1901 г. Никольский, размышляя над собственной юридической концепцией, задается вопросом «И в чем главная сущность моей идеи?» и отвечает: «В ее философичности. Философия — душа моего правоведения» (Никольский, 2015а, с. 444). Монархические взгляды Никольского нисколько не противоречили его увлеченности философией, поскольку он считал, что «монархия благоприятна философии, в частности философии права. Она выжимает из свободной мысли высшие обобщения» (Там же, с. 461).

Что касается отношения к мыслителю из Кёнигсберга, то в дневнике за 1900 г. Никольский, представляя общую характеристику своих философских взглядов, указывает на заслугу Канта в том, что им был снят субстанциальный дуализм двух бесконечностей — материи и духа, а вместе с тем дуализм «я» и мира. В то же время Никольский находился под влиянием Шопенгауэра, что прочитывается в одном из его тезисов, охарактеризованном самим Никольским как «зерно» всего его мировоззрения: «Разум подзаконен, познание и сознание закономерны... <...> ...подзаконность, закономерность сознания гласит, что мир есть представление, т.е. что я — творец мира. <...> Бытие мира есть бытие нашего я изнутри я; а наше я снаружи есть бытие познаваемого мира» (Там же, с. 398). При этом Никольский утверждает, что общий закон познания есть «несоизмеримость познаваемого с Ding an sich» (Там же, с. 399), соответственно, несоизмеримость бытия и познания. Напротив, совпадение бытия и разума русский мыслитель считает абсурдом.

Представленные биографические сведения позволяют в некоторой степени объяснить, почему рукопись с восторженными отзывами о Канте могла оказаться в архиве члена правомонархической организации. Сам этот факт вместе с тем обстоятельством, что содержание манускрипта имеет юридический контекст, указывает на связь автора текста с наукой о праве.

Nikolsky's monarchist views were no obstacle to his enthusiasm for philosophy. Indeed, he believed that "monarchy favours philosophy, in particular the philosophy of law. It teases higher generalisations out of the free thought" (*ibid.*, p. 461).

As for his attitude to Kant, in his diary for 1900 Nikolsky, setting forth his overall philosophical position, credits Kant with overcoming the substantive dualism of two infinities, matter and spirit and, at the same time, the dualism of "I" and the world. At the same time Nikolsky is under the influence of Schopenhauer, as witnessed by one of his theses which Nikolsky considers to be the "kernel" of his world view: "Reason is the legal state, cognition and consciousness obey laws [...] conformity of consciousness to laws means that the world is representation, i.e. I am the creator of the world [...]. The being of the world is the being of I from within I; our I from without is the being of the cognised world" (*ibid.*, p. 398). At the same time Nikolsky maintains that the overarching law of cognition is "incommensurability of what is cognised with the *Ding an sich*", and accordingly, incommensurability of being and cognition. By contrast, he considers commensurability of being and reason to be absurd (*ibid.*, p. 399).

The above biographical data go some way toward explaining why a manuscript eulogising Kant ended up in the archive of a member of a right-wing pro-monarchy organisation. This fact, along with the fact that the manuscript is placed in a legal context, points to the author's connection with legal science.

One of the clues to the identity of the manuscript's author is the mention in the manuscript of the prominent Russian lawyer and editor of the first eight volumes of the Brokhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, Professor and Rector of the

Одной из главных подсказок, позволяющих идентифицировать автора рукописи, является упоминание в ней известного русского юриста, редактора первых восьми томов «Энциклопедического словаря», издававшегося акционерным обществом «Ф.А. Брокгауз — И. А. Ефрон», профессора и ректора Императорского Санкт-Петербургского университета (далее — СПбУ) Ивана Ефимовича Андреевского (1831–1891). Последний характеризуется автором рукописи как «поклонник реформ шестидесятых годов», который стремился «провести и в практику русского управления начала правовой теории Канта, примененные к системе внутреннего управления Р. ф. Молем» (см. ниже, с. 123). Это позволяет ограничить поиск кругом лиц, которые не только интересовались кантовской философией права, но к тому же были связаны и с Никольским, и с Андреевским. Более того, интерес автора рукописи к взглядам на полицейское право Роберта фон Моля (1799–1875) и Андреевского позволяет предположить, что он сам мог заниматься указанной проблематикой и издать какие-либо работы по полицейскому праву.

У Андреевского был ученик, удостоенный степени магистра полицейского права, ставший впоследствии профессором полицейского права в СПбУ — Сергей Владимирович Ведров² (1855–1909) (см.: Поленов, 1896). При этом с ним был знаком и Никольский, они вместе работали в СПбУ. В частности, в дневниках Никольский упоминает Ведрова как члена экзаменационной комиссии по случаю своей магистерской защиты, относя его к категории «лиц без речей» (Никольский, 2015а, с. 141). Другой раз Никольский пишет о Ведрове в контексте подготовки своей вступительной лекции по семейному праву в СПбУ в 1899 г.: видимо, он же

Imperial St. Petersburg University Ivan Ye. Andreyevsky (1831–1891). The latter is described by the author of the manuscript as an “admirer of the 1860s reforms” who sought to “apply to Russian government the principles of Kant’s law theory which R. von Mohl applied to the system of internal government” (see below, p. 122). This limits the circle of persons who were not only interested in Kant’s philosophy of law, but were connected both with Nikolsky and Andreyevsky. Moreover, the interest the author of the manuscript shows in the views on police law held by Robert von Mohl (1799–1875) and Andreyevsky suggests that he himself may have been interested in these problems and published some works on police law.

Andreyevsky had a pupil who held a Master’s Degree in police law and later became a Professor of Police Law at St. Petersburg University, Sergey V. Vedrov² (1855–1909) (see Polenov, 1896). Nikolsky was acquainted with Vedrov, worked with him at St. Petersburg University. In his diaries Nikolsky (2015a, p. 141) mentions Vedrov as a “non-speaking” member of the examination board that awarded him the Master’s Degree. On another occasion Nikolsky writes about Vedrov in the context of preparations for his inaugural lecture on family law at St. Petersburg University in 1899, apparently he wanted to discuss the plan of his speech with Vedrov (*ibid.*, pp. 305–307). Finally, Vedrov mentions Nikolsky without any characteristics in connection with the scandalous defence of a magister’s dissertation on civil law by Vasily I. Adamovich (*ibid.*, p. 333).

² В фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились два письма С.В. Ведрова: неустановленному лицу «Генриху Антоновичу» от 18.10.1901 г. (Ф. 1654 (Половцовы). Оп. 1. Д. 1175) и А.В. Половцову от 19.10.1891 г. (Ф. 1654. Оп. 1. Д. 302). Оба текста написаны тем же почерком, что и «Статья С.В. ...», и подписаны «Ведров».

² In the collections of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) there are two letters of S. V. Vedrov: to an unknown person named “Genrikh Antonovich” dated 18 October 1901 (RGIA, coll. 1654 (Polovtsovy), inv. 1, № 1175) and to Anatoly V. Polovtsov dated 19 October 1891 (coll. 1654, inv. 1, № 302). Both texts are in the same handwriting as the “Article by S. V. ...”, and signed “Vedrov” (“Vyodrov”).

лал обсудить с Ведровым план своего выступления (Там же, с. 305—307). Наконец, Ведрова без каких-либо характеристик Никольский упоминает по случаю скандальной магистерской защиты В. И. Адамовича по гражданскому праву (Там же, с. 333).

В пользу авторства Ведрова косвенно свидетельствуют упоминания и оценки Андреевского и Моля, явно перекликающиеся с тем, что Ведров написал в некрологе на смерть Андреевского в 1891 г. В нем он характеризует своего учителя и наставника как «представителя полицейской науки», занимавшего в СПбУ самостоятельную с 1857 г. кафедру полицейского права (Ведров, 1891, с. 1—3). Самым «обширным и основным» трудом Андреевского Ведров считает «Полицейское право», изданное в двух томах в 1870-х гг., где в виде системы представлены начала полицейской науки, в частности произведен анализ иностранных и отечественного полицейских законодательств (Там же, с. 9). Из людей, повлиявших на взгляды Андреевского, Ведров выделяет Константина Алексеевича Неволлина (1806—1855), профессора и декана юридического факультета СПбУ, стоявшего у истоков юридической науки в России, и Петра Давыдовича Калмыкова (1808—1860), директора 1-й Санкт-Петербургской гимназии, где учился Андреевский.

Интересна также характеристика, данная Ведровым Андреевскому как человеку, ученому и юристу:

Ив. Еф. принадлежал к представителям просвещенного либерализма... В политике его пленяло учение Роберта ф. Моля и философские положения о государстве правовом, где свобода человека наилучше уживалась бы со строгими правовыми нормами... Либеральные и гуманные воззрения Ив. Еф. выражались и в действиях в обыденной жизни; он относился ко всем людям сочувственно и держался со всеми ровно... Маленькое его хозяйство служило ему поводом на практике показать свои убеждения об отношениях между социальными классами (Там же, с. 12—13).

Indirect proofs of Vedrov's authorship are his references to and assessments of Andreyevsky and von Mohl which have clear echoes of what Vedrov wrote in Andreyevsky's obituary in 1891. In it he referred to his teacher and mentor as "a representative of police science" who since 1857 was the head of the chair of police law at St. Petersburg University (Vedrov, 1891, pp. 1-3). Vedrov considers Andreyevsky's two-volume book *Police Law*, published in the 1870s, to be "the largest and most fundamental" work which presents as a system the principles of police science, including an analysis of police legislation in and outside Russia (*ibid.*, p. 9). Of the people who influenced Andreyevsky most Vedrov singles out Konstantin A. Nevolin (1806—1855), professor and dean of St. Petersburg University's Law Department who was one of the founders of the science of law in Russia, and Pyotr D. Kalmykov (1808—1860), principal of the First St. Petersburg Gymnasium where Andreyevsky studied.

Vedrov gave an interesting description of Andreyevsky as a person, scholar and lawyer:

Iv[an] Yef[imovich] was a representative of enlightened liberalism [...]. In politics, he was fascinated by the teaching of Robert von Mohl and the philosophical propositions concerning the legal state where freedom of the individual went hand in hand with strict legal norms... Iv. Yef.'s liberal and humanitarian views manifested themselves in daily life; he treated all people with sympathy and in an even-handed manner. His small department gave him a chance to demonstrate his convictions about the relations between social classes in practice (*ibid.*, pp. 12-13).

Vedrov mentions von Mohl not only in the obituary, but also, for example, in the review of Vladimir F. Deryuzhinsky's police law manual for students. Criticizing the manual, Vedrov takes issue with the flawed critique of

Моля Ведров упоминает не только в некрологе, но также, например, в рецензии на учебное пособие В. Ф. Дерюжинского по полицейскому праву для студентов. Он отмечает неудачную критику в нем полицейского права Моля, которого Ведров характеризует как «защитника индивидуальной свободы», стремившегося примирить «самостоятельное существование науки полиции с требованиями теории правового государства» (Ведров, 1904, с. 5). Упоминает он здесь и одну из ключевых работ Моля «*Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*» (1832–1834; рус. пер.: «Наука полиции по началам юридического государства», 1871), первые два тома которой, по мнению Ведрова, заключают в себе «совершенно законченное учение о полиции» по трем разделам: по отношению к физической личности, к духовной личности и к имуществу (Там же). В той же рецензии Ведров назовет Моля одним из «корифеев науки полиции» (Там же, с. 6).

Найти же высказывания по поводу Канта в сочинениях Ведрова, преимущественно посвященных русскому праву, межевому и полицейскому праву и лесохранению, мне не удалось. Тем не менее близкое знакомство с Андреевским, хорошее знание идей Моля и других немецких правоведов, наконец заграничная научная командировка, в том числе³ в Гейдельбергский университет в 1878–1879 гг., где начало формироваться одно из неокантианских течений, позволяет с большой вероятностью предположить хорошее знакомство Ведрова с философией Канта. В Гейдельберге Ведров слушал лекции и участвовал в семинарах приемника Моля по кафедре государственоведения и науки полиции Иоанна Каспара Блунчли (1808–1881) и профессора политологии Карла Густава Адольфа Книса (1821–1898) (Поленов, 1896, с. 134). Кантовское учение о государстве, по утверждению Блунчли, лежит на том же основании, что и учение радикальной шко-

the police law of von Mohl whom he describes as “a champion of individual freedom” who sought to reconcile “the independent existence of police science with the principles of the theory of the legal state” (Vedrov, 1904, p. 5). He cites one of von Mohl’s key works, *Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates* (1832–1834; Russian Translation: *Police Science on the Principles of the Legal State*, 1871). Vedrov believes that the book’s first two volumes represent “a complete teaching on police” in three aspects: with respect to the physical individual, with respect to the spiritual individual and with respect to property (*ibid.*). In the same review Vedrov describes von Mohl as “the luminary of police science” (*ibid.*, p. 6).

I have not found any references to Kant in Vedrov’s writings, most of which are devoted to Russian law, land and police law and forest conservation. Even so, considering Vedrov’s close acquaintance with Andreyevsky, thorough knowledge of the ideas of von Mohl and other German legal scholars and his study abroad, including³ in 1878–1879, at Heidelberg University, the seat of one of Neo-Kantian influence, it is safe to say that Vedrov was thoroughly conversant with Kant’s philosophy. In Heidelberg Vedrov attended the lectures and seminars of Johann Kaspar Bluntschli (1808–1881) and political science professor Karl Gustav Adolf Knies (1821–1898) (Polenov, 1896, p. 134). According to Bluntschli (1867, p. 332), the Kantian doctrine has the same foundation as the doctrine of the French radical school, to which he refers Rousseau and Emmanuel Joseph Sieyes (1748–1836) (*ibid.*, p. 321), namely, “the freedom of individuals” (*ibid.*, p. 333). He conceded that in Germany no philosophical doctrine was so widespread and influential as Kant’s doctrine (*ibid.*, p. 328), but his own attitude to the Kantian doctrine on

³ Ведров посещал также Болонью, Вену и Париж.

³ Vedrov also visited Bologna, Vienna and Paris.

лы французов (Блунчли, 1874, с. 295), к которым он относит Жан-Жака Руссо и Эмманюэля Жозефа Сийеса (1748–1836) (Там же, с. 285), — на признании «свободы отдельных людей» (Там же, с. 296). Он отмечал, что в Германии ни одно философское учение не достигало такого распространения и влияния, как учение Канта (Там же, с. 292), но его собственная позиция по отношению к кантовскому учению о государстве была критической: «Главная заслуга этого учения — отрицательная, главный недостаток — отсутствие положительного ядра» (Там же, с. 311).

И наконец, еще одно обстоятельство: несмотря на то что в публикуемой ниже рукописи в подписи оставлены только инициалы, а фамилия вычеркнута, по очертаниям букв можно разобрать: С. В.(едровъ).

Все приведенные выше соображения позволяют с высокой степенью вероятности предположить, что автором публикуемой рукописи является С. В. Ведров. В то же время среди известных на сегодняшний день его работ нет ни одной, в которой бы затрагивалась кантовская философия права или другие стороны учения Канта. Поэтому необходимо исследовать, были ли у Ведрова побудительные мотивы для написания комплиментарно-мемориального текста о Канте и в особенности о его философии права. Для этого в первую очередь следует проанализировать отношение к Канту университетского наставника Ведрова — Андреевского.

Так, Андреевский, в частности, указывал, что с конца XVIII в. философия права делает значительные успехи, которые связаны со «знаменитым кёнигсбергским профессором» Кантом, а также с идеями Монтескье и Бентама. Кант, согласно Андреевскому, стал «великим систематизатором» «великих идей» Французской революции, сформировавшей начала равенства между живущими в государстве людьми. Именно эти идеи Кант внес в философию права и государства как «жизненную истину и логическую необходимость» (Андреевский,

the state was critical: “The chief merit of this teaching is negative, and its chief shortcoming is the lack of a positive nucleus” (*ibid.*, p. 349).

Finally, one more circumstance: although the manuscript published herein is signed only by initials, and the name is scratched out, the outlines of letters can be made out: S.V.(edrov).

All the above considerations make it possible to claim with a high degree of certainty that the author of the manuscript being published is S. V. Vedrov. And yet not a single one of his known works touches upon the Kantian philosophy of law or any other aspects of Kant’s doctrine. All of which makes it necessary to find out whether Vedrov had any motives for writing a complimentary memorial text about Kant, especially about his philosophy of law. To this end we should first consider the attitude to Kant of Vedrov’s university mentor, Andreyevsky.

Andreyevsky pointed out that since the end of the eighteenth century the philosophy of law made considerable strides thanks to “the famous Königsberg professor” Kant and to the ideas of Montesquieu and Bentham. Kant, according to Andreyevsky (1874, p. 153), was a “great systematiser” of “the great ideas” of the French Revolution which articulated the principles of equality of the people living in a state. Kant introduced these ideas into the philosophy of law and state as “the vital truth and logical necessity”. Kant, Andreyevsky continues, drew the newest ideas from Montesquieu, Rousseau and the Encyclopedists, analysed them and “cast his views in a complete scientific form” (*ibid.*) which gave a boost to the study of law in the nineteenth century.

Andreyevsky goes on to mention the main aspects of Kant’s philosophy of law. He recalls that Kant explains the concept of law as “the relation of the freedom of the individual with the common freedom of all those who are

1874, с. 153). Кант, продолжает Андреевский, черпал самые свежие идеи у Монтескьё, Руссо и энциклопедистов, проанализировал их и «вылил свои воззрения в законченном целом научном» (Там же), сильно продвинувшем изучение права уже в XIX в.

Далее Андреевский коротко упоминает основные аспекты кантовской философии права. В частности, русский правовед напоминает, что понятие права у Канта разъясняется через «отношение свободы отдельного лица к общей свободе всех, составляющих единение в государстве» (Там же). Само право, пишет Андреевский, Кант понимает как установление таких условий, «при которых воля и произвол одного могут быть в гармонии с волею и произволом других посредством общего и обязательного для всех закона» (Там же). Посредством такого понимания права «Кант разъясняет понятие государства, существующего на началах права (*Rechtsstaat*)» (Там же), где характерными чертами являются свобода, равенство и самостоятельность для всех членов государства. Причем кантовское понятие *Rechtsstaat*, по замечанию Андреевского, было заимствовано Молем для его учения о полицейском праве (Там же, с. 170–171).

Об отношении Андреевского к учению Моля свидетельствует тот факт, что один из учеников Андреевского, Ростислав Иванович Сементковский (1846–1918), по инициативе и при «постоянном горячем участии» своего наставника еще в студенческие годы сделал перевод третьего издания «*Polizeiwissenschaft*» Моля (Сементковский, 1871, с. IX). Небезынтересно и то, что Сементковский стал автором предисловия к переводу на русский язык «Рабочего вопроса» Ф. А. Ланге, одного из предтеч неокантианства, а также принял участие в редактировании последних трех глав этого перевода и примечаний (Сементковский, 1892, с. III). Сементковский называет Ланге тем, кто в значительной степени удовлетворил потребность провести «полное и всестороннее исследова-

united within the state" (*ibid.*). Kant interprets law, according to Andreyevsky, as the creation of conditions "under which the will and freedom of action of one can be in harmony with the will and freedom of action of others through the law that is common and obligatory for all" (*ibid.*). Through such interpretation of law "Kant explains the concept of the state based on the principles of law (*Rechtsstaat*)" (*ibid.*) of which the characteristic features are freedom, equality and independence of all the members of the state. Kant's concept of *Rechtsstaat*, Andreyevsky points out, was borrowed by Mohl for his doctrine of police law (*ibid.*, pp. 170-171).

Andreyevsky's attitude to Mohl's views is highlighted by the fact that one of Andreyevsky's pupils, Rostislav I. Sementkovsky (1846–1918), on the initiative of and with the "constant ardent participation" of his mentor while still a student, translated the third edition of von Mohl's *Polizeiwissenschaft* (Sementkovsky, 1871, p. IX). It is also interesting that Sementkovsky wrote a foreword to the Russian translation of Friedrich A. Lange's *The Problem of the Worker*, one of the forerunners of Neo-Kantianism, and took part in the editing of its last three chapters and notes for it (Sementkovsky, 1892, p. III). Sementkovsky sees Lange as one of those who contributed to meeting the demand for a "full and many-sided" investigation of the labour issue. He reports that he read Lange's work while still a student and that it made a powerful impression on him (*ibid.*, p. II). He notes that since that time Lange's ideas, far from losing their relevance and merits (he gives special credit to Lange's idea of social equality), "ceased to be a bold fantasy of a thinker-poet" because they have been "vindicated" by "resolute and pressing demands of reality" (*ibid.*, p. III).

ние» рабочего вопроса. Он упоминает, что эта работа произвела на него сильное впечатление в студенческие годы (Там же, с. II). С того момента, по его замечанию, идеи Ланге не только не утратили своей актуальности и достоинства (главным из которых он называет идею установления социального равенства между людьми), но и «перестали быть смелой фантазией мыслителя-поэта», поскольку «оправдались» «решительными и неотложными требованиями действительности» (Там же, с. III).

Возвращаясь к Андреевскому, необходимо также упомянуть его убежденность в том, что в основание полицейского права лег следующий вывод Канта (в формулировке Андреевского, созвучной идеям Ланге о равенстве): «необходимость совершенно равных и одинаковых условий для возможности действовать в государстве сообразно со способностями и знаниями и идти вперед, к усовершенствованию» (Андреевский, 1874, с. 154). В связи с этим Кант, по мнению Андреевского, указывал «на необходимость разрушения... сословных привилегий», а «средство для достижения действительных государственных начал» видел в народном представительстве (Там же).

Подобную оценку Канта можно обнаружить и в более раннем сочинении Андреевского «Русское государственное право» (1866). Но здесь, в отличие от «Полицейского права», Андреевский затрагивает не только кантовскую философию права, но и теорию познания. В частности, русский правовед кратко пересказывает содержание «Критики чистого разума» следующими утверждениями: 1) человек не знает вещей самих по себе, но только явления; 2) созерцание обусловлено одновременно материей, получаемой из внешнего мира, и формой как способностью человеческого духа; 3) способность духа у Канта давать материи форму — создавать представления — называется *Verstand* (рассудком); 4) способность же связывать представления, делать из них заключения — *Vernunft* (разумом); 5) разум так-

Going back to Andreyevsky (1874, p. 154), we should mention his conviction that police law was based on the following Kant proposition (as framed by Andreyevsky, it chimes with Lange's ideas about equality): "The necessity of completely equal and similar conditions of the possibility to act within the state in accordance with one's abilities and knowledge and to move forward toward improvement." That is why, Andreyevsky argues, Kant "urged the need to abolish [...] social estate privileges" and "saw popular representation [...] as the means of achieving real state principles [...]" (*ibid.*).

This assessment of Kant can be encountered in Andreyevsky's earlier work entitled *Russian State Law* (1866). But here, unlike in *Police Law*, he touches not only on Kant's philosophy of law, but also on his theory of cognition. He sums up the *Critique of Pure Reason* through the following propositions: 1) man does not know the things-in-themselves but only their appearances; 2) intuition is conditioned simultaneously by matter received from the external world, and by form as the capacity of the human intellect; 3) according to Kant, the capacity of the intellect to give shape to matter by creating representations is called *Verstand* (understanding); 4) the capacity to connect representations, to draw conclusions from them is called *Vernunft* (reason); 5) reason also contains ideas through which the human being "orders human thinking" (Andreyevsky, 1866, p. 53).

Andreyevsky then proceeds to set forth the key ideas of the *Critique of Practical Reason*. He writes that here Kant shifts his attention to practical reason which, as distinct from theoretical reason, does not order knowledge but induces and directs the human being in external activities. In Andreyevsky's opinion, Kant was looking for something that drives man to act, but is independent from experience,

же содержит идеи, посредством которых он приводит «в порядок человеческое мышление» (Андреевский, 1866, с. 53).

Затем Андреевский переходит к изложению ключевых идей «Критики практического разума». Здесь, пишет русский мыслитель, Кант переводит свое внимание на практический разум, который, в отличие от теоретического, не занимается упорядочиванием знания, а побуждает и направляет человека к внешней деятельности. Кант, по мысли Андреевского, искал нечто, побуждающее человека к деятельности, но независимое от опыта, и нашел это в нравственном законе, дающем человеку безусловные, категорические повеления, то есть в категорическом императиве. Именно нравственный закон для Канта, продолжает Андреевский, является основанием человеческой свободы, поскольку он повелевает человеку следовать не внешней, но внутренней необходимости. Сознание человеком нравственного закона приводит человека к сознанию Бога как причины свободы и бессмертия духа (Там же, с. 54).

От свободного нравственного мира, отмечает Андреевский, Кант отличал мир юридический, где главное внимание обращено на внешнюю сторону поступка. Отсюда право, согласно Канту, стремится к созданию таких условий, «чтобы воля и произвол одного мог[ли] быть в гармонии с волею и произволом других посредством общего для всех и обязательного закона. Государство необходимо потому для обеспечения прав каждого» (Там же, с. 55). Подобные же характеристики права и государства Андреевский, как было показано, приводит в «Полицейском праве».

Заслугу Канта в области правовой теории Андреевский представляет следующим образом:

Обе рассмотренные теории (речь о теориях государства Канта и Гегеля. — Д. Р.)... явили относительно объяснения государства громадный прогресс в том, что объяснили необходимость обеспечения отдельной личной

and he found it in the moral law which gives man unconditional, categorical commands, i.e. in the categorical imperative. In Andreyevsky's view, the moral law is the foundation of human freedom insofar as it bids man to follow not external but inner necessity. The human being's awareness of the moral law leads him to God as the cause of freedom and immortality of the soul (*ibid.*, p. 54).

Andreyevsky notes that Kant distinguished the free moral world from the legal world in which the focus is on the external aspect of the act. Law, according to Kant, seeks to create conditions under which "the will and discretion of one could be in harmony with the will and discretion of others, owing to the law that is common and obligatory for all. The state is necessary to secure the rights of everyone (*ibid.*, p. 55). As has been shown above, Andreyevsky writes about the state and law in similar vein in *Police Law*.

Andreyevsky thus assesses Kant's contribution to the theory of law:

Both theories [Kant's and Hegel's theories of the state — D. R.] [...] represented huge progress in that they explained the need to secure individual freedom against the arbitrariness of public power and stressed the significance of man before citizen. [...] these theories, especially the theory of Kant and his followers, consigned the state exclusively to the legal domain, limited state activity to supervision, so that the rights of the person living in the state should not be violated, so that all should enjoy legal protection and safety (*ibid.*, p. 58).

At the same time Andreyevsky points to a shortcoming in Kant's theory of the state: his definition of the state's goal is too narrow (*ibid.*). Here the Russian legal scholar echoes Mohl's objection to the position which sees the state solely as the institution that protects rights (Mohl, 1866, p. 5).

свободы от произвола общественной власти, указали на значение человека перед гражданином. ...эти теории, особенно теория Канта и его последователей, сделали из государства исключительную юридическую область, ограничили заботы государственной деятельности исключительным наблюдением, чтобы признанные за живущим в государстве человеком права не были нарушаемы, чтобы всем была доставлена юридическая защита и безопасность (Там же, с. 58).

Вместе с тем Андреевский отмечает, что есть у кантовской теории государства и недостаток: цель государства в ней представлена слишком узко (Там же). Здесь русский правовед, вероятно, озвучивает мысль Моля о неполноте той позиции, согласно которой государство существует только как учреждение для защиты прав (Моль, 1871, с. 3–4).

Таким образом, Андреевский не только положительно отзываясь о философии права Канта, но и ставит ее в связь с развитием науки полицейского права вообще и с полицейским правом Моля в частности, что нашло отражение и в публикуемой рукописи (см. ниже, с. 122). Нельзя не заметить, что сам Андреевский свое отношение к Канту сформировал, вероятно, под влиянием своего университетского наставника К. А. Неволлина. Говорить о влиянии позволяет как минимум то, что Андреевский после смерти Неволлина издал его полное собрание сочинений.

Неволлин родился в семье священника. Окончив Вятскую духовную семинарию в 1824 г., он поступил в Московскую духовную академию (далее — МДА). Жизнь Неволлина резко изменилась в 1828 г. после вызова его М. М. Сперанским в Санкт-Петербург для того, «чтобы положить основание наук Российского правоведения» (Андреевский, 1857, с. VI–VII). В 1829 г. Неволлин отправляется в заграничную командировку в Берлинский университет, откуда возвращается в 1832 г., в 1835 г. защищает докторскую диссертацию по законоведению

Thus, Andreyevsky does not only approve of Kant's philosophy of right, but links it with the development of police law science in general and with Mohl's police law in particular, a position that is reflected in the manuscript published here (see below, p. 122). It has to be noted that Andreyevsky probably formed his attitude to Kant under the influence of K. A. Nevolin, who was his mentor at university. At least we know that after Nevolin's death Andreyevsky published his collected works.

Nevolin was born into a priest's family. After finishing the Vyatka Orthodox Seminary in 1824 he entered the Moscow Theological Academy (elsewhere MTA). His life took a dramatic turn in 1828 when he was summoned by Mikhail M. Speransky to St. Petersburg and tasked with "laying the foundation of the Russian law sciences" (Andreyevsky, 1857, pp. VI-VII). In 1829 Nevolin went abroad to study at Berlin University where he returned in 1832. In 1835 he defended a doctoral dissertation on law and was appointed to a professorship at the University of Kiev (*ibid.*, pp. IX-XII). In 1843 he was transferred to the Civil Law Chair of St. Petersburg University (*ibid.*, p. XVI).

Nevolin wrote about Kant in his very first legal work, *The Law Encyclopedia* (1839–1840). The entry on "The History of Philosophy of Legislation" contains a paragraph entitled "The Subjective Idealism of Kant and Fichte". Nevolin (1857, p. 225) claims that modern philosophy begins with Kant and defines Kant's philosophical position as subjective idealism because, according to Nevolin, its supreme principle is subjective thought (*ibid.*, p. 416).

He writes that Kant wanted to take a critical look at the functioning of various capacities of the mind. As a result of his critique of the cognitive faculty Kant established that reason

и получает должность профессора в Киевском университете (Там же, с. IX–XII). В 1843 г. он был переведен в СПбУ на кафедру гражданского права (Там же, с. XVI).

О Канте Неволин пишет в одном из самых первых своих правоведческих сочинений «Энциклопедия законоведения» (1839–1840). В главе «История философии законодательства» Неволин посвящает взглядам Канта параграф под названием «Субъективный идеализм Канта и Фихте». Он указывает, что с Канта начинается философия новейшего времени (Неволин, 1857, с. 225), и определяет кантовскую философскую позицию как субъективный идеализм, поскольку, согласно Неволину, субъективная мысль в ней становится верховным началом (Там же, с. 416).

Кант, пишет Неволин, стремился критически рассмотреть действия различных способностей души. В результате критики познавательной способности Кантом было установлено, что разум не способен познавать сущность вещей, то есть вещи сами по себе, а только их явления. «Критика практического разума» раскрывает способность разума устанавливать законы для воли независимо от опыта, исполнение же этих законов, согласно Неволину, остается под вопросом. В последней «Критике» Кант «покушается» согласовать между собой теоретическую и практическую способности посредством понятий цели и причины (Там же, с. 417–418).

Предмет права, продолжает Неволин, Кант рассматривает в «Метафизических начальных основаниях учения о праве» — первой части «Метафизики нравов». «Дополнением» этого сочинения Неволин называет другие два кантовских трактата — «Идея для всеобщей истории в видах космополитических» и «К вечному миру» (Там же, с. 418). Таким образом, Неволин был знаком не только с содержанием трех «Критик», но и с рядом других работ Канта, посвященных праву и политической философии.

Далее Неволин более подробно излагает взгляды Канта на практическую философию

is incapable of cognising the essence of things, i.e. the thing-in-itself, but can only cognise their appearance. The *Critique of Practical Reason* reveals reason's capacity to establish the laws of the will independently from experience, but Nevolin calls in question compliance with these laws. In the last *Critique* Kant "takes a shot" at marrying up the theoretical and practical capacities by bringing in the concepts of the end and cause (*ibid.*, pp. 417-418).

Nevin goes on: Kant addresses the subject of right in "The Metaphysical First Principles of the Doctrine of Right", the first part of *The Metaphysics of Morals*. Nevolin considers two other Kantian treatises, *Idea for Universal History with a Cosmopolitan Purpose* and *Perpetual Peace* (*ibid.*, p. 418) to be an "addition" to that work. Thus, Nevolin knew not only the content of the three *Critiques* but a number of other works devoted to law and political philosophy.

Further, Nevolin renders in detail Kant's views on practical philosophy and law. Citing the second *Critique* he explains the Kantian concepts of moral law, will, autonomy of will and the categorical imperative: "Act as if the maxims of your action were to become through your will a universal law of nature" (*ibid.*) Then, still proceeding from the *Metaphysics of Morals*, Nevolin explains the Kantian distinction between moral and legal right: the former calls for execution of duty for duty" whereas the latter calls for external actions to be congruent with the law, regardless of motives. The Russian thinker cites Kant's definition of right: "Right is the totality of conditions under which the will of one can be combined with the will of the other under the universal law of freedom" (*ibid.*, p. 419) and unpacks it while briefly describing the terms of the Kantian philosophy of right such as coercion, inborn and acquired rights, private and public law

и право. Он, ссылаясь на вторую «Критику», разъясняет кантовские понятия нравственного закона, воли, автономии воли, категорического императива: «поступай так, чтоб особенное правило твоей воли могло быть всеобщим законом, т.е. поступай по таким началам, которые бы могли быть началами деятельности для воли всех разумных существ» (Там же). Затем, опираясь уже на «Метафизику нравов», Неволлин объясняет кантовское различие между нравственным и юридическим законодательством: первое требует «исполнения должности для должности», в то время как второе — сообразования внешних действий с законом, независимо от побуждений. Русский мыслитель приводит кантовское определение права: «...право есть совокупность условий, при коих воля одного может быть совмещена с волею другого по всеобщему закону свободы» (Там же, с. 419) — и разбирает его, а также коротко характеризует такие термины кантовской философии права, как принуждение, права природные и приобретенные, частное и публичное право (Там же, с. 419–420), последние два русский правовед рассматривает более подробно (Там же, с. 420–435)⁴.

Давая оценку учению Канта о праве, Неволлин указывает на его достоинства и недостатки. С одной стороны, «неотъемлемым достоинством» кантовского взгляда на право Неволлин считает обоснование им автономии воли, оформление философии права в самостоятельную сферу философии, признание государства необходимым для осуществления идеи права, выдвижение идеи единства человеческого рода. С другой — Неволлин критикует Канта за формализм в практической философии: «покушение Канта вывести из своего формального начала деятельности все практические законы ума» осталось безуспешным (Там же, с. 438). Кроме того, русский мыслитель

(*ibid.*, pp. 419–420), along with a more detailed look at the last two (*ibid.*, pp. 420–435)⁴.

Assessing Kant's doctrine of law, Nevolin points out its merits and shortcomings. On the one hand, he describes as the “undeniable merit” of Kant's view of right his grounding of the autonomy of the will, establishment of the philosophy of law as an independent sphere of philosophy, recognition of the necessity of the state for implementing the idea of right, and the advancement of the idea of the unity of the human race. On the other hand, Nevolin criticises Kant for formalism in practical philosophy: “Kant's attempt to derive all the practical laws of reason from his formal principle of activity” failed (*ibid.*, p. 438). The Russian thinker argues that Kant turns the formal principle of morality into the principle of immorality. Nevolin challenges the Kantian distinction between morality and law (*ibid.*, p. 440). Summing up his critique of Kant, Nevolin writes: “Kant thereby robs people of the hope to see some day their society implement the idea of law and forces them to recognise as impossible the idea of a perfect state order and perpetual peace” (*ibid.*, p. 442).

Nevin's considerable familiarity with Kant's works can be partly attributed to his study in Germany, but we should not ignore the fact that during his study at the MTA philosophical disciplines were taught by Fedor A. Golubinsky who was thoroughly familiar with Kant's philosophical ideas (see Rozhin, 2021). Students' notes of some of Golubinsky's philosophical lectures have survived, but they all belong to the time after Nevolin was expelled from the MTA. The earliest transcript of Golubinsky's lectures was published on the basis of two manuscripts, one

⁴ Специфика рецепции Невוליным кантовской философии права заслуживает отдельного исследования, что не входит в задачи данной статьи.

⁴ The specificities of Nevolin's perception of Kant's philosophy of law merit a separate investigation which is beyond the scope of this article.

тель считает, что у Канта формальное начало нравственности непосредственно превращается в начало безнравственности. Также Неволин выступает с критикой кантовского различения нравственности и права (Там же, с. 440). Резюмируя свою критику в адрес Канта, он пишет: «Кант тем самым отнимает у людей надежду видеть когда-нибудь совершенное в своем обществе осуществление идеи права и заставляет их идею совершенного государственного устройства и вечного мира признать идеею неисполнимою» (Там же, с. 442).

Достаточно подробное знакомство Неволина с сочинениями Канта может быть объяснено его ученой командировкой в Германию, но нельзя игнорировать то, что во время обучения Неволина в МДА философские дисциплины преподавал Ф. А. Голубинский, хорошо знакомый с философскими идеями Канта (Рожин, 2021). До нас дошли некоторые лекции Голубинского по философии, записанные студентами, но все они относятся ко времени после отчисления Неволина из МДА. Самая ранняя запись лекций Голубинского была опубликована на основе двух рукописей, одна из которых принадлежит А. И. Смирнову и датируется 1830 г., а другая В. Г. Назаревскому и относится к началу 1840-х гг. (Голубинский, 1884, с. 19). В этих лекциях Голубинский упоминает Канта и дает ему неоднозначные оценки: «Кант все разрушил, и ничего не создал, не построил» (Там же, с. 65). Вероятно, что взгляды Голубинского могли также повлиять на интерес Неволина к кантовским идеям и на их критическое восприятие, хотя никаких отсылок к философии права Канта в изданных лекциях Голубинского мы не найдем.

Итак, можно утверждать, что интерес к кантовской философии права и положительная ее оценка у Ведрова могли быть обусловлены отношением к Канту Андреевского, чья позиция хотя и была сформирована под влиянием Неволина, но все же явно отличается от взглядов и Неволина, и Голубинского. В то же время

of which belongs to A. I. Smirnov and is dated 1830, and the other to Vladimir G. Nazarevsky and refers to the early 1840s (Golubinsky, 1884, p. 19). In these lectures Golubinsky mentions Kant about whom he has mixed feelings: “*Kant has destroyed everything and has not created or built anything*” (*ibid.*, p. 65). Golubinsky’s views may have influenced Nevolin’s interest in the Kantian ideas and their critical reception, but there are no references to Kant’s philosophy of law in Golubinsky’s published lectures.

To sum up, Vedrov’s interest in and positive attitude towards the Kantian philosophy may owe something to Andreyevsky whose attitude to Kant, although formed under the influence of Nevolin and Golubinsky, clearly differs from their position. At the same time, in the absence of any other known sources that could throw light on Vedrov’s attitude to Kant’s philosophy, the manuscript from Nikolsky’s archive may well be the only source demonstrating Vedrov’s position on the great Königsberg citizen.

The text of the manuscript is published in modern spelling and punctuation. All the comments belong to the publisher.

Supplement

[Article by S. V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant’s Death]

30 January / 12 February 1904

It is a hundred years since the death of the greatest German philosopher Immanuel Kant who was born in Königsberg in 1724 (9/22 April)¹ and lived there all his long life without leaving it. By a strange irony of fate, the philosopher who created a critical teaching on human being’s cognitive faculty, his mind and reason, suffered from senile dementia

другие источники, которые могли бы детальнее раскрыть отношение Ведрова к философии Канта, на сегодняшний день неизвестны, и вполне возможно, что публикуемая ниже рукопись из архива Никольского является единственным источником, демонстрирующим позицию Ведрова в отношении заслуг великого кёнигсбержца.

Текст рукописи публикуется в современной орфографии и пунктуации. Все комментарии принадлежат публикатору.

Приложение

[Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта]

30 января / 12 февраля 1904 г.

Сто лет тому назад умер величайший философ Германии Иммануил Кант, родившийся в Кёнигсберге в 1724 году (9/22 апреля)¹ и безвыездно в нем проживший всю свою долгую жизнь. Умер, по странной иронии судьбы, философ, создавший критическое учение о познавательной способности человека, о его уме и разуме, впав в слабоумие². Академическая его деятельность как профессора закончилась еще в 1795 году, как писателя около 1798 года, к которому относятся его последние труды³. Из своего родного города зорко следил философ за происходившей на его глазах эволюцией знания в эпоху дореволюционную во Франции и за практическим осуществлением отвлеченных политических начал в революционную эпоху⁴. Кант в одном своем лице обобщил для Германии и философию Вольтера, и энциклопедистов с их опытным направлением, и практические положения Монтескьё, и поэзию-политику Жан Жака Руссо⁵, и связал все неумолимую немецкою логикою⁶. Беспощадная ирония фернейского философа⁷ сменилась у Канта критическим идеализмом, примиряю-

when he died.²) His academic activities as a professor ended as early as 1795, and as a writer around 1798 when his last works were written.³) From his native town the philosopher closely watched the evolution of knowledge in pre-revolutionary France and the practical implementation of abstract political principles in the revolutionary era.⁴) For Germany Kant combined in his person the philosophy of Voltaire, the Encyclopedists with their concentration on experience, the practical propositions of Montesquieu, and the poetic politics of Jean Jacques Rousseau,⁵) tying everything together with relentless German logic.⁶) Kant exchanged the biting irony of the Ferney philosopher⁷) for critical idealism which reconciles even faithlessness with the demands of morality and religion since what the mind cannot explain needs to be assimilated by faith for the sake of the practical demands of communal living. Kant tempers the Geneva citizen Rousseau's passionate preaching of political freedom by the requirement of legality in his ideal legal state and is one of the first to declare popular representation as a practical method of determining the common will.⁸) Kant in his philosophy modifies the famous triple definition of the French idea of the state which previously proudly displayed on its national banner the grand words *liberté, égalité, fraternité*. Man is born free, he enjoys equality as a subject of the state and independence as its citizen; fraternity is the natural consequence of belonging to the human race.¹⁰) Without even touching upon the main tenets of the overall complicated system of Kant's transcendental idealism suffice it to mention his legal and political significance, which spread far beyond Germany, to appreciate this powerful brain which gave a new direction to the whole political literature. Kant outlined only the general foundations of the state system which came to be called the legal state in the

щим и безверие с требованиями морали и религии, так как необъяснимое для ума должно быть в силу «категорического императива» усвоено верою ради практических требований общежития. Страстную проповедь свободы политической женевагражданина, Руссо, Кант смягчает требованием законности в своем правовом идеальном государстве и один из первых указывает на представительство народное как практический прием для наилучшего выяснения общей воли⁸. Видоизменяет в своей философской разработке Кант и знаменитое тройственное определение французской государственной идеи, доселе гордо возвышающееся на национальном знамени, величественное «liberté, égalité, fraternité». Свободен человек от рождения, равноправностью пользуется он как подданный государства и самостоятельностью как гражданин; братство естественное следствие принадлежности к роду человеческому⁹. Не касаясь даже главных положений общей сложной системы трансцендентального идеализма Канта, достаточно указать на его значение в юридиико-политическом отношении, далеко распространившееся за пределы Германии, чтобы оценить этот могучий ум, давший новое направление всей политической литературе. Кант набросал лишь общие основания государственного строя, получившего в литературе название государства правового. Основная мысль была противопоставление идеи права и законности господству произвола административных учреждений полицейского государства XVIII века¹⁰. Практически ввести в систему управления это положение решился известный тюбингенский профессор Роберт фон Мольте, в 1832 году выпустивший в свет свою книгу «Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates»¹¹ («Наука полиции на началах правового государства»). Эта теория отразилась и на классическом труде профессора Петербургского университета И. Е. Андреевского «Полицейское право»¹², который¹³ стремится провести и в практику

literature. The core idea juxtaposed the idea of right and legality to the sway of arbitrariness of administrative institutions of the eighteenth-century police state.¹¹⁾ The Tübingen professor Robert von Mohl had the courage to introduce this provision in the governance system. In 1832 he published his book *Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*¹²⁾ (*Police Science on the Principles of the Legal State*). This theory was reflected in the classic work of Professor I. E. Andreyevsky of Petersburg University, *Police Law*,¹³⁾ in which he tries to put into the practice of Russian governance the principles of Kant's law theory applied to the internal governance system by R. v. Mohl. An ardent supporter of the 1860s reforms, who was engaged in several efforts to project them, for example, on the 1863 University Charter and liberal legislation on the press of that same time, Prof. Andreyevsky saw the new Russian system of internal governance since the end of the 1860s (the first edition of his *Police Law* was published in 1870) as the beginning of "joint activity of society and government based on positive laws".¹⁴⁾ Kant's theory of the legal state translated itself into *zemstvo* and city representation; the principles of legality were reaffirmed in the reform of the judiciary by the participation of representatives of the people's conscience in criminal trials by jury. The path charted by Kant's teaching on the legal state was embarked on by Russia already with the publication of the Code of Laws and the road traversed by our dear Fatherland is marked by the greatest of all historical monuments, the emancipation of serfs on 19 February 1861, the transformations of *zemstvos* and cities which were awakened from centuries of slumber, the participation of the popular element in the law courts, uncensored press, abolition of the head tax, the salt tax and finally the leveling of the male population in terms of the sacred duty to stand

русского управления начала правовой теории Канта, примененные к системе внутреннего управления Р. ф. Модем. Увлекающийся поклонник реформ шестидесятых годов, участник некоторых работ по их проектированию, напр. относительно университетского Устава 1863 года и либерального законодательства о печати того же времени, проф. Андреевский видел в новой русской системе внутреннего управления с конца шестидесятых годов (первое издание его «Полицейского права» 1870 года) начало «совокупной деятельности общества и правительства, основывающейся на положительных законах»¹⁴. Теория правового государства Канта вылилась практически в представительстве земства и города; начала законности получили новое подтверждение в судебной реформе с участием в суде уголовном присяжных представителей народной совести. На путь, начертанный кантовским учением о государстве правовом, выступила Россия уже изданием «Свода законов», и дорога, в этом направлении пройденная нашим дорогим отечеством, отмечена величайшим из исторических памятников, освобождением крестьян 19 февраля 1861 года, преобразованиями земства и города, пробужденных¹⁵ от вековой своей спячки, участием народного элемента в суде, бесцензурною прессою, финансовою отменой подушной подати, налога на соль и наконец уравниванием всего населения мужского в священной обязанности грудью отстаивать, при общей воинской повинности, на поле брани интересы отчизны.

Сто лет прошло, как навсегда умолкли вещи уста философа, националиста¹⁶ по личным своим качествам и привязанностям, но гения всемирного по учению, но вечное не умерло: свободная мысль полетела по всему белу свету и везде, где были люди знания и труда, принесла свою долю пользы, вылилась в желанную форму.

С. В. (едров)¹⁷

1904 г.

Января 16 дня¹⁸.

up, under universal military conscription, to defend the interests of the Fatherland in the battle field.

A hundred years have passed since the prescient voice fell silent of the philosopher, a nationalist¹⁵ in terms of personal qualities and attachments, but a world genius in terms of his teaching, but the eternal has not perished: free thought flew across the wide world and contributed its share wherever there were people of knowledge and labor, translating itself into the desired form.

S.V. (edrov)¹⁶

1904

January 16.¹⁷

Commentaries

¹) The first date here and in the title of the manuscript is given according to the 'Old Style', i.e. the Julian calendar, which was used in Russia until 1918.

²) Early biographies of Kant, written by his contemporaries who knew him well personally, amply confirm this fact. Ludwig Ernst von Borowski (1804, p. 183) wrote the following about Kant's condition: "his head was no longer able to take part in all this chaos. [...]. Nor could he finish his work 'Transition of Physics to Metaphysics' [...]"⁵, as well as "The life of our K. [...] ended after a prolonged period of physical and mental exhaustion"⁶ (*ibid.*, p. 202). Reinhold Bernhard Jachmann (1804, pp. 191-193), after one of his visits with Kant in 1803, confronted the fact that Kant could not remember him and during the conversation his thought "faded out", such that he could not even finish some simple

⁵ "[...] sein Kopf [war] nicht mehr in der Lage, an dem Wirrwarr den mindesten Antheil nehmen zu können [...]. Er konnte auch das lange projectirte Werk 'Übergang der Physik zur Metaphysik' [...] nicht beendigen."

⁶ "Unsers K. Leben [...] endigte sich nach langer Körper- und Geistesschwäche."

Комментарии

¹ Первая дата здесь и в заголовке рукописи указана по старому стилю, то есть по юлианскому календарю, который использовался в России до 1918 года.

² В ранних биографиях Канта, написанных его современниками, хорошо знавшими его лично, можно найти достаточно подтверждений этому факту. Л. Э. Боровски о таком состоянии Канта писал следующее: «...его голова была больше не в состоянии принимать даже малейшее участие в этом хаосе. <...> Он также не смог закончить свой труд “Переход физики к метафизике”...» (Ранние биографии..., 2024, с. 150), а также: «Жизнь нашего К... закончилась после продолжительного физического и духовного истощения» (Там же, с. 161). Р. Б. Яхман во время одного из своих визитов к Канту в 1803 г. столкнулся с тем, что Кант не смог его вспомнить, а мысль его во время беседы «затухала» и он не мог даже некоторые короткие предложения довести до конца (Там же, с. 278–279). Но при этом Яхман отметил, что «у Канта не было и следа душевной болезни, а его состояние было лишь проявлением все увеличивающегося ослабления умственной способности» (Там же, с. 280). Также Яхман указывает, что незадолго до смерти Кант два раза впадал в состояние бессознательности (Там же, с. 289). Наиболее обстоятельно последние годы жизни Канта описал Э. А. К. Васиански. В частности, он вспоминает, что Кант еще в 1799 г., когда его немощь была едва заметна, сказал: «Господа, я стар и слаб, вы должны относиться ко мне как к ребенку» (Там же, с. 312). Описывая последние недели жизни Канта, Васиански отмечает, что Кант был не в состоянии понимать выражения из обыденной жизни, говорил иносказательно, его занятия были «нецелесообразными» (например, несколько раз за минуту перевязывал шейный платок), наконец, он перестал узнавать близких и в феврале 1804 г., пишет Васиански, о Канте «можно было бы сказать, что за

sentences. But he noted that there was “no sign of a mental illness and his state was just a manifestation of growing feeble-mindedness”⁷ (*ibid.*, p. 196). Jachmann points out that shortly before his death Kant twice fell into a state of unconsciousness (*ibid.*, pp. 218-219). The most detailed account of the final years of Kant’s life was given by Ehregott Andreas Christoph Wasianski. He recalls, for example, that as early as 1799 when his frailty was barely noticeable, Kant said: “Gentlemen, I am old and frail, you should treat me as a child”⁸ (Wasianski, 1804, pp. 51-52). Describing the last weeks of Kant’s life, Wasianski notes that Kant could not understand simple everyday expressions, spoke in circumlocutions, his acts were “incongruous” (for example, he re-tied his scarf several times a minute), eventually he stopped recognising his close ones and in February 1804, Wasianski writes, “one could say about Kant that he was already half-dead [...] and in a vegetable state [...]”⁹ (*ibid.*, p. 202).

³ The author of the manuscript clearly had inaccurate data about Kant’s biography. Kant delivered his last lecture on 23 June 1796, but in 1798 he was appointed for the eighth time dean of Königsberg University’s philosophical department (see Salikov, Zhavoronkov and Krouglov, 2024, pp. 498-499). *The Contest of the Faculties, Anthropology from a Pragmatic Point of View* and “On Turning Out Books” (*Ueber die Buchmacherei, zwei Briefe an F. Nicolai*) were published in 1798, but the really last work published by Kant himself was the afterword for a German-Lithuanian dictionary (1800) (see *ibid.*, pp. 499-500).

⁷ “Daher sich bei ihm auch keine Spur von Geisteskrankheiten, sondern nichts als Geistesschwäche äußerte, die sich nach und nach vermehrte.”

⁸ “Meine Herren, ich bin alt, und schwach, Sie müssen mich wie ein Kind betrachte.”

⁹ “[...] so könnte man doch fast von Kant sagen, er sey einige Tage vor seinem Ende schon halbtodt gewesen [...]. Er vegetirte kaum mehr.”

несколько дней до своей кончины он был уже наполовину мертв... пребывая в растительном состоянии...» (Там же, с. 369–372).

² У автора рукописи имелись явно неточные биографические сведения о Канте. Последнюю свою лекцию Кант прочитал 23 июня 1796 г., но в 1798 г. Кант в восьмой раз стал деканом философского факультета Кёнигсбергского университета (см.: Ранние биографии..., 2024, с. 498–499). В 1798 г. были изданы «Спор факультетов», «Антропология с прагматической точки зрения» и «О книгоделании», но действительно последняя работа, опубликованная самим Кантом, — послесловие к немецко-литовскому словарю — была издана в 1800 г. (см.: Там же, с. 499–500).

³ Отношение Канта к Французской революции нельзя назвать однозначным. См. об этом подробнее: (Круглов, 2021; Жаворонков, 2015).

⁴ Согласно Боровски, Кант знал все сочинения Ж.Ж. Руссо (Ранние биографии..., 2024, с. 147), а в гостиной его дома висела гравюра Руссо (Там же, с. 150).

⁵ В этой мысли Ведров с большей вероятностью следует за Андреевским (ср.: Андреевский, 1874, с. 153).

⁶ Имеется в виду Вольтер, который купил землю с расположенном на ней городом Ферне, где устроил свою усадьбу.

⁷ Теорию правового государства Кант изложил в «Метафизике нравов» (AA 06, S. 309–342; Кант, 2014, с. 301–393). Согласно Г. Еллинеку, Кант стал основоположником собственно теории правового государства (см.: Еллинек, 1908, с. 180). Кант не только обратил внимание на внутреннюю связь государства и права (эта идея встречалась в истории человеческой мысли и до него), но основал свою теорию правового государства на идее категорического императива и таким образом указал на взаимные обязанности властей и подданных, а также на приоритетность личности и ее прав по отношению к государству в конкретно-юридическом плане. При этом приоритетность личности не носит

⁴ Kant's attitude to the French Revolution was controversial. For more see Krouglov (2021) and Zhavoronkov (2015).

⁵ According to Borowski (1804, p. 170), Kant knew all the works of Rousseau, and a Rousseau etching hung in Kant's parlour (*ibid.*, p. 176).

⁶ Vedrov apparently took this idea from Andreyevsky (1874, p. 153).

⁷ The reference is to Voltaire who bought land from the town of Ferney and set up his country estate there.

⁸ Kant set forth his theory of the legal state in *Metaphysics of Morals* (MS RL, AA 06, pp. 309–342; Kant, 1996, pp. 453–481). According to Jellinek (1905, pp. 240–241), Kant was the founder of the theory of the legal state. Kant did not only draw attention to the intrinsic link between the state and law (the idea existed before Kant), but based his theory of the legal state on the idea of the categorical imperative, thus pointing to the mutual obligations of the authorities and the subjects and to the priority of the individual and his rights vis-à-vis the state in concrete legal terms. The priority of the individual is not absolute in conformity with the categorical imperative: the individual and the state restrain themselves for the sake of the common interest. As a result, the citizen does not only formally obey state laws, but is engaged in law-making and is thus able and willing to be responsible for oneself, without which a legal state is impossible (see Baskin, pp. 61–62).

⁹ Cf. "The members of such a society who are united for giving law (*societas civilis*), i.e. the members of a state, are called *citizens of a state* (*cives*). In terms of rights, the attributes of a citizen, inseparable from his essence (as a citizen), are: lawful *freedom*, the attribute of obeying no other law than that to which he has given his consent; civil *equality*, that of not recognising among the *people* any superior

абсолютного характера, следуя именно категорическому императиву: и личность, и государство самоограничивают себя для всеобщего интереса. Как следствие, гражданин не только формально подчиняется государственному закону, но и соучаствует в законодательстве, в силу чего он способен и готов нести ответственность за себя, без чего немыслимо правовое государство (см.: Баскин, 1993, с. 61–62).

⁸ Ср.: «Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. члены государства, называются *его гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; *равенство граждан* — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* — возможность быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам в качестве члена общности; следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим» (AA 06, S. 314; Кант, 2014, с. 311). Свобода, согласно Канту, есть «единственное изначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду», и в этом праве заложено природное равенство (AA 06, S. 237–238; Кант, 2014, с. 107–111). Но при этом, как замечает А. Н. Круглов, Кант ни о каком братстве речи в этой связи не ведет (Круглов, 2014, с. 771). Следовательно, высказывание Ветрова о «братстве», скорее всего, является авторской натяжкой, основой для которой служит кантовское определение свободы (AA 06, S. 237; Кант, 2014, с. 107–109).

⁹ Ветров здесь допускает анахронизм: понятие полицейского государства (*Polizeistaat*) (где полиция всемогуща, а человек не имеет прак-

with the moral capacity to bind him as a matter of right in a way that he could not in turn bind the other; and third, the attribute of civil *independence*, of owing his existence and preservation to his own rights and powers as a member of the commonwealth, not to the choice of another among the people. From his independence follows his civil personality, his attribute of not needing to be represented by another where rights are concerned" (MS RL, AA 06, p. 314; Kant, 1996, pp. 457–458). Freedom, according to Kant, is "the only original right belonging to every man by virtue of his humanity", the right which encapsulates innate equality (MS RL, AA 06, p. 237; Kant, 1996, p. 393). But, as A. N. Krouglov (2014, p. 771) points out, Kant does not mention fraternity in this connection. Consequently, Vetrov's reference to "fraternity" is a stretch based on Kant's definition of freedom (MS RL, AA 06, p. 238; Kant, 1996, p. 394).

¹⁰ Vetrov here slips into anachronism: the concept of the police state (*Polizeistaat*) (in which the police is all-powerful and the individual has no rights, hence there is no supremacy of the law as in a legal state) and the police state began to be contrasted with the legal one, according to Kroeschell, in the Biedermeier period, i.e. after Kant's death (Kroeschell, 1993, p. 85). Kant himself saw the task of the police in ensuring "public security, convenience and decency" and believed that it made "the government's business of guiding the people by laws made easier" (MS RL, AA 06, p. 325; Kant, 1996, p. 467). Nevertheless, Kant's position, in spite of terminological inaccuracies, is on the whole presented faithfully. For example, Kant opposed violations of the principle of separation of powers, characteristic of the police state: "[...] a people's sovereign (legislator) cannot also be its ruler, since the ruler is subject to the law and so is put under obligation through the law

тически никаких прав, следовательно, нет верховенства закона, как в правовом государстве), а также само противопоставление полицейского государства правовому появилось, по мнению К. Крёшелля, в эпоху бидермайера, то есть после смерти Канта (Kroeschell, 1993, S. 85). Сам Кант задачу полиции видел в том, что она «обеспечивает общественные *безопасность, спокойствие и приличие*», и считал, что она «значительно облегчает правительству его задачу — руководить народом на основе законов» (AA 06, S. 325; Кант, 2014, с. 345). Тем не менее позиция Канта, несмотря на терминологическую неточность, содержательно представлена в целом корректно. В частности, Кант выступал против нарушения принципа разделения властей, несоблюдение которого характерно для полицейского государства: «Властитель народа (законодатель), следовательно, не может быть одновременно *правителем*, так как правитель подчиняется закону и связан им, следовательно, [ограничен] *другим лицом* — сувереном. <...> Наконец, ни властелин государства, ни правитель не могут сами *творить суд*, а могут лишь назначать судей как должностных лиц» (AA 06, S. 316–317; Кант, 2014, с. 319).

¹⁰ Фон Мольте задачу правового государства видел в таком обеспечении защиты и поддержки всем подданным, чтобы каждый мог «развивать все свои силы и преследовать свои разумные цели», то есть в создании равных для всех юридических условий деятельности (Мольте, 1871, с. 2). Само правовое государство, согласно Мольте, имеет своим основанием свободу гражданина преследовать разумные цели (Там же, с. 15).

¹¹ Андреевский считает, что задача государства состоит не только в признании посредством закона за каждым подданным прав, но и в создании посредством полицейской деятельности условий для безопасности и благосостояния (Андреевский, 1874, с. 1).

¹² В рукописи здесь описка: «которого» вместо «который».

by *another*, namely the sovereign. [...] Finally, neither the head of state nor its ruler can *judge*, but can only appoint judges as magistrates" (MS RL, AA 06, pp. 317; Kant, 1996, p. 460).

¹¹ Von Mohl (1866, p. 4) sees the task of the legal state in ensuring protection and support of all the subjects so that each could "develop his powers and pursue reasonable ends"¹⁰, i.e. create equal legal conditions for all. The legal state itself, according to Mohl, has as its basis the freedom of the citizen to pursue reasonable ends (*ibid.*, p. 15).

¹² Andreyevsky (1874, p. 1) holds that the task of the state is not only legal recognition of the rights of each subject, but also the creation of conditions for security and well-being through police activity.

¹³ See Andreyevsky (1874, p. III).

¹⁴ The meaning is unclear because nationalism as an ideological phenomenon in Europe began to gain traction only since the French Revolution, such that it is ideologically incorrect to call Kant a nationalist. Kant linked the concept of "*nation*" (*Nation, gens*) with the concept of "*people*" (*Volk, populus*) as "the number of human beings united in a region, insofar as they constitute a *whole*" and defined nation as the people that recognises itself "as united into a civil whole through common ancestry" (*Anth*, AA 07, p. 311; Kant, 2007, p. 407). Reflecting on the German national spirit, Kant calls national pride and national hatred blind instincts used to divide nations and representing national madness which should be eradicated and their place should be taken by patriotism and cosmopolitanism (*Ref* 1353, AA 15, S. 590–591). Vedrov probably uses the word "nationalist" in the meaning of "patriot".

¹⁵ The surname is in brackets and crossed out as shown.

¹⁰ "[...] *die Ausbildung ihrer sämtlichen Kräfte und die Verfolgung ihrer vernünftigen Zwecke möglich zu machen* [...]"

¹³ См.: (Андреевский, 1874, с. III).

¹⁴ В рукописи здесь, очевидно, описка: «пробужденными» вместо «пробужденных».

¹⁵ Что здесь имеется в виду, понять трудно. Поскольку национализм как идеологическое явление в Европе начал набирать обороты только со времени Французской революции, называть Канта националистом в идеологическом плане некорректно. Сам Кант понятие «нации» (Nation) связывал с понятием «народа» (Volk), который понимается им как «объединенное на некотором участке земли множество людей, поскольку они составляют одно целое», и определял нацию как народ, признающий себя «соединенным общим происхождением в гражданское целое» (АА 07, S. 311; Кант, 2024, с. 370). В своем размышлении о немецком национальном духе Кант называет национальную гордость и национальную ненависть слепыми инстинктами, которые используются для разделения наций, представляя собой национальное безумие, которое следует искоренить, а их место, согласно максимам разума, должны занять патриотизм и космополитизм (АА 15, S. 590–591 (№ 1353)). Возможно, Ведров употребляет здесь слово «националист» в значении «патриот».

¹⁶ Фамилия взята в скобки и вычеркнута, как показано.

¹⁷ Кант умер 12 февраля, соответственно, данная рукопись была подготовлена за две недели (дата написания указана по старому стилю) до столетия со дня смерти и, вероятно, предназначалась для печати в периодической прессе или для устного выступления.

Список литературы

Андреевский И. Е. От издателя // Неволин К. А. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб. : Типография Э. Праца, 1857. Т. 1 : Энциклопедия законоведения. С. III–XX.

Андреевский И. Е. Русское государственное право. СПб. ; М. : Издание М. О. Вольфа, 1866. Т. 1.

Андреевский И. Е. Полицейское право : в 2-х т. / 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типография В. В. Пратц, 1874. Т. 1.

¹⁶ Kant died on 12 February, hence the manuscript was written two weeks (the date is given in 'Old Style') before the centenary of his death and was probably meant to be printed in the press or delivered orally.

References

Andreyevsky, I. E., 1857. From the Publisher. In: K. A. Nevolin, 1857. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [Nevolin K. A. Complete Collected Works: In 6 Volumes]. Volume 1. Saint-Petersburg: Tipografiya E. Praca, pp. III–XX. (In Rus.)

Andreyevsky, I. E., 1866. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. Volume 1. St. Petersburg & Moscow: Izdanie M. O. Vol'fa. (In Rus.)

Andreyevsky, I. E., 1874. *Policejskoe pravo: v 2-h t.* [Police Law: In 2 Volumes]. Volume 1. St. Petersburg: Tipografiya V. V. Pratts. (In Rus.)

Baskin, Y. Ya., 1993. Kant and the Formation of the Idea of the Legal State in the First Half of the 19th Century in Germany. *Kantian Journal*, 1(17), pp. 61–66. (In Rus.)

Bluntschli, I. C., 1867. *Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik: Seit dem sechzehnten Jahrhundert bis zur Gegenwart. Second Edition.* München: Literarisch-artistische Anstalt der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

Borowski, L. E., 1804. *Ueber Immanuel Kant: Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants. Volume 1.* Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Eryomin, A. V., 2020. B. V. Nikolsky: A Forgotten Name in Science. *Kriminalist*, 3(32), pp. 17–23. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1884. *Lektsii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F. A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 1. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Jachmann, R. B., 1804. *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund.* Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Jellinek, G., 1905. *Das Recht des modernen Staates. Volume 1. Second Edition.* Berlin: O. Häring.

Kant, I., 1996. *The Metaphysics of Morals (1797).* In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy.* Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365–603.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View.* Translated by R. B. Louden. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education.* Edited by G. Zöllner and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227–429.

Баскин Ю. Я. Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии // Кантовский сборник. 1993. № 1 (17). С. 61–66.

Блунчли И. К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время / пер. с нем. О. Бакста и М. Новосельского. СПб. : Изд-е О. И. Бакста, 1874.

Введенский А. И., Рожин Д. О. «Великий рационалист»: Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 149–180. doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-7.

Ведров С. В. Иван Ефимович Андреевский (Некролог). СПб. : тип. Дома призрения малолет. бедных, 1891.

Ведров С. В. [Рец. на кн.] Полицейское право. [Соч.] Профессора Императорского С.-Петербургского университета В. Ф. Дерюжинского. (Пособие для студентов. СПб., 1903 г.). СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, [1904].

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. Вып. 1.

Еллинек Г. Общее учение о государстве / 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб. : Н. К. Мартынов, 1908.

Ерёмин А. В. Б. В. Никольский: забытое имя в науке // КриминалистЪ. 2020. №3 (32). С. 17–23.

Жаворонков А. Г. Кант, Ницше и Великая французская революция // Историко-философский ежегодник. 2015. Т. 30. С. 174–190.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 162–396.

Круглов А. Н. Ранняя рецепция «Первых метафизических оснований учения о праве» Канта в России (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5 : Метафизика нравов. Ч. 1. С. 723–825.

Круглов А. Н. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 63–92. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3.

Kroeschell, K., 1993. *Deutsche Rechtsgeschichte. Second Edition. Volume 3: Seit 1650*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

Krouglov, A. N., 2014. Early Reception of Kant's First Metaphysical Foundations of the Doctrine of Law in Russia (Late 18th and First Half of the 19th Centuries). In: I. Kant, 2014. *Sochinyiya na nemetskom i russkom yazykakh [Works in German and Russian Languages]. Volume 5, Part 1*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitaciya", pp. 827-970. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2021. Kant as the German Theorist of the French Revolution: The Origin of a Dogma. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 63-92. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-3>

Mohl, R. von, 1866. *Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Volume 1*. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung.

Nevolin, K. A., 1857. *Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t. [Complete Collected Works: In 6 Volumes]. Volume 1*. St. Petersburg: Tipografiya E. Prattsa. (In Rus.)

Nikolsky, B. V., 2015a. *Dnevnik. 1896–1918: v 2-h t. [Diary. 1896–1918: In 2 Volumes]. Volume 1*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Rus.)

Nikolsky, B. V., 2015b. *Dnevnik. 1896–1918: v 2-h t. [Diary. 1896–1918: In 2 Volumes]. Volume 2*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Rus.)

Polenov, B. K., 1896. Vedrov. In: *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego su-shchestvovaniya. 1869–1894 [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial St. Petersburg University for the Past Third Quarter of a Century of Its Existence. 1869–1894]*. St. Petersburg: Tip. i lit. B. M. Vol'fa, pp. 133-134. (In Rus.)

Rozhin, D. O., 2021. Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics. *Kantian Journal*, 40(1), pp. 97-123. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-1-3>

S.V., 1904. Stat'ya S. V. po povodu 100-letiya smerti Immanuila Kanta [Article by S. V. on the Occasion of the 100th Anniversary of the Death of Immanuel Kant]. In: *State Archive of the Russian Federation (GARF). Coll. 588 (Boris V. Nikolsky). Inv. 1, № 1359*. (In Rus.)

Salikov, A. N., Zhavoronkov, A. G. and Krouglov, A. N., eds. 2024. *Rannie biografii Kanta: L. E. Borovski, R. B. Yahman, E. A. Ch. Wasianski, F. T. Rink i "Kantiana" R. Reicke [Early Biographies of Kant: L. E. Borowski, R. B. Jachmann, E. A. Ch. Wasianski, F. T. Rinck, and R. Reicke's "Kantiana"]*. Translated from German by A. N. Salikov and A. G. Zhavoronkov, Commentary by A. N. Krouglov. Moscow: IKBFU Press; Centr humanitarnykh iniciativ. (In Rus.)

Моль Р. фон. Наука полиции по началам юридического государства / пер. с 3-го изд. Р. Сементковского. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. Вып. 1.

Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб. : Типография Э. Праца, 1857. Т. 1.

Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 : в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015а. Т. 1 : 1896–1903.

Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 : в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015б. Т. 2 : 1904–1918.

[Поленов Б. К.] Ведров // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб. : Типография и Литография Б. М. Вольфа, 1896. С. 133–134.

Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р. Б. Яхман, Э. А. Кр. Васиански, Ф. Т. Ринк и «Кантиана» Р. Райке / пер. с нем. А. Н. Саликова под ред. А. Г. Жаворонкова ; предисл. А. Н. Саликова, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова ; коммент. А. Н. Круглова. Калининград ; М. : Изд-во БФУ им. И. Канта ; Центр гуманитарных инициатив, 2024.

Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 1. С. 97–123. doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3.

[Сементковский] Р. Предисловие переводчика // Моль фон Р. Наука полиции по началам юридического государства / пер. с 3-го изд. Р. Сементковского. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. Вып. 1. С. I–IX.

Сементковский Р. Предисловие к русскому изданию // Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем / пер. с 4-го нем. изд. А. Б. Блёка ; предисл. Р. И. Сементковского. СПб. : Типография газеты «Новости», 1892. С. I–VI.

Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта, 1904 // ГАРФ. Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 1359. 4 л. [1904].

Стогов Д. И. Б. В. Никольский и Б. А. Садовской об императоре Александре III // Русско-Византийский вестник. 2020. №1 (3). С. 270–285.

Шимбирёва О. А. Революция 1917 г. глазами монархиста: читая дневник Б. В. Никольского // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 118–125.

Kroeschell K. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 1993. Bd. 3 : Seit 1650.

Sementkovsky, R., 1871. Preface of the Translator. In: R. von Mohl, 1871. *Nauka policii po nachalam yuridicheskogo gosudarstva* [Police Science on the Principles of the Legal State]. Volume 1. Translated from German by R. Sementkovsky. St. Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, pp. I–IX. (In Rus.)

Sementkovsky, R., 1892. Preface to the Russian Edition. In: F. A. Lange, 1892. *Rabochij vopros, ego znachenie v nastoyashchem i budushchem* [The Problem of the Worker and its Meaning for the Present and Future]. Translated from German by A. B. Blyok, with preface by R. I. Sementkovsky. St. Petersburg: Tipografiya gazety “Novosti”, pp. I–VI. (In Rus.)

Shimbiryova, O. A., 2019. The 1917 Revolution through the View of a Monarchist: Reading the Diary of B. V. Nikolsky. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], 4, pp. 118–125. <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0609.2019.4.30229> (In Rus.)

Stogov, D. I., 2020. B. V. Nikolsky and B. A. Sadovskoi about Emperor Alexander III. *Russian-Byzantine Herald*, 1(3), pp. 270–285. <http://dx.doi.org/10.24411/2588-0276-2020-10016> (In Rus.)

Vedrov, S. V., 1891. *Ivan Efimovich Andreevsky (Nekrolog)* [Ivan Efimovich Andreevsky (Obituary)]. St. Petersburg: Tip. Doma prizreniya malolet. bednyh. (In Rus.)

Vedrov, S. V., 1904. (Book Review) *Policejskoe pravo. [Sochinenie] professora Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta V. F. Deryuzhinskogo. (Posobie dlya studentov. SPb., 1903 g.)* [Review of the book Police Law. Work by Professor of the Imperial St. Petersburg University V. F. Deryuzhinsky. (Manual for Students. St. Petersburg, 1903)]. St. Petersburg: Tipo-lit. M. P. Frolovoy. (In Rus.)

Vvedensky, A. I. and Rozhin, D. O., 2024. “The Great Rationalist”: Alexey Vvedensky on Kant in the Context of Russian Kantiana. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 149–180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>

Wasianski, E. A. Ch., 1804. *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm*. Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Zhavoronkov, A. G., 2015. Kant, Nietzsche and the French Revolution. *History of Philosophy Yearbook*, 30, pp. 174–190. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Давид Олегович **Рожин**, кандидат философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Рожин Д. О. Кант в русском полицейском праве: неизвестные страницы // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 107–131.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-5>

© Рожин Д. О., 2025.

The author

Dr David O. **Rozhin**, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Rozhin, D.O., 2025. Kant in Russian Police Law: Unknown Pages. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 107-131.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-5>

© Rozhin D. O., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091)

НАСЛЕДИЕ КАНТА И ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО.

**Обзор V Международной летней школы
для исследователей, молодых ученых
и студентов**

А. Старцева^{1,2}

Представлен обзор V Международной летней школы для исследователей, молодых ученых и студентов, проходившей в преддверии 300-летия со дня рождения И. Канта и посвященной вопросу об актуальности его философских идей для осмысления и решения проблем, с которыми столкнулось человечество и с которыми ему еще предстоит столкнуться в XXI в. Школа была организована Академией Кантианой (БФУ им. И. Канта) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и форума «Петербургский диалог» и состоялась в Калининграде 14 – 20 августа 2023 г. Школа работала по следующим тематическим направлениям: Кант и философия сознания, философия права Канта, философия религии Канта, а также политическая философия Канта. Было прочитано 8 лекций, проведены тематические семинары, содержание которых отражено в обзоре. В рамках конференции молодых ученых в формате постерного доклада было представлено 60 исследований. Обсуждались вопросы интерпретации кантовского наследия в контексте современных вызовов и философских направлений. Летняя школа охватывает широкий спектр тем – от эпистемологии и метафизики до этики, политической философии, литературы и др.

Ключевые слова: Кант, философия сознания, философия права, политическая философия, философия религии

¹ Московский педагогический государственный университет, Россия, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 01.12.2024 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-6

KANT'S LEGACY AND PHILOSOPHY OF THE FUTURE.

**Report of the Fifth Immanuel Kant
International Summer School
for Young Scholars and Students**

A. Startseva^{1,2}

The following is a review of the Fifth International Summer School for Young Scholars and Students, held on the eve of the tercentenary of Kant's birth, and devoted to the question of the relevance of his philosophical ideas for understanding and solving the problems that confront humankind in the twenty-first century. The event was organized by the Academia Kantiana of the Immanuel Kant Baltic Federal University, with the support of the RF Ministry of Science and Higher Education and the Petersburg Dialog Forum, in Kaliningrad on 14 – 20 August 2023. The School engaged with the following themes: Kant and the philosophy of consciousness, Kant's philosophy of law, Kant's philosophy of religion, and Kant's political philosophy. The programme included eight lectures, as well as thematic seminars; their content is reviewed below. As part of the conference of young scholars, 60 studies were presented in poster format. Discussion centred around questions of the interpretation of Kant's legacy in the context of contemporary challenges and philosophical trends. The Summer School covered a wide range of topics, from epistemology and metaphysics, to ethics, political philosophy, literature, and more.

Keywords: Kant, philosophy of consciousness, philosophy of law, political philosophy, philosophy of religion

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU). 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 01.12.2024.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-6

В Калининграде с 14 по 20 августа 2023 г. прошла Пятая международная летняя школа для исследователей, молодых ученых и студентов, занимающихся изучением наследия Иммануила Канта. Летняя школа по Канту — ежегодное мероприятие, объединяющее молодых исследователей из разных стран для более детального изучения кантовской философии. В этот раз Летняя школа проводилась в преддверии 300-летия со дня рождения Канта и была посвящена вопросу об актуальности его философских идей для осмысления и решения проблем, с которыми столкнулось человечество и с которыми ему еще предстоит столкнуться в XXI в. Организатором летней школы стало научно-исследовательское подразделение «Академия Кантиана» Балтийского федерального университета им. И. Канта при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и форума «Петербургский диалог». Автором концепции и программы школы выступила научный директор Академии Кантианы, доктор философских наук Н. А. Дмитриева.

Школа была организована по четырем тематическим направлениям: «Кант и философия сознания», «“Самое святое из того, что есть у Бога на земле”: философия права Канта», «Философия религии Канта и религиозный плюрализм: прошлое, настоящее, будущее», «Свобода, согласие и “вечный мир”: политическая философия Канта». В рамках школы прошли общие для всех участников лекции, семинары по секциям, а также научная конференция, которая впервые проводилась в формате обсуждения постерных докладов.

В первый день летней школы участники прослушали общие лекции научных руководителей тематических направлений. Первым выступал член-корреспондент РАН, профессор, доктор философских наук В. В. Васильев, заведующий кафедрой истории западной философии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, с лекцией «Философия

The Fifth International Summer School for young scholars, and students engaged in the study of Immanuel Kant's legacy was held in Kaliningrad on 14–20 August 2023. The Kant Summer School is an annual event bringing together young researchers from various countries for deeper study of Kantian philosophy. This year, the Summer School was held on the eve of the tercentenary of Kant's birth, and was dedicated to the question of the relevance of his philosophical ideas for understanding and solving the problems which confront humankind — and which it will have to grapple with — in the twenty-first century. The Summer School was organised by the *Academia Kantiana*, a research unit of the Immanuel Kant Baltic Federal University, with the support of the RF Ministry of Science and Higher Education and the *Petersburg Dialog* Forum. The School's concept and programme were developed by Professor Nina A. Dmitrieva, Scientific Director of the *Academia Kantiana*.

This year's School was devoted to four broad themes: “Kant and the Philosophy of Consciousness”, “‘The Most Sacred Office That God Has on Earth’: Kant's Philosophy of Law”, “Kant's Religious Philosophy and Religious Pluralism: Past, Present and Future”, “Freedom, Concord and ‘Perpetual Peace’: Kant's Political Philosophy”. The School offered general lectures for all participants and thematic seminars for smaller groups, as well as a scholarly conference which, for the first time, was conducted in poster report format.

The first day of the Summer School featured general lectures by the heads of thematic focus areas. The first speaker was Professor Vadim V. Vasilyev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences and Chair of History of Western Philosophy in the Philosophy Department of Lomonosov

сознания И. Канта». Лектор отметил, что сложная и глубокая теория охватывает множество аспектов человеческого познания, провел параллели между философией Канта и аналитической философией сознания, охарактеризовал актуальность исследований кантовской философии сознания и определил круг проблем, которые решает современная аналитическая философия. Философия духа начиная с XVIII в. связывала когнитивные способности с анализом человеческого сознания. Например, в труде 1767 г. Фридриха Юстаса Риделя «Теория изящных искусств» проводится классификация знания. В этом издании он связывает философию духа с исследованиями истинного (Riedel, 1767, S. 9), а в более позднем – с исследованиями мыслительных способностей (Riedel, 1774, S. 8). Современные исследования сознания указывают на способности репрезентации и активности субъекта, что перекликается с критическим проектом Канта. Васильев усматривает источники для изучения кантовской философии сознания в «Критике чистого разума» и лекциях по метафизике конца 1770-х гг., где обсуждаются границы познания и трансцендентальное единство апперцепции. Кант противопоставляет свое понимание традиционной рациональной психологии. Он поднимает вопрос о единстве многообразных способностей в душе, частично критикуя идеи Х. Вольфа, считавшего представление мира основной способностью, из которой возникают остальные. Хайдеггер, интерпретируя Канта, утверждал, что существует базовая способность воображения, но эта интерпретация считается некорректной. Кант в своей трактовке способностей следует за Баумгартеном. Он использует его определение воображения (способность представлять предмет без его присутствия). Именно эти рассуждения о способностях объединяют идеи Канта с современными исследованиям сознания. Говоря о рассудке, Васильев отметил изменения в понимании рассудка в первом и втором изда-

Moscow State University. His lecture, titled, “Kant’s Philosophy of Consciousness”, noted that Kant’s complex and profound theory covered many aspects of human knowledge, drawing parallels between Kant’s philosophy and analytical philosophy of consciousness, and outlining the range of problems facing contemporary analytical philosophy. Beginning from the eighteenth century, philosophy of mind associated cognitive faculties with the analysis of human consciousness. For example, the 1767 book by Friedrich Justas Riedel, *The Theory of Fine Arts*, offered a classification of knowledge. It linked the philosophy of mind with the study of truth (Riedel, 1767, p. 9) and, in its later edition, with the study of the “thinking powers (*denkende Kräfte*)” (Riedel, 1774, p. 8). Present-day studies of consciousness stress the faculty of representation and the activity of the subject, which resonates with Kant’s critical project. Vasilyev sees the sources for the study of Kant’s philosophy of consciousness in the *Critique of Pure Reason*, and in the lectures on metaphysics delivered in the late 1770s, which discuss the limits of knowledge and the transcendental unity of apperception. Kant juxtaposes his ideas to traditional rational psychology. He raises the question of the unity of the diverse faculties of the soul in a way that challenges Wolff, who considers representation of the world to be the main faculty from which all the others arise. Heidegger, in interpreting Kant, argues that there exists the basic faculty of imagination, but this interpretation is mistaken. Kant’s articulation of faculties follows Baumgarten’s, using his definition of imagination (i.e., the capacity to imagine an object in the absence of that object). This view of faculties brings Kant’s ideas close to those of contemporary analytic thinkers on consciousness. On the

ниях «Критики чистого разума». Также лектор показал возможные пути развития философии сознания в идеях Канта, проанализировав понятия рассудка, разума, трансцендентального единства апперцепции. В трудах Канта можно найти имплицитное определение сознания, но в этом состоит отдельная трудность, которую участники разбирали на одном из тематических семинаров.

Следующим выступающим был профессор, доктор философских наук А. Н. Круглов, заведующий кафедрой истории западной философии философского факультета РГГУ, с лекцией «Кантовское понимание естественного права». В ней он обосновал тезис, представленный Кантом во введении к «Лекциям по естественному праву», о нетождественности этики и права и о необходимости тщательнее определить место естественного права в системе практической философии. Кант одним из первых философов систематически разграничил мораль и право как две взаимосвязанные, но отдельные сферы человеческой свободы. По его мнению, этическое и правовое измерения свободы относятся к различным аспектам человеческой жизни — внутреннему миру человека и его внешним действиям соответственно. Это разграничение играет важную роль как в философии Канта, так и в развитии теории естественного права, поскольку позволяет различать два вида свободы: внутреннюю свободу, которая связана с автономией воли и моральным самосознанием, и внешнюю, регулируемую законами права. Моральная свобода основывается на уважении к категорическому императиву, который требует совершения действий из чувства долга, независимо от внешних обстоятельств и последствий. При этом внутренние мотивы остаются вне сферы правового регулирования.

Право же, по Канту, регулирует только внешние действия человека, не претендуя на управление его внутренними убеждениями.

topic of understanding, Vasilyev noted a change in interpretation of the understanding that occurred between the first and second editions of the *Critique of Pure Reason*. He also indicated possible paths for the development of Kant's philosophy of consciousness, analysing the concepts of understanding, reason, and the transcendental unity of apperception. One can find an implicit definition of consciousness in Kant's works, but that in itself constitutes a challenge, as participants in one thematic seminar discussed.

The next speaker was Professor *Aleksey N. Krouglov*, Chair of History of Western Philosophy in the Philosophy Department of the Russian State University for the Humanities, who gave a lecture on "Kant's Understanding of the Natural Law". He grounded the thesis Kant had put forward in the Lectures on Natural Law, concerning the non-identity of ethics and law and the need to determine the place of natural law, in the system of practical philosophy more precisely. Kant was one of the first philosophers to systemically distinguish morality and law as two interconnected but distinct spheres of human freedom. By his lights, the ethical and legal dimensions of freedom belong to different aspects of human life — the inner world and the world of external action, respectively. This distinction plays an important role both in Kant's philosophy and in the development of the theory of natural law because it permits us to distinguish between two types of freedom: inner freedom, which is linked with the autonomy of the will and moral self-consciousness; and external freedom, which is regulated by laws. Moral freedom is based on respect for the categorical imperative, which dictates acting from a sense of duty regardless of external circumstances and consequences.

Основная задача права — обеспечить свободу одного человека без нарушения свободы других. Таким образом, правовые законы фокусируются на внешнем соблюдении правил и не касаются морального мотива, стоящего за действием. Круглов подчеркнул, что в кантовской системе естественное право необходимо для обоснования концепции права и его применения в общественных отношениях. По его мнению, кантовское понимание естественного права позволяет не только объяснить, каким образом человек сохраняет свою внешнюю свободу в условиях правового государства, но и определить, где лежит граница между моральными нормами и юридическими законами.

Лектор обратил особое внимание на то, что для Канта естественное право имеет нормативный и регулятивный характер, служит основанием для разработки конкретных правовых норм, которые направлены на поддержание социальной справедливости. В этом контексте естественное право выполняет роль переходного механизма между философской теорией свободы и практическими аспектами юридического регулирования. По мнению Канта, ключевая проблема разграничения морали и права заключается в их функциональной направленности. Мораль ориентирована на внутреннее совершенствование человека, тогда как право сосредоточено на установлении справедливого порядка во внешнем мире. Круглов добавил, что это разделение позволяет избежать путаницы между добровольным соблюдением моральных принципов и обязательным исполнением юридических норм.

Затем доктор философских наук Л. Э. Крыштон, профессор философии РУДН им. П. Лумумбы, в лекции «Этикоотеология И. Канта» проанализировала понятие этикоотеологии и показала, как в трудах философа по религии решаются важнейшие проблемы соотношения этики и религии. Этикоотеология — специфическое кантовское понятие, ко-

Inner motives are outside the sphere of legal regulation.

Law, according to Kant, regulates only external actions, without claiming to control our inner convictions. The main task of law is to ensure the individual's freedom without infringing upon the freedom of others. Thus, laws focus on outward compliance with the rules and are not concerned with the moral motives behind the action. Krouglov stressed that the Kantian system needs natural law to justify the concept of law and its application in social relations. In his view, the Kantian interpretation of natural law makes it possible not only to explain how external freedom is preserved in the conditions of a law-governed states, but also to determine the boundary between moral norms and laws.

Krouglov pointed out that, for Kant, natural law is normative and regulative, providing the ground for the development of concrete legal norms aimed at maintaining social justice. In this context, natural law performs the role of a transitional mechanism between the philosophical theory of freedom, and practical aspects of legal regulation. According to Kant, the key issue in distinguishing morality and law is their respective functions. Morality is aimed at inner improvement, whereas law is concentrated on establishing a just order in the external world. Krouglov added that this distinction makes it possible to avoid confusing voluntary compliance with moral principles, and mandatory compliance with legal norms.

Professor *Lyudmila E. Kryshpton*, Professor of Philosophy at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), who spoke next, lectured on the "Ethicotheology of Immanuel Kant", analysing the concept of 'ethicotheology' and demonstrating that Kant's works on religion tackle key problems

торое он использует в понимании моральной теологии. Она отличается от рациональной теологии тем, что Кант выводит понятие Бога не из рациональных аргументов, а из моральной плоскости, присущей человеку. Также этикотеология раскрывает понимание понятия высшего блага в кантовской философии, выполняя две основные задачи — обоснование существования Бога и выведение его моральных атрибутов (см.: Крыштоп, 2023, с. 107–111). В лекции были проанализированы сходства и различия между докритическими и критическими сочинениями Канта в подходе к теологии, особенно в отношении доказательств бытия Бога, а также охарактеризована эволюция взглядов мыслителя. Если в докритический период Кант еще опирается на традиционные доказательства бытия Бога, например на телеологический аргумент, то в критический акцентирует внимание на невозможности метафизического познания бытия Бога. Лектор отметила, что в критический период развития философии Канта этикотеология становится фундаментом для теологических построений.

Завершила первый день лекция доктора философских наук, профессора БФУ им. И. Канта В. А. Чалого «Кант об истоках политического». Лектор рассмотрел, как Кант обосновывает возникновение политических структур и институтов, опираясь на принципы практического разума и морального закона. Основное внимание было уделено кантовской концепции общественного договора, где политическая власть рассматривается как результат рационального соглашения между свободными индивидами. Чалый подчеркнул, что для Канта легитимность государственной власти основывается на согласии граждан, руководствующихся моральными императивами. Кроме того, в лекции рассматривалась кантовская идея «вечного мира», когда политические объединения стремятся к созданию федерации свободных государств, основанной на прин-

in the relationship between ethics and religion. Ethicotheology is a peculiarly Kantian concept which he uses in the interpretation of moral theology. It differs from rational theology in that it derives the concept of God not from rational arguments, but from the morality inherent in human beings. Ethicotheology also explains the concept of the higher good in Kantian philosophy, performing two main tasks: justifying the existence of God, and deriving it from moral attributes (cf. Kryshstop, 2023, pp. 107-111). The lecture looked at the similarities and differences between Kant's pre-critical and critical works in terms of their approaches to theology, especially the proof of the existence of God; and traced the evolution of Kant's views. While in the pre-critical period Kant still adhered to the traditional proof of the existence of God (for example, the theological argument), in the critical period he focused on the impossibility of the metaphysical cognition of the existence of God. Kryshstop noted that, in the critical period, ethicotheology becomes the foundation of Kant's theological thinking.

The first day ended with the lecture titled, "Kant on the Sources of the Political" by Professor Vadim A. Chaly, Professor of Philosophy at the Immanuel Kant Baltic Federal University. He looked at how Kant justifies the emergence of political structures and institutions proceeding from the principle of practical reason and moral law. The lecture focused on the Kantian concept of the social contract, which sees political power as the result of a rational agreement between free individuals. Chaly stressed that, for Kant, the legitimacy of state power is based on an agreement between citizens who are guided by moral imperatives. Further, the lecture analysed Kant's concept of 'perpetual peace': when political associations seek to create a

циях права и взаимного уважения (AA 08, S. 356, 380; Кант, 2024, с. 175, 203). Чалый отметил, что для достижения устойчивого мира необходимо преодоление эгоистических интересов и продвижение универсальных моральных ценностей (Чалый, 2023, с. 78–79).

В заключение обсуждалась актуальность кантовских идей в контексте современных политических дискуссий. Участники пришли к выводу, что кантианская перспектива может способствовать формированию справедливых и устойчивых политических институтов.

Второй день летней школы начался с лекции В. В. Васильева «Кантианские мотивы в мистерианстве К. Макгинна», посвященной анализу эпистемологических параллелей между философией Канта и концепцией «нового мистерианства» Колина Макгинна. Лектор начал с постановки вопроса о границах человеческого разума: существует ли нечто, что принципиально недоступно нашему пониманию? На взгляд Васильева, обе философские системы, несмотря на значительный временной разрыв и различия в контексте, предлагают сходные ответы на этот вопрос. Кант, рассуждая о природе познания, утверждал, что существуют пределы, обусловленные самой структурой человеческого разума. Макгинн, анализируя проблему сознания, пришел к схожему выводу, назвав его «когнитивной замкнутостью» (cognitive closure) (см.: Васильев, 2024, с. 402–403). Дуализм феноменального и ноуменального у Канта создает эпистемологическое ограничение, схожее с тем, что предложил Макгинн в контексте проблемы сознания. Васильев отметил, что, с точки зрения Макгинна как представителя мистерианства, проблема сознания может быть принципиально неразрешимой для человеческого интеллекта. Сознание имеет материальную природу, но его субъективные качества (*qualia*) не поддаются редукции к физическим процессам. Человеческий разум эволюционно ограничен и не способен кон-

federation of free states based on the principles of law and mutual respect (ZeF, AA 08, pp. 356, 380; Kant, 2006, pp. 80, 103-104). Chaly expressed the view that, to achieve durable peace, it is necessary to overcome selfish interests and promote universal human values (cf. Chaly, 2023, pp. 78-79).

In conclusion, Kant's ideas were shown to be relevant in the context of contemporary political discussions. The participants agreed that the Kantian perspective may inform just and durable political institutions.

The second day of the Summer School opened with the lecture of Professor V. V. Vasilyev, "Kantian Motifs in Colin McGinn's Mysterianism", devoted to epistemological parallels between the philosophy of Kant and McGinn's concept of 'new mysterianism'. The speaker began by posing a question about the limits of human reason: is there something that is in principle beyond our comprehension? Vasilyev pointed out that the two philosophical systems, despite a significant time gap and difference of contexts, give similar answers to the question. Kant, speaking about the nature of cognition, maintained that there are limits owing to the structure of human reason; McGinn, studying the problem of consciousness, came to a similar conclusion which he calls 'cognitive closure' (cf. Vasilyev, 2024, pp. 402-403). Kant's dualism of the phenomenal and noumenal creates an epistemological constraint similar to that McGinn proposes in the context of the problem of consciousness. Vasilyev noted that for McGinn, as a representative of mysterianism, the problem of consciousness may in principle defy human understanding. Consciousness has a material nature, but its subjective properties (*qualia*) cannot be reduced to physical processes. Human reason has

цептуализировать механизмы, связывающие физический мозг и субъективный опыт. Таким образом, общими чертами в философии Макгинна и Канта будет признание существования фундаментальных границ сознания и невозможности выйти за пределы этих границ с помощью рациональных методов. Но, в отличие от Канта, Макгинн вписывает сознание в физикалистскую онтологию. Лекция Васильева не только продемонстрировала глубокую связь между классической и современной эпистемологией, но и поставила важные вопросы о возможностях и пределах человеческого познания в XXI в.

После лекции участники разошлись по тематическим секциям, где более подробно обсуждали лекции первого дня, а также формулировали исследовательские вопросы и анализировали неясные места в кантовских текстах.

В 1-й секции, посвященной философии сознания, участники под руководством кандидата философских наук Н. Ю. Чепелевой (МГУ имени М. В. Ломоносова) размышляли над кантовским пониманием психологии в докритический период. Материалом для обсуждения стали наброски и конспекты лекций по метафизике 1770-х гг., в которых предварялись многие вопросы «Критики чистого разума». Дискуссия получилась очень живой, потому что в ходе беседы участники сталкивались с разными интерпретациями, определенными разными исследовательскими традициями. Секция 2, посвященная вопросам философии права, проходила под руководством А. Н. Круглова. Участники разбирали отрывки из «Основположений к метафизике нравов». Большое внимание было уделено понятию свободы как правовому понятию, а также разделению правовых обязанностей. Особый интерес у участников вызвала интерпретация брачного права в правовой концепции Канта. Секцию 3, сфокусированную на вопросах кантовской фило-

evolutionary limitations and is incapable of conceptualising the mechanism that links the physical brain with subjective experience. Thus, McGinn and Kant both recognize that there are fundamental limits to consciousness, and that it is impossible to transcend these limits by rational methods. But, unlike Kant, McGinn inscribes consciousness in physicalist ontology. Vasilyev's lecture not only demonstrated the profound connection between classical and contemporary epistemology, but raised important questions about the potential and limits of human knowledge in the twenty-first century.

After the lecture, participants split up into breakout groups (sections) by topic, where the first day's lectures were discussed in detail, research questions were formulated, and moot points in Kant's texts were analysed.

Section 1, devoted to the philosophy of consciousness and headed by Dr. *Natalia Yu. Chepeleva* (Lomonosov Moscow State University), focused on Kant's perception of psychology in the pre-critical period. This section discussed the draft notes and summaries of 1770s lectures on metaphysics, which anticipated many issues of the *Critique of Pure Reason*. The discussion turned out to be very lively because the participants were presented with interpretations belonging to different research traditions. Section 2, devoted to the philosophy of law, was headed by Professor *A.N. Krouglov*. The participants analysed extracts from *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Much attention was given to freedom as a legal concept, as well as to the distribution of legal duties. Kant's interpretation of marital law attracted particular attention. Section 3, focused on Kant's philosophy of religion, was moderated by Professor *L. E. Kryshlop*. The first session

софии религии, вела Л. Э. Крыштон. Первый семинар был посвящен кантовской критике доказательств бытия Бога. В частности, участники пытались найти ответ на вопросы, является ли отрицательное отношение Канта к доказательствам бытия Бога естественным выводом из его теории познания и действительно ли оно отрицательно? На 4-й секции под руководством В. А. Чалого участники вели разговор о просвещении как политическом проекте. Молодые исследователи последовательно анализировали и разбирали текст Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?».

После активной работы в секциях началась постерная сессия. Первую группу докладов представляли участники секции «Кант и философия сознания». Ввиду специфики секции доклады затрагивали проблемы философии сознания, гносеологии, когнитивных наук и др. а также соотносили их с кантовской философией. Были исследованы такие вопросы, как понятие пространства у Канта, роль воображения в постнеклассической рациональности, проблема свободы воли и детерминизма в перспективе современных исследований нейронаук, понимание причинности у Юма и Канта и др. Молодые исследователи представили критику «сильного» искусственного интеллекта с позиции трансцендентального учения о началах Канта, сравнивали кантовский взгляд с мнениями таких философов, как А. Райнах, М. Шлик, и др. Формат постерного доклада позволил участникам послушать большое количество работ, а также детально ознакомиться с идеями докладчиков благодаря схемам и иллюстрациям в постерах.

Третий день летней школы начался с лекции А. Н. Круглова «Кант о человеческом достоинстве и достоинстве человечества в нас». Понятие человеческого достоинства играет важную роль в кантовской этике. Кант считал, что человек обладает неповторимым и непреложным достоинством, которое проистекает

was devoted to the Kantian critique of the proof of the existence of God. The participants interrogated the question of whether Kant's negative attitude toward the proofs for the existence of God followed naturally from his theory of knowledge, and whether it was indeed negative. Section 4, moderated by Professor V. A. Chaly, discussed enlightenment as a political project. Young researchers unpacked Kant's text "An Answer to the Question: What Is Enlightenment?"

The active discussions in these sections were followed by a poster session. The first group of reports was presented by participants in the section "Kant and the Philosophy of Consciousness". Owing to the special character of the section, the reports touched upon problems of the philosophy of consciousness, epistemology, cognitive sciences, and so on, correlating these with Kant's philosophy. Among the questions explored were Kant's concept of space, the role of imagination in post-nonclassical rationality, freedom of the will and determinism from the perspective of modern neuroscience research, the concept of causality according to Hume and Kant, and so on. Young researchers critiqued 'strong' artificial intelligence from the standpoint of Kant's transcendental teaching on principles, and compared Kant's views with those of Adolf Reinach, Moritz Schlick, and others. The poster report format enabled the participants to hear a large number of presentations, and to learn the details thanks to schemes and illustrations on the posters themselves. The School's third day began with Professor A. N. Krouglov's lecture 'Kant on Human Dignity and the Dignity of Humanity Within Us'. The concept of human dignity plays an important role in Kant's ethics. For Kant, man possesses a unique and undeniable virtue stemming from the faculty of

из его способности к разумному мышлению и моральному выбору. Круглов подчеркнул, что для Канта достоинство человека связано с его моральной автономией и способностью к самосовершенствованию. Кант рассматривает достоинство как внутреннюю ценность, определяемую не внешними обстоятельствами, а внутренними моральными качествами человека. В лекции также была охарактеризована концепция «достоинства человечества в нас», которая отражает идею о том, что каждый человек несет ответственность за человечество в целом (Круглов, 2024, с. 65–66). Круглов выделил ключевую мысль Канта о том, что человек не может быть использован исключительно как средство для достижения чужих целей, но всегда должен рассматриваться как цель сама по себе. Это является основой кантовского принципа категорического императива, который требует, чтобы человек действовал так, как если бы его действия могли стать универсальным законом для всех. Эта моральная автономия и способность действовать согласно моральному закону являются основными компонентами человеческого достоинства в кантовской системе. Лектор отметил, что для Канта каждый человек несет ответственность не только за свое собственное достоинство, но и за достоинство всего человечества. Это подразумевает признание ценности не только каждого отдельного индивида, но и целого человеческого сообщества, с его этическими и моральными обязанностями перед будущими поколениями. Эта концепция, по Круглову, глубоко связана с идеей морального прогресса и возможностью совершенствования человечества через действия морально ответственного индивида. Для Канта моральный закон является выражением разума, и каждый человек обязан следовать этому закону, признавая ценность человечества в себе и в других.

После выступления были заданы вопросы об определении источника человеческого достоинства, о том, является ли достаточным ос-

rational thinking and moral choice. Krouglov stressed that, on this view, human dignity arises from human moral autonomy and capacity for self-improvement. Kant considers dignity to be an inner value determined not by external circumstances, but by human's internal moral qualities. The lecture also described the concept of the 'dignity of humanity within us', reflecting the idea that every person bears responsibility for humanity as a whole (*cf.* Krouglov, 2024, pp. 65-66). Krouglov emphasised Kant's key idea that human beings cannot be used solely as a means for achieving others' goals, but should always be viewed as ends-in-themselves. This is the foundation of Kant's principle of the categorical imperative, which demands that one act as though one's actions could become universal laws for all. Moral autonomy and the capacity to act according to the moral law are the main components of human dignity according to Kant. The lecturer underscored that, for Kant, every person bears responsibility not only for one's own dignity but also for the dignity of the whole of humankind. This implies recognition of the value not only of every individual, but of the entire human community with its ethical and moral duties toward future generations. This concept, Krouglov argues, is connected with the idea of moral progress and humankind's capacity to improve itself through the actions of morally responsible individuals. For Kant, the moral law is an expression of reason, such that every individual must follow this law recognizing the value of humanity within oneself and others.

The speaker was asked questions about the source of human dignity; whether rational thinking and moral choice are sufficient conditions for dignity; and about universalisation of the concept of dignity. The

нованием достоинства разумное мышление и моральный выбор, а также об универсализации понятия достоинства. Дальнейшее обсуждение лекции было перенесено в рамки тематических секций.

В конце дня постерную сессию продолжили участники философско-правовой секции. В ряде постеров рассматривались проблемы соотношения правовой философии Канта с концепциями других философов — Спинозы, Гоббса, Сартра. В докладах освещались проблемы кантовского понимания права, свободы и политической власти. Исследователи анализировали, как идеи Канта о правовом государстве и вечном мире могут быть применены к современным политическим реалиям, включая вопросы сопротивления власти, легитимности и глобальной справедливости. Хотя секция была посвящена философско-правовой тематике, участники также представили доклады о рецепции кантовских идей Ф. Шиллером, Ф. Кафкой, М. М. Бахтиным, Андреем Белым.

Следующий день летней школы начался с лекции Л. Э. Крыштон «Чистая религия разума и исторические религии». Для Канта религия разума является моральной религией: вера в Бога и бессмертие души вытекают из морального закона, присущего каждому разумному существу. Эта религия не зависит от внешних откровений или церковных догм, а основывается на внутреннем моральном опыте и разуме индивида. В лекции Крыштон обратила внимание на понятие «чистой религии» в сравнении с историческими религиями, основанными на священных писаниях и традициях и часто включающими элементы, не всегда согласующиеся с требованиями чистого разума. По мнению лектора, кантовская религия разума стремится к универсальности и рациональности, в то время как исторические религии могут быть ограничены культурными и историческими контекстами. Важно, что исторические религии предписывают верующему выполнение различных внешних действий ри-

discussion of the lecture continued in topical breakout groups (sections).

Later in the day, the poster session continued with presentations by participants in the philosophical-legal section. Some posters were devoted to the relationship between Kant's philosophy of law and the views of other philosophers, including Baruch Spinoza, Thomas Hobbes, and Jean-Paul Sartre. The presentations touched on issues in Kant's ideas about law, freedom, and political power. Speakers reflected on how Kant's ideas about the law-governed state and perennial peace could be applied to present-day political realities, including issues of resistance to power, legitimacy, and global justice. Although the section was devoted to philosophical-legal matters, some presentations pertained to the reception of Kant's ideas by Friedrich Schiller, Franz Kafka, Mikhail M. Bakhtin, and Andrey Bely.

The next day of the Summer School began with Professor L. E. Kryshpton's lecture "Pure Religion of Reason and Historical Religions". For Kant, the religion of reason is a moral religion: faith in God and immortality of the soul flow from the moral law which is inherent in every intelligent creature. This religion does not depend on external revelations or church dogmas, being based on the individual's inner moral experience and reason. In her lecture, Kryshpton drew attention to the concept of 'pure religion' compared with historical religions based on holy scriptures and traditions, and often including elements that do not agree with the prescriptions of pure reason. She observed that Kant's religion of reason seeks to be universal and rational, whereas historical religions may be hemmed in by cultural and historical contexts. It is important that historical religions demand that believers observe rituals,

туального характера, придавая им определенную моральную ценность, хотя эти действия сами по себе морально индифферентны. В лекции обсуждалась и роль религии разума в контексте философии Просвещения — было подчеркнуто ее значение для развития моральной философии и этики. Крыштоп отметила, что кантовская концепция религии разума оказала влияние на развитие теологических и философских идей в эпоху Просвещения, поспособствовав формированию более рационального и этичного подхода к религиозным вопросам.

Лекция вызвала оживленную дискуссию по поводу постулатов практического разума, а также взгляда Канта на изначальное зло в человеческой природе. Анализ концепции чистой религии продолжился в ходе семинаров.

Постерная сессия четвертого дня была подготовлена исследователями третьей тематической секции. Сессия показала многообразие возможных, в том числе критически заостренных, связей кантовской философии с идейным наследием самых разных мыслителей: немецких философов Шульце, Маймона, Фихте, Шеллинга и Гегеля, мистиков Экхарта, Вайгеля, Бёме и Сведенборга, русских мыслителей А. С. Хомякова, Вл. Соловьева, свт. Иннокентия (Борисова), чешского логика Павла Тихого, японских философов Нисиды Китаро и Танабэ Хадзимэ. Кроме того, на этой сессии были представлены интересные исследования идей Канта в области музыкальной эстетики. Обсуждение докладов вновь подтвердило актуальность философских идей Канта. Постерная сессия закончилась общей дискуссией об отношении Канта к мистике.

В заключительный день летней школы В. А. Чалый прочитал лекцию «“Во всем, что не противоречит внутренне моральному”: политическая власть и кантовская этика», где провел обзор основных принципов кантовской этики и их влияния на политическую власть. Лектор подчеркнул, что кантовский подход предполагает обязательность подчинения го-

investing them with a certain moral value, although the rituals themselves are amoral. The lecture also discussed the role of the religion of reason in the context of the Enlightenment philosophy, stressing its significance for the development of moral philosophy and ethics. Kryshstop noted that Kant's religion of reason influenced the development of theological and philosophical ideas in the Enlightenment era, contributing to a more rational and ethical approach to religious questions.

The lecture sparked a lively discussion about the postulates of practical reason and Kant's view of the inherent evil in human nature. Analysis of the concept of 'pure religion' continued in the course of the seminars. The poster session of the fourth day featured presentations by members of the third topical section. The session revealed the diversity of links, often critically sharp, between Kant's philosophy and a legacy of diverse thinkers such as the German philosophers Gottlob Ernst Schulze, Salomon Maimon, Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Wilhelm Joseph Schelling, and Georg Wilhelm Friedrich Hegel; the mystics Meister Eckhart, Valentin Weigel, Jakob Böhme, and Emanuel Swedenborg; the Russian thinkers Aleksey Khomyakov, Vladimir Solovyov, and St. Innocent (Borisov); the Czech logician Pavel Tichý; and Japanese philosophers Nishida Kitarō and Tanabe Hajime. The session was also presented with some interesting research into Kant's thought on musical aesthetics. The discussion of the presentations reaffirmed the relevance of Kant's philosophical ideas. The poster session ended with a general discussion of Kant's attitude toward mysticism.

On the final day of the Summer School, Professor V. A. Chaly delivered a lecture titled, "‘In Whatever Does Not Conflict with Inner Morality’: Political Power and Kantian Ethics”.

сударственным законам, если они не нарушают моральных принципов. Однако в реальной политической практике часто возникают ситуации, когда законы или действия властей могут противоречить моральным требованиям. В таких случаях, по мнению Чалого, кантовская этика допускает моральное сопротивление или даже революцию.

В ходе рассмотрения ограничений и возможностей применения кантовской этики в политической сфере лектор говорил о важности моральной автономии граждан и их способности критически оценивать действия властей. Было показано, как кантовская концепция свободы и морального долга может быть использована для обоснования политического сопротивления и революционных действий в случае нарушения моральных основ со стороны власти. В частности, лектор продемонстрировал, как категорический императив и понятие человеческого достоинства могут влиять на функционирование политической системы. В дискуссии по завершении лекции участники обсудили актуальность политической концепции Канта и то, какие ограничения должны быть установлены для обеспечения соответствия политической власти кантовским принципам морали.

Заключительная постерная сессия была посвящена преимущественно практической философии и затрагивала все темы предыдущих лекций. Обсуждались такие кантовские понятия, как свобода воли, категорический императив, идея всемирно-гражданского общества и др. Исследователи задавались вопросами, можно ли понимать современное искусство с помощью эстетики Канта, как совмещается детерминизм и свобода воли, что общего у Канта и Арендт, Канта и Юнгера, как образ Канта формировался у писателей Серебряного века. Представленные на постерной сессии доклады показали неизменную актуальность кантовской философии в самых разных философских и нефилософских направлениях.

Лекции, семинарские занятия по тематическим направлениям и конференция молодых

He reviewed the main principles of Kantian ethics and their impact on political power. He stressed Kant's view that state laws must be obeyed unless they violate moral principles. However, in real political practice, situations often arise where the laws and actions of state power run counter to moral precepts. In such cases, Chaly believes, the Kantian ethic allows moral resistance and even a revolution.

In a discussion of the limits and possibilities of the Kantian ethic applied to the political sphere, Chaly underlined the importance of the moral autonomy of citizens and their ability to criticize the actions of authorities. He demonstrated that the Kantian concepts of freedom and moral duty can be used to justify political resistance and revolutionary action in cases where the authorities violate the principles of morality. He demonstrated how the categorical imperative and the concept of human dignity could influence the functioning of the political system. In the discussion following the lecture, participants spoke about the relevance of Kant's political views, and the constraints needed to ensure that political power complies with Kantian moral principles. The final poster session was devoted mainly to practical philosophy, touching on all the themes of preceding lectures. Among the topics were Kantian concepts such as free will, the categorical imperative, the idea of a cosmopolitan civil society, and so on. Speakers asked whether Kant's aesthetics can explain modern art; how determinism and the free will might be combined; what Kant and Hannah Arendt, and Kant and Ernst Junger have in common; and how the image of Kant formed the Silver Age writers. The reports presented at the poster session demonstrated the enduring relevance of Kantian philosophy in diverse philosophical and non-philosophical spheres.

ученых в новом постерном формате продемонстрировали увлеченность участников из разных городов России и даже стран (в школе приняли участие граждане Беларуси, Казахстана и Колумбии) исследованиями кантовской философии. Активные дискуссии с научными руководителями и другими участниками летней школы доказали актуальность и применимость идей Канта для решения современных проблем. Кроме того, школа подарила молодым исследователям незабываемый опыт научного общения, позволила объединить представителей научного сообщества, интересующихся философией Канта, а также познакомила с новыми местами: участники посетили в Калининграде Кафедральный собор с мемориалом Канта, увидели памятники Канту и Шиллеру, познакомились с уникальным природным памятником ЮНЕСКО — Куршской косой. Летние школы, организованные Академией Кантианой, из года в год объединяют молодых исследователей из разных городов и стран. Создание такой платформы для научных дискуссий стимулирует молодых исследователей к дальнейшему изучению и развитию философии.

Список литературы

Васильев В. В. Кантианские мотивы в мистерианстве Колина Макгина // Иммануил Кант и философия сознания / под ред. В. Е. Семенова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. С. 400—424.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2. С. 159—211.

Круглов А. Н. О кантовском понятии человеческого достоинства сегодня // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 47—75. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-3>.

Крыштон Л. Э. Этикотеология Канта и его понятие высшего блага // Философия религии: аналитические исследования. 2023. Т. 7, № 1. С. 99—120. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2023-7-1-99-120>.

The lectures, topical seminars, and the conference of young scholars in the novel, poster format highlighted the engagement of participants from various cities across Russia and even various countries (taking part were citizens of Belarus, Kazakhstan, and Columbia) with research on Kant. Active discussions with academic supervisors and other participants in the Summer School demonstrated the relevance and applicability of Kant's ideas to the tackling of today's problems. In addition, the School gave budding researchers an unforgettable experience of academic communication, united the representatives of the academic community interested in Kant's philosophy, and acquainted them with new places: a cathedral with a Kant memorial in Kaliningrad, monuments to Kant and Schiller, and Curonian Spit, a unique UNESCO site. Year after year, the Summer Schools organized by the *Academia Kantiana* bring together young scholars from various cities and countries. The creation of such a platform for discussion stimulates young researchers to study and develop philosophy.

References

Chaly, V. A., 2023. Reclaiming the "Cultural Mandate": The Idea of Sustainable Development in the Kantian Perspective. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 68-94. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-2-4>

Kant, I., 2006. Toward Perpetual Peace. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an Introduction by P. Kleingeld, translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 67-109.

Krouglov, A. N., 2024. The Kantian Concept of Human Dignity Today. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 47-75. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-3>

Kryshtop, L. E., 2023. Kant's Ethicotheology and His Concept of the Highest Good. *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 7(1), pp. 99-120. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2023-7-1-99-120> (In Rus.)

Чалый В. А. Возвращая «культурный мандат»: Идея устойчивого развития в кантианской перспективе // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 2. С. 69–94. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-2-4>.

Riedel F. J. *Theorie der schönen Künste und Wissenschaften: ein Auszug aus den Werken verschiedener Schriftsteller*. Jena : Christian Henrich Cuno, 1767.

Riedel F. J. *Theorie der schönen Künste und Wissenschaften: Neue Auflage*. Wien ; Jena : Christian Henrich Cuno, 1774.

Об авторе

Арина **Старцева**, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: arinastartseva7@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6881-7620>

Для цитирования:

Старцева А. Наследие Канта и философия будущего. Обзор V Международной летней школы для исследователей, молодых ученых и студентов // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 132–146.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-6>

© Старцева А., 2025.

Riedel, F. J., 1767. *Theorie der schönen Künste und Wissenschaften: ein Auszug aus den Werken verschiedener Schriftsteller*. Jena: Christian Henrich Cuno.

Riedel, F. J., 1774. *Theorie der schönen Künste und Wissenschaften: Neue Auflage*. Wien & Jena: Christian Henrich Cuno.

Vasilyev, V. V., 2024. Kantian Motifs in Colin McGinn's Mysterianism. In: V. E. Semenov, ed. 2024. *Immanuel Kant i filosofiya soznaniya [Immanuel Kant and the Philosophy of Consciousness]*. Kaliningrad: IKBFU Press, pp. 400-424. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Arina **Startseva**, M.A., Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: arinastartseva7@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6881-7620>

To cite this article:

Startseva, A., 2025. Kant's Legacy and Philosophy of the Future. Report of the Fifth Immanuel Kant International Summer School for Young Scholars and Students. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 132-146.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-6>

© Startseva A., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Научное издание

**КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL**

2025

**Том
Vol. 44**

№ 1

Перевод с рус. на англ. *Е.Н. Филиппов*

Перевод с нем. *Н. А. Дмитриева*

Редактор *Д.А. Малеваная*

Выпускающий редактор *И.О. Дементьев*

Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E.N. Filippov*

Translated from German by *N. A. Dmitrieva*

Copy-edited by *D.A. Malevanaya*

Publishing editor *I.O. Dementev*

Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 04.04.2025 г.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,4

Тираж 50 экз. Заказ 34

Sent to the printers on April 04, 2025

Size 84×108 ¹/₁₆. 15,4 sheets

50 copies. Order 34

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia